

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

6

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2024

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

6

2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

6

2024

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал. А. член-корр. РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р. (Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., г. н. с. Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискис И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. (Libman) профессор Свободного университета Берлина (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., и. о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2024

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2024

Издатель: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту: ФГБУ «Издательство “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Адрес редакции: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Тел. +7 (495) 692-21-02.

E-mail: ons@pran.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)
Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)
Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)
Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)
Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)
Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)
Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)
Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Acting Rector of the Kyrgyz Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)
Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)
Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2024

Publisher: Russian Academy of Sciences
 119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia
 Executor under contract: Publishing House "Nauka", 121099, build.1, 6, Shubinskiy per., Moscow, Russia
 Address: Russian Academy of Sciences, 119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia
 Tel. +7 (495) 692-21-02.
 E-mail: ons@pran.ru
 Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Дюдикова Е.И. Метавселенная: от феномена социальной группы криптоэнтузиастов к базису нового мироустройства	7
Каминченко Д.И., Комаров И.Д., Горбунова М.Л. Управленческая ментальность в контексте цифровизации: межстрановой анализ	25
Сухарев М.В. Коллективный субъект в цифровую эпоху	41

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ

Жерлицына Н.А. Нелиберальная модель регулирования нелегальной трудовой иммиграции в странах Персидского залива	57
Кондратьева Н.Б. Депопуляция стран Балтии в условиях европейской интеграции	68

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Шавецко Н.А. Современные республиканские концепции демократии: общие признаки и два идеальных типа	83
Минат В.Н. Метаморфозы бюджета времени как проявление темпоральных трансформаций общественных отношений (опыт США)	96

МЕДИЙНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Москаленко Н.М. От медиаграмотности к медиафилософии: западная мысль XX–XXI вв. о жизни в информационном обществе	111
--	-----

Трибуна молодого ученого

Павлов А.Е. «Смена эпох» в оборонной политике ФРГ: основные шаги, ограничения и риски	124
Колесов Д.И. Социальный кризис в ЕС: признаки аномии	138

CONTENTS

DIGITALIZATION TENDENCIES

Dyudikova E. The Metaverse: From the Phenomenon of a Social Group of Crypto Enthusiasts to the Basis of a New MetaSociety	7
Kaminchenko D., Komarov I., Gorbunova M. Governmentality in the Context of Digitalization: Cross-Country Analysis	25
Sukharev M. The Collective Subject in the Digital Age	41

MIGRATION PROBLEMS

Zherlitsyna N. The Illiberal Model of Regulating Illegal Labor Immigration in the Persian Gulf States	57
Kondratieva N. Depopulation of the Baltic States in the Context of European Integration	68

PUBLIC RELATIONS

Shaveko N. Contemporary Republican Concepts of Democracy: Common Features and Two Ideal Types	83
Minat V. Metamorphoses of the Time Budget as a Manifestation of Temporal Transformations of Social Relations (the US experience)	96

MEDIA STUDIES

Moskalenko N. From Media Literacy to Media Philosophy: Western Thought of the XXth–XXIst Centuries on Life in the Information Society	111
--	-----

ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Pavlov A. The “Zeitenwende” in German Defence Policy: Major Steps, Limits and Risks	124
Kolesov D. Social Crisis in the EU: Features of Anomie	138

ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ DIGITALIZATION TENDENCIES

Оригинальная статья / Original article

Метавселенная: от феномена социальной группы криптоэнтузиастов к базису нового мироустройства¹

© Е.И. ДЮДИКОВА

Дюдикова Екатерина Ивановна, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия); Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Россия), ekidyudikova@fa.ru. ORCID:0000-0001-8126-6529

Результатом цифровой революции в период глобальных шоков и кризиса доверия становится новый формат информационно-коммуникационного пространства, имеющий огромный потенциал к слиянию с реальным миром в симбиотическую сеть. Цифровая среда признается первоосновой метавселенной. Определяющие ее характеристики – вездесущность, динамичность, нейтралитет, неискажаемая цифровая личность и ее соответствие реальному пользователю, виртуальная гравитация во времени и пространстве. Однако по сей день метавселенная предстает эфемерной теоретической идеей, ориентированной на смену социально-экономической формации. В новой парадигме общественного развития выделены подходы к раскрытию сущности метавселенной в соотношении с доверенной информационно-коммуникационной средой взаимодействия. Эти подходы определяют характер и конструктивность грядущих изменений экономического пространства. Исследуются предпосылки идеи смешанной реальности в аспекте слияния индустрии видеоигр с криптовалютным рынком и превращения в принципиально новую медиасреду с креативным опциональным сопровождением. Сделан вывод о формировании национальной метавселенной, которая начинается с цифровой трансформации денежного обращения. Ее первоочередность обусловлена способностью перманентного преобразования социально-экономической действительности всех форматов в единой связке. Адаптирована модель Басса для определения динамики вовлеченности общества в цифровое экономическое пространство, что позволило установить особенности проникновения цифрового рубля как едиnorodного элемента метавселенной.

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00283 (<http://rscf.ru/project/24-28-00283/>).

Funding. The research was funded by the grant No 24-28-00283 of the Russian scientific foundation (<http://rscf.ru/project/24-28-00283/>).

Ключевые слова: индустрия видеоигр, криптовалюта, метавселенная, модель Басса, смешанная реальность, цифровая трансформация, цифровой рубль, цифровые (крипто) знаки, экономическая социализация, экономическое пространство

Цитирование: Дюдикова Е.И. (2024) Метавселенная: от феномена социальной группы криптоэнтузиастов к базису нового мироустройства // Общественные науки и современность. № 6. С. 7–24. DOI: 10.31857/S0869049924060016, EDN: JCBOTC

The Metaverse: From the Phenomenon of a Social Group of Crypto Enthusiasts to the Basis of a New MetaSociety

© E. DYUDIKOVA

Ekaterina I. Dyudikova, Financial University (Moscow, Russia); North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia), ekidyudikova@fa.ru. ORCID: 0000-0001-8126-6529

Abstract. The result of the digital revolution in a period of global shocks and crisis of trust is a new format of the information and communication space, which has a huge potential to merge with the real world into a symbiotic network. The digital environment is recognized as the primary basis of the metaverse, the defining characteristics of which are omnipresence, dynamism, neutrality, undistorted digital personality and its correspondence to the real user, virtual gravity in time and space. However, to this day, the metaverse is an ephemeral theoretical idea, focused on changing the socio-economic formation. In the new paradigm of social development, approaches to the disclosure of its essence in relation to the trusted information and communication environment of interaction are highlighted. These approaches determine the nature and constructiveness of future changes in the economic space. The prerequisites for the emergence of the idea of mixed reality (merging the gaming industry with the cryptocurrency market and turning into a fundamentally media environment with creative optional support) are investigated. The conclusion is made about the formation of the national metaverse beginning with the digital transformation of monetary circulation. Its priority is due to the ability to permanently transform the socio-economic reality of all formats in a single bundle. The Bass model has been adapted to determine the dynamics of society's involvement in the digital economic space. The model made it possible to establish the features of the penetration of the digital ruble as an essential element of the metaverse.

Keywords: video game industry, cryptocurrency, metaverse, Bass model, mixed reality, digital transformation, digital ruble, digital (crypto) signs, economic socialization, economic space

Citation: Dyudikova E. (2024) The Metaverse: From the Phenomenon of a Social Group of Crypto Enthusiasts to the Basis of a New MetaSociety. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 7–24. DOI: 10.31857/S0869049924060016, EDN: JCBOTC (In Russ.)

Настоящее парадоксально: гиперболизированные фантазии прошлого превращаются в сценарии реального будущего. Американский писатель-фантаст С. Вейнбаум в 1935 г. опубликовал книгу «Очки Пигмалиона», где раскрывает возможности альтернативной реальности. Французский художник А. Арто в 1938 г. впервые ввел в оборот формулировку «виртуальная реальность», представленную в сборнике «Театр и его двойник». Американский писатель-фантаст Н. Стивенсон в 1992 г. описал метавселенную как анти-утопию общества в романе «Лавина». Кинематограф с каждым годом все чаще предлагает

различные сценарии метавселенной будущего, например, «Матрица», «Экзистенция», «Загрузка», «Первому игроку приготовиться», «Черное зеркало» и другие. В парадигме зарождения общества новой формации (smart, супер интеллектуальное, общество 5.0) уже проявляется неореальность в контексте цифровой трансформации финансовой системы. Ее демонстрирует, в частности, организация цифрового денежного обращения, легитимизация цифрового инвестирования и смарт-контрактов, проактивный режим с углубленной симуляцией повседневных процессов, негласная «поддержка» криптовалютной индустрии. Все они предопределяют революционные преобразования в едином экономическом пространстве в формате национальной метавселенной². Она не имеет собственного образа и не облечена в конкретный осязаемый продукт. Отсюда, невозможно предложить доказательство/опровержение конкретных утверждений, но требуется расширить горизонты познания ее сущности и специфики как результата цифровой трансформации информационно-коммуникационного пространства.

Метавселенная как симбиоз реального и виртуального миров

В научной литературе отсутствует единое терминологическое понимание дефиниции «метавселенная». Результат эмпирических изысканий, в ходе которых проанализировано множество определений, показал их единство в части альтернативной реальности, существующей параллельно с физическим миром. Однако это следует из перевода: греческая приставка «meta» с учетом этимологии слова «вселенная» буквально означает «за пределами освоенной человечеством предметно-вещественной части мира», то есть, по сути, предполагает абстрагирование от наблюдаемого материального мира. Вместе с тем обнаружена противоречивость определений, что позволило выделить два подхода к раскрытию сущности метавселенной: инкорпоративный и синтезирующий. В основу такого разделения заложена градация форматов информационно-коммуникационного пространства (рис. 1, рис. 2). Она обусловлена социально-экономическим прогрессом на фоне научно-технологического прорыва и трансформационного кризиса. Градация форматов информационно-коммуникационного пространства выражается в переходе:

- от предметно-вещественного к электронному как совокупности разрозненных автономных информационных систем с «закрытым» контуром. Электронное пространство требует обмена информацией в неавтоматизированном виде. Соответственно, ему свойственны признаки фрагментации, энтропийности, множественности, обособленности, раздробленности, непостоянства, ограниченности, неустойчивости, скрытности, изменчивости, зависимости, перегруженности, обезличенности, итерации, инертности единицы и инфодемийности;
- от электронного к цифровому как единому доверенному пространству предоставления индивидуализированного контента и воплощения комплекса уникальных возможностей за счет комплементарности WEB 3.0 ↔ WEB 4.0. В результате, согласуются интересы государства, бизнеса и человека вследствие соблюдения принципов децентрализации и распределенности, прямого доступа и отказоустойчивости, разумной открытости и прозрачности, безопасности и надежности, неизменности и неотрекаемости. Соблюдение

² Формулировка «метавселенная» – дословный перевод идеи «metaverse». Реальное воплощение идеи предполагает глобальный мировой характер метавселенной и сегментацию ее по национальным признакам с гарантией международной интерактивности. В то же время, чтобы упростить восприятие практического воплощения идеи на национальном уровне, в контексте статьи условно обозначим сегмент страны как национальную метавселенную.

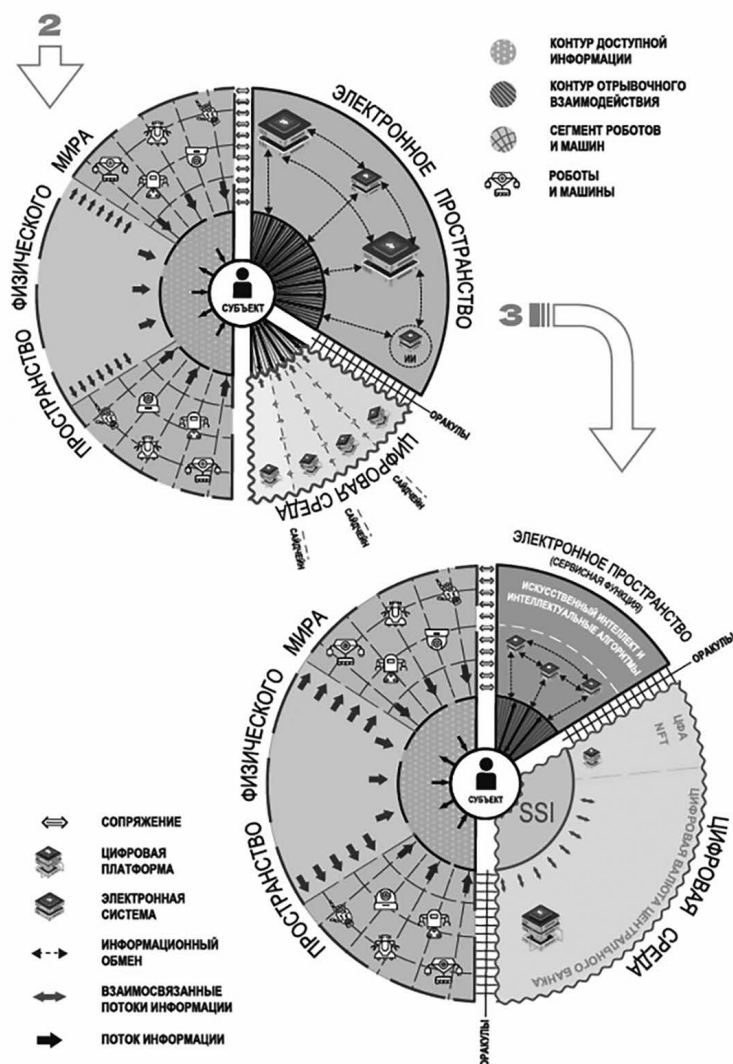

Рисунок 2. Информационно-коммуникационное пространство: переход от электронного к цифровому взаимодействию

Figure 2. Information and communication space: the transition from electronic to digital interaction

Источник: *составлено автором.*

Source: *compiled by the author.*

Сторонники инкорпоративного подхода придерживаются позиции технической модернизации/технологического прорыва в концепции «бигтехов» (под эгидой единоличного владения) за счет применения отдельных решений шестого технологического уклада в виртуальном пространстве, параллельно сопоставляемым с реальным миром. Тем самым они отождествляют метавселенную с набором высоких технологий, встраивание которых не приводит к трансформации общественного строя: новые технологии сменяют устаревающие [Kosarev, Avus 2023; Han, Bergs, Moorhouse 2022], внедряются комплексом как надстройка

к традиционному укладу [Салех, Шапанова 2023; Wang, Qin, Hu et al. 2022]. Так, осмысление метавселенной происходит в фокусе независимого существования реального, дополненного и виртуального миров, а не их цифрового интерактивного расширения в неразрывном единстве. Графически данный подход отражает электронное взаимодействие на этапах 1 и 1.1 (рис. 1). В подтверждение этого отметим, что ряд авторов концентрируют свои исследования на локальном значении и отраслевых особенностях метавселенной как этапа совершенствования применяемых технологий: в медицине [Wang, Badal, Jia et al. 2022], спорте [Скаржинская, Ермаков 2024], бизнесе [Biz 2023], общественных финансах [Алтынов 2023] и пр. Таким образом, обособленно рассматриваются конкретные технологические решения нового поколения и их отдельные возможности местного значения. При этом не выделяют специфику самой метавселенной как целостного объекта, имеющего движущую силу эволюции социально-экономических систем. Верно отмечают О.Н. Гуров и Т.А. Конькова, что сегодня использование приставки «мета» уже «не частная инициатива отдельных субъектов, а почти что системное явление, наблюдаемое в разных категориях общественной жизни» [Гуров, Конькова 2022], отражающее не более, чем адаптивные изменения.

В рамках синтезирующего подхода метавселенная эксплицируется новой реальностью, то есть иммерсивное пространство и симуляция повседневных процессов становятся неонормальностью наряду с привычной действительностью. Тем самым удовлетворяются потребности общества как новой формации, воспринимающего информацию, коммуникации и инновации как единую конструкцию в контексте движущей силы общественного прогресса [Умаров 2022; Bermejo, Hui 2022]. Впервые в данном контексте понятие «метавселенная» как «metaverse» ввел в речевой оборот писатель-фантаст Н. Стивенсон в романе «Лавина». Замысел состоял в том, чтобы описать идею устойчиво существующей широкомасштабной трехмерной виртуальной реальности для «цифровой» социализации, личностного самоощущения и создания полноценных впечатлений, затрагивающих и влияющих на все аспекты действительности в целом. Наиболее исчерпывающее определение цифровой среды в аспекте метавселенной как виртуального пространства предложил американский венчурный инвестор и бывший топ-менеджер технологических фирм М. Болл: «широкомасштабная интероперабельная сеть трехмерных виртуальных миров, визуализируемых в реальном времени, в которой фактически неограниченное число одновременных пользователей могут получать синхронный и персистентный опыт с ощущением личного присутствия и с непрерывностью данных, таких как идентичность, история, права, объекты, коммуникации и платежи» [Болл 2023]. Обратим внимание, что в отличие от инкорпоративного подхода в формулировках синтезирующего подхода отсутствует явный акцент на комплементарности физического и виртуального миров (в частности, цифрового пространства), но тем не менее очевиден тандемный принцип их сосуществования. Концепция метавселенной заключается не просто в том, что виртуальное пространство существует параллельно и его сопоставляют с реальным миром как отдельную сущность – суть концепции заключается в том, что границы физической действительности преодолеваются за счет того, что виртуальная реальность паритетно дополняется и создается иной опыт социально-экономического взаимодействия виртуального и реального миров как неореальности во времени и пространстве. Верно подмечено, что «метавселенная – это подключение новых измерений к уже существующим в офлайн» [Корнев 2021]. В рамках данного подхода выдвигается абсолютное утверждение: на фоне активной стадии замещения сущностей отсутствует полноценное воплощение идеи метавселенной, и в обозримом будущем не предвидится ее объективизация. Считаем, что информационно-цифровая революция позволяют обозначить новую сущность как динамично развивающееся информационно-коммуникационное пространство, которое обладает неотъемлемой характери-

стикой «бесшовности» всех трех форматов равноправного взаимодействия: физического, цифрового и электронного (в идеале последний выполняет сервисную функцию, рис. 2). Так, метавселенная «стирает границы между этими мирами [виртуальным и реальным], представляя собой единый, захватывающий опыт, где пользователь может свободно перемещаться и взаимодействовать как в виртуальной среде, так и в реальном мире, создавая уникальную смешанную реальность» [Лавская, Барыкин, Макаренко 2023]. Это беспрецедентное решение для синтеза разных типов данных в бесшовном экономическом пространстве с использованием комплекса высоких технологий. Его долгое время искали, чтобы построить цифровое государство в цифровой экономике – национальную метавселенную как стержень социально-экономической экосистемы, соединяющей физический, электронный и цифровой формат в целостную конструкцию.

Предпосылки метавселенной: гейм-индустрия vs цифровые (крипто) знаки

Идея метавселенной зародилась в связи с технологическими сдвигами в мировой индустрии видеоигр. Изменился и характер онлайн-сообществ по мере того, как росло влияние виртуализации на культуру и сознание социума [Жэнь 2023]. Предыстория начинается с выпуска первых многопользовательских ролевых компьютерных игр (MUD и MUSH) как открытых социальных платформ (1979). Следующий этап – появление многопользовательской ролевой онлайн-игры Habitat в формате 2D (1989) и аркадных игр/гонок с 3D-эффектом от Virtuality Group (1991). Уровень повысился с разработкой многопользовательской социальной игры Web World, в которой заложен функционал коммьюнити и встроена возможность конструировать игровые миры (1994). Позже ее сменила новая типология игры Second Life. Это – мультимедийная платформа по предоставлению онлайн-опыта в спроектированном уникальном виртуальном мире с собственной «игровой» экономикой и новыми каналами «цифровой социализации» (2003). В итоге появляется множество игр с конвертируемой игровой «валютой» многостороннего движения. Результатом эволюционного преобразования представляется игра от Niantic Pokémon Go с дополненной реальностью, а также цифровое пространство Decentraland с объектами цифровой «недвижимости» и другими активами по типу Non-Fungible Token как обширный 3D онлайн-мир (2016). В период дистанцирования и иных противоэпидемиологических ограничений (2020) геймификация и симуляция повседневной действительности интенсифицировали виртуализацию: шел поиск способов конвергенции реального мира и альтернативного ему пространства для социальной и экономической деятельности. Соответственно, стремительно распространялись идеи создать метавселенную. Концепция метавселенной стала мировым мейнстримом в связи с ребрендингом компании Facebook в Meta³. Последняя публично объявила о направлении своего развития как метавселенной в правовом поле (2021), а Siemens и NVIDIA объявили о совместном создании иммерсивной метавселенной (2022).

На исторически коротком отрезке времени очевидно расширение геймификации на экономику реального мира через криптовалютную индустрию, способствующей интеграции в смешанную реальность. Собственно, криптовалютная эволюция отчетливо демонстрирует превращение социальной группы⁴ криптоэнтузиастов из узкого круга активистов в новый тип общества с неординарным мировоззрением.

³ Компания Meta (Facebook, Instagram) внесена Минюстом в реестр экстремистских организаций, ее деятельность запрещена в России.

⁴ Советский и российский психолог Донцов А.И. обозначает социальную группу как «относительно устойчивую совокупность людей, исторически связанную общностью ценностей, целей, средств либо условий

Предвестником цифровых (крипто) активов следует считать электронную наличность или криптобанкноту E-cash (идея 1983 г.) от Д. Чоума (Digicash, реализация 1994 г.) – это первая автономная система микроплатежей с криптографическими способами защиты, пусть и централизованная. Тем не менее она предусматривала локальное хранение информации о бессрочных денежных обязательствах на предъявителя на техническом устройстве пользователя. Так, подписанный электронной подписью конкретный файл обладал самостоятельностью перемещения, несвязанного с подобными файлами, и существовал автономно за рамками эмитирующей системы. Идея заключалась в возможности дезинтермедиации расчетов и платежей в режиме реального времени с обеспечением безопасности и конфиденциальности операций. Слабыми сторонами такого решения стали неделимость криптобанкноты, необходимость проверять ее подлинность по запросу и непременно подтверждать платежеспособность путем немедленного погашения при получении. Причины заключались в возможности двойной траты, повышенном риске вовлеченности в противоправные и иные сомнительные операции из-за анонимного характера перемещения (оно не оставляло следов ни в виртуальном пространстве, ни в физическом мире).

Цифровой (крипто) знак, в отличие от предшественника, представляет собой запись, которая взаимно подтверждена при помощи хешей в распределенном реестре, защищена криптографическими методами и не способна существовать за его пределами. Идея зародилась в 1998 г. Ее одновременно представили Вэй Дай и Ник Сабо. Первый, воодушевленный настроениями крипто энтузиастов, опубликовал описание двух протоколов для децентрализованной цифровой валюты (A-Money и B-Money). Второй разработал алгоритм криптовалюты bit gold и представил концепцию смарт-контрактов. Данные идеи не были реализованы на практике, но безусловно предопределили скорое появление цифровых (крипто) знаков.

Значимым событием криптовалютной индустрии считается публикация Сатоши Накамото “White Paper «Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System»” (2008) с последующим запуском децентрализованной криптовалютной системы. Сатоши Накамото создал исторически первый тип цифровых (крипто) знаков – криптовалюту, которую до сих пор по умолчанию признают эталоном криптовалютного рынка. По замыслу она воплощает образ «идеальных денег», которые позволяют осуществить надежные переводы стоимости без посредников в незарегулированной независимой доверенной среде.

Непредсказуемость социального доверия, высокая волатильность криптовалют и ограниченная опциональность цифровых систем первого поколения вызвали появление токенов – функциональных цифровых (крипто) знаков второго типа (2014). Они формализуют актив как ценность в цифровой среде (распределенном реестре), предоставляя пользователю права распоряжаться объектами, которые, по сути, выступают их «якорным» обеспечением. В настоящее время представлен широкий спектр токенов в зависимости от назначения, цели и функционала их разработки. Токены стали объектами первых смарт-контрактов, превращая криптовалютные системы в децентрализованные приложения с разным прикладным применением и расширяющимся неординарным опциональным сопровождением. К нему относятся суверенная идентичность, тонкая кастомизация, атомарные операции, проактивность по праву, программирование финансовых потоков, защита от инфраструктурных рисков, динамичность обновлений на фоне нейтралитета совершаемых действий, постепенно раскрываемый потенциал интеллектуальных алго-

социальной жизнедеятельности». Ее отличительным признаком он называет «наличие общего личностно значимого основания (причины) для нахождения в рамках данного образования; достаточную длительность существования, позволяющую создавать предметы и феномены групповой культуры, истории; осознание участниками своей принадлежности к сообществу и возникновение на этой основе чувства» [Донцов 1984].

ритмов и пр. Цифровые активы стали основным расчетным инструментом на формирующемся рынке прообразов метавселенной, отличающихся принципиально новой медиасредой (Decentraland, Cryptovoxels, Somnium Space).

Рефлекторное саморазвитие цифрового пространства (даже на фоне отсутствия легитимного статуса, то есть в условиях ограниченного использования) демонстрирует созидательный потенциал в формировании национальной метавселенной. Внедрение нововведений Индустрии 5.0 и формирование российского правового поля цифровых финансов (2020) обусловило динамичное продвижение в стране цифровых (крипто) знаков в статусе цифровых финансовых активов. Они выявили ограниченный интегративный характер изменений симбиоза физического мира и виртуального пространства (движение цифровых финансовых активов как части инвестиционного процесса реализуется на этапе 2, рис. 2). Вместе с тем стремительный рост рынка цифровых финансовых активов⁵ подтверждает реальный интерес к легитимным цифровым новациям. Этот интерес сопровождается преодолением ряда сдерживающих ограничений криптоиндустрии и, безусловно, воплощает потребительскую ценность и оправдывает ожидания пользователей. Убедительным доводом также представляется введение в 2024 г. экспериментального правового режима использования криптоактивов во внешнеторговых операциях (пусть это решение носит парадоксальный характер).

Таким образом, самосовершенствованию и рационализации криптовалютной индустрии отводится ключевое значение в развитии концепции метавселенной: цифровые (крипто) знаки – первооснова цифровой экономики. Новые реалии предопределяют революционные преобразования и в сфере денежного обращения, поэтому абсолютно логичным и закономерным представляется создание государственной цифровой валюты как подсистемы полнофункциональной метавселенной (этап 3, рис. 3). Задача сложна и многогранна, поскольку цифровая валюта должна обладать мощной инерцией преобразования социально-экономической действительности с полноценным замещением повседневных физических и электронных процессов симуляцией в цифровой среде. Таков промежуточный шаг к получению окончательного результата – конструированной метавселенной, сущность и философию которой сначала необходимо осознать и принять (по аналогии с зарождением и воплощением идеи криптовалют 1998–2009 гг.).

Цифровой рубль как элемент национальной метавселенной

В парадигме национальной метавселенной цифровой рубль представляется апогеем развития криптовалютной индустрии. В контексте инкорпоративного подхода к раскрытию сущности метавселенной место платформы цифрового рубля закрытого типа в «расслоенном» экономическом пространстве представлено на рис. 3⁶. Подчеркнем, что специфика таких преобразований сопровождается паралогизмом и подменой понятий, что обусловлено замкнутостью реализации концепции государственной цифровой валюты как надстройки к действующему экономическому укладу без ключевых свойств цифровых (крипто) знаков.

⁵ Банк России. Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов; Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов; Доклады для общественных консультаций «Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации» (2022), «Цифровизация платежей и внедрение инноваций на платежном рынке» (2024) (<https://cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/ois/>); Цифровые финансовые активы в России (<https://cbonds.ru/dfa/>).

⁶ При условии разумно открытого характера платформы цифрового рубля (одним из обязательных атрибутов выступает суверенная идентичность конечного пользователя) такая вариация реализации государственной цифровой валюты может рассматриваться как переходный этап для плавного перемещения из электронного пространства в расширяющуюся цифровую среду, при условии полноценного воплощения ею цифрового потенциала.

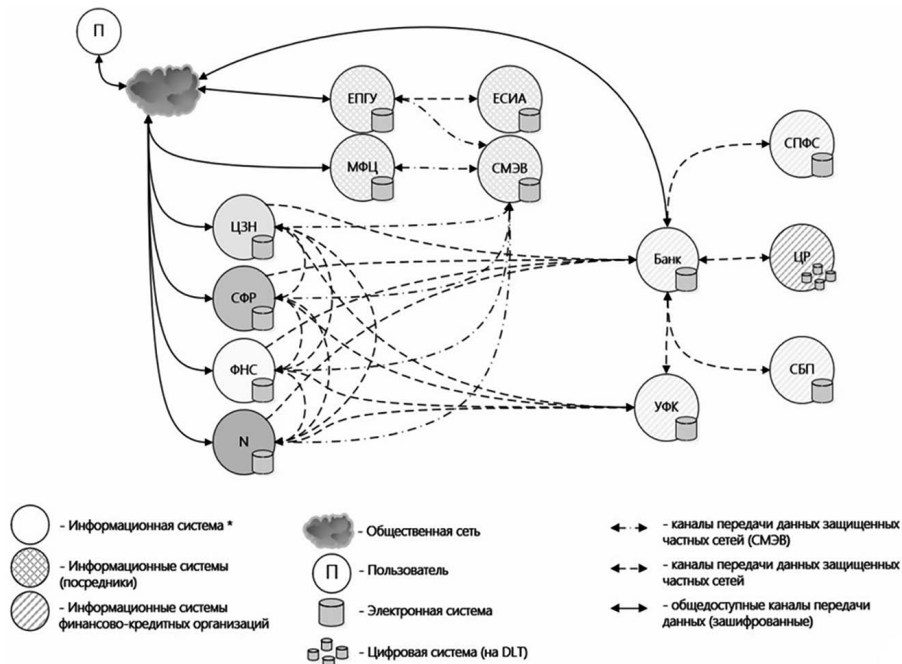

Рисунок 3. Типовое представление места платформы цифрового рубля в фрагментированном⁷ электронном пространстве при инкорпоративном подходе к раскрытию сущности метавселенной

Figure 3. Typical representation of the place of the digital ruble platform in the fragmented electronic space in case of the incorporation approach to revealing the essence of the metauniverse

Источник: *составлено автором.*
Source: *compiled by the author.*

Согласно интерпретации метавселенной при синтезирующем подходе платформа цифрового рубля представляется основой единой доверенной среды взаимодействия с уникальным опциональным финансовым сопровождением, без расслоения экономического пространства (рис. 4). По сути, цифровая валюта в «цифровых кошельках» выступает разновидностью безналичных денежных средств, сначала равноправно дополняющей электронные записи об остатках на банковских счетах, а в дальнейшем вытесняющей их из денежного оборота (этап 3, рис. 3). В контексте такого представления цифровой рубль не является новой денежной формой, однако цифровая среда – это высокотехнологический формат виртуального пространства, позволяющий получить новый опыт экономической социализации в смешанной реальности.

⁷ Разный оттенок фона информационных систем отражает фрагментацию электронного пространства: ЕПГУ – Единый портал государственных услуг; ЕСИА – Единая система идентификации и аутентификации; МФЦ – система многофункциональных центров; СМЭВ – Система межведомственного электронного взаимодействия; СПФС – Система передачи финансовых сообщений Банка России; ЦР – платформа цифрового рубля; СБП – система быстрых платежей; УФК – система Управления федерального казначейства; ЦЗН – система Центра занятости населения; СФР – система Социального фонда России; ФНС – система Федеральной налоговой службы; N – системы иных экономических субъектов.

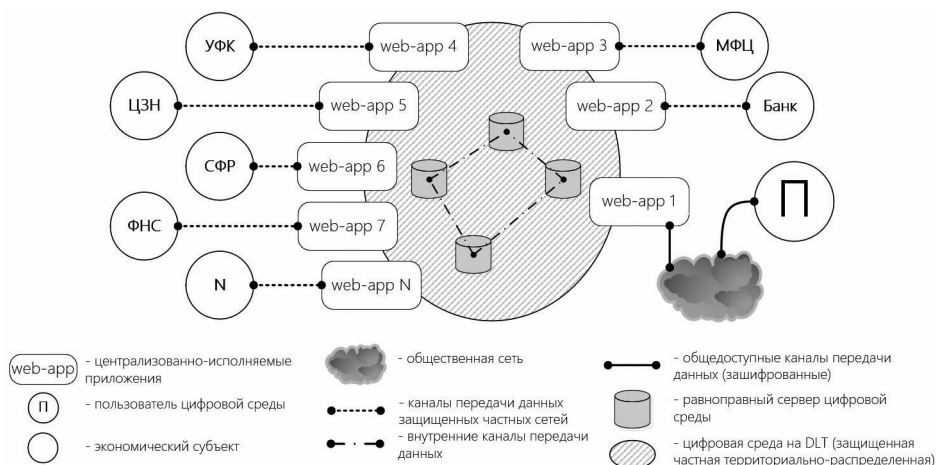

Рисунок 4. Типовое представление цифровой среды единого⁸ взаимодействия на базе платформы цифрового рубля в свете синтезирующего подхода к раскрытию сущности метавселенной

Figure 4. Typical representation of the digital environment of unified interaction on the basis of the digital ruble platform in the context of the synthesizing approach to revealing the essence of the metauniverse

Источник: *составлено автором.*

Source: *compiled by the author.*

Государственная цифровая валюта одновременно является инновацией и национального денежного обращения (новый продукт для воплощения новой идеи), и криптовалютной индустрии (новый продукт). Сочетание новаторства и эксклюзивности позволяет полагать, что процесс принятия обществом цифрового рубля в просторах зарождающейся метавселенной будет протекать в соответствии с моделью американского ученого Ф. Басса, которая основана на теории распространения инноваций и новых продуктов. Так, модель диффузии Басса предполагает существование трех типов агентов: это люди, принимающие новый продукт/идею 1) первыми (инноваторы); 2) после их диффузии в обществе (имитаторы); 3) в последнюю очередь (застойщики).

Модель Басса представлена дифференциальным уравнением, описывающим изменение во времени количества агентов, принявших инновацию:

$$dN(t)/dt = p \cdot q \cdot (m - N(t)), \quad (1)$$

где $N(t)$ – количество агентов, принявших новый продукт/идею в момент времени t ; p – масштабный коэффициент, отражающий доступность и привлекательность инновации; q – коэффициент влияния социальной среды на принятие нововведения; m – максимальное количество агентов в обществе.

Адаптируя стандартную модель Басса под исследовательские задачи, мы расширили ее дополнительными факторами, которые влияют на распространение цифрового рубля как инновации, и визуализировали в виде системно-динамической модели (рис. 5) на базе авторского программного обеспечения системно-динамического моделирования распро-

⁸ Отсутствует разный оттенок фона информационных систем, поскольку экономические субъекты выступают пользователями цифровой среды.

странения финансовых инноваций в информационном обществе⁹ (разработано на Java для Any Logic).

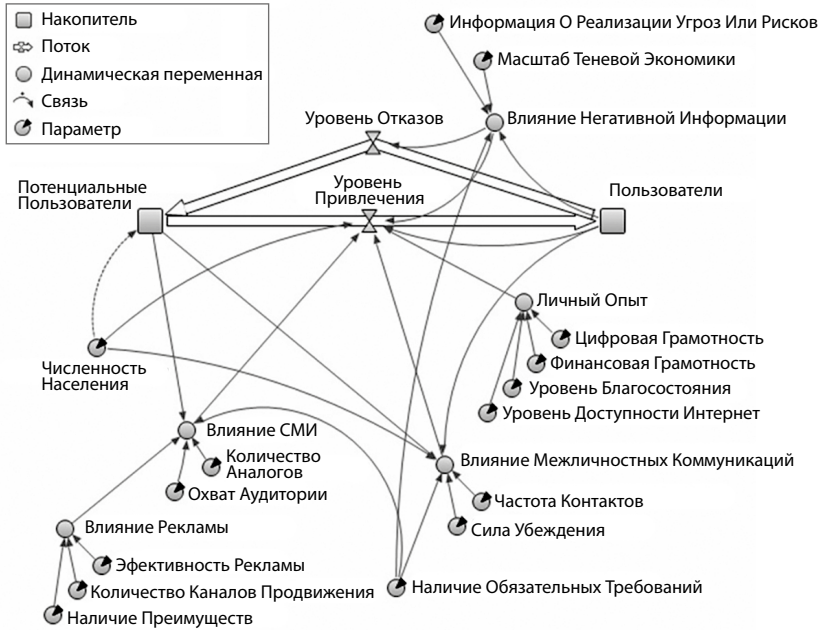

Рисунок 5. Системно-динамическое представление модели Басса

Figure 5. System-dynamic representation of the Bass model

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Для описания модели в терминах системной динамики определены ее ключевые переменные и их влияние друг на друга. Затем была создана потоковая диаграмма, где переменные учтены как накопители (объекты реального мира, в которых сосредотачиваются некоторые ресурсы; значения изменяются непрерывно), как потоки (компоненты системы, которые изменяют значения накопителей; в свою очередь накопители определяют значения потоков) и вспомогательные позиции.

Накопителями являются переменные Потенциальные Пользователи и Пользователи. Начальным значением первой переменной принята численность экономически активного населения; второй – 0 (то есть отсутствуют действующие пользователи цифрового рубля, поскольку государственная цифровая валюта как составная часть «метавселенной» является абсолютным мировым новшеством и нет прецедента ее массового использования).

Для нашей модели определены два потока: Уровень Привлечения и Уровень Отказов.

Уровень Привлечения (УрП) – поток, описывающий переход из состояния Потенциальные Пользователи в Пользователи, уравнение которого имеет следующий вид:

$$\text{УрП} = (\text{Свл} + \text{Квл} - \text{Нвл}) \cdot \text{Л} \cdot (1 - (\text{П}/\text{Нч})), \quad (2)$$

⁹ Программа для ЭВМ. Заявка № 2023669213; в реестре программ для ЭВМ 04.10.2023 г.

где Свл – общий показатель, характеризующий положительное Влияние СМИ на принятие решения потенциальным пользователем об использовании цифрового рубля (регистрации на цифровой платформе); Квл – общий показатель, характеризующий положительное Влияние Межличностных Коммуникаций (близкого круга знакомых, друзей, коллег) на принятие одобрительного решения потенциальным пользователем о регистрации на цифровой платформе и совершении цифровых денежных переводов; Нвл – фактор негативного влияния информации на потенциального/состоявшегося пользователя, учитывающий факты использования нового продукта и детерминанты возможного отказа от него (например, негативный опыт работы; перебои в функционировании цифровой платформы; разочарования и неоправданные ожидания и прочее); Л – показатель, характеризующий Личный Опыт пользователя, учитывающий его уровень цифровой/финансовой грамотности и наличие доступа к сети Интернет (устройство и навыки); П – действующие активные пользователи платформы цифрового рубля; Нч – численность всего населения страны (в концепции реализации национальной полнофункциональной метавселенной), либо экономически активная часть (в концепции цифрового преобразования конкретно денежного обращения).

Уровень Отказов (УрО) – поток, описывающий обратный процесс, отказ пользователей от использования нового продукта:

$$\text{УрО} = \text{Нвл} + \text{Низкий уровень клиентоориентированности} \quad (3)$$

Вспомогательные переменные модели (табл. 1) помогают преобразовывать одни числовые значения в другие (могут быть константами и могут изменять свои значения).

Представленная модель отражает динамику превращения потенциальных пользователей (Потенциальные Пользователи) в действующих активных пользователей (Пользователи) платформы цифрового рубля. Изначально инновация никому не известна (существование, возможности, потенциал нововведения). С целью привлечь пользователей информация о ней размещается в СМИ, проводится рекламная кампания. Активными пользователями люди становятся как под воздействием информации, полученной через СМИ (в том числе из рекламы), так и срабатывает «сарафанное радио». Изменение влияния СМИ и межличностных коммуникаций на потенциальных пользователей как основных каналов продвижения представлено на рис. 6. Так максимальное воздействие СМИ обуславливается большой аудиторией потенциальных пользователей, при этом на первом коротком этапе присоединяются инноваторы (инновацию воспринимает небольшая часть общества). Дальнейшее сокращение реакции на СМИ и рост влияния межличностного общения выявляют имитаторов, которые включаются в использование продукта, когда его проникновение на рынок становится заметным. Последний этап замедления воздействия рассматриваемых каналов продвижения соответствует охвату застойщиков, поскольку количество потенциальных пользователей уменьшается, и реклама уже не может работать так же эффективно, как на первых этапах.

Таким образом, Уровень Привлечения зависит от влияния СМИ и межличностного общения до тех пор, пока есть быстро реагирующие на инновацию пользователи (большая часть населения еще не вовлечена в круг пользователей нового продукта), а реклама охватывает существенную долю аудитории. При этом уровень отказов будет стремиться к нулю, поскольку государственная цифровая валюта – это не отдельный инновационный продукт, принимаемый пользователем по желанию и имеющий альтернативы, а ключевой «единородный элемент» метавселенной как смешанной реальности, потенциально способной преодолеть экономическую энтропию современности.

Таблица 1

Вспомогательные переменные модели

Table 1

Model's auxiliary variables

Формула связи	Краткое обозначение вспомогательных переменных	Полное обозначение вспомогательных переменных	Входные значения переменных ¹⁰
$С_{вл} = (Об + Р_{вл} / Ак) \cdot Пп \cdot Ао$	Об	наличие Обязательных Требований, таких, как режим правового регулирования, обязательные нормативы и ограничения, наделение ролью обязательности использования, что дает преимущества продукту без учета его функциональных характеристик	1.0
	Рвл	общий показатель, характеризующий Влияние Рекламы цифрового рубля (метавселенной) на принятие решения потенциальным пользователем об использовании нового продукта (регистрации на цифровой платформе)	1
	Ак	показатель, учитывающий сложность продвижения на рынке, на котором уже есть продукты с похожим функционалом или продукты, которые могут быть рассмотрены потенциальным пользователем как аналоги (Количество Аналогов)	2
	Пп	Потенциальные Пользователи инновации	численность населения
	Ао	показатель, характеризующий охват аудитории, на который распространяется влияние СМИ (Охват Аудитории)	0.4
$К_{вл} = (Об + Кч \cdot Кс) \cdot (П \cdot Пп) / Нч$	Кч	частота взаимодействия в близком кругу общения (Частота Контактов)	0.9
	Кс	Сила Убеждения потенциальных пользователей ближним кругом общения, характеризующая влияние личного опыта окружающих на принятие решения потенциальным пользователем об использовании нового продукта (регистрации в системе)	0.5
	П	действующие активные Пользователи	0
$Н_{вл} = (ТЭм + У_{вл}) \cdot П \cdot (1 - Об)$	ТЭм	параметр, характеризующий Масштаб Теневой Экономики	0.02
	Увл	информация о серьезности угрозы или риска, фактически реализованного в системе (учитывается любая негативная Информация О Реализации Угроз Или Рисков и интерпретация ее серьезности при принятии решения об отказе использования нового продукта)	0.01

¹⁰ Значения приняты на основе экспертных оценок.

Окончание таблицы 2
 End of Table 2

Формула связи	Краткое обозначение вспомогательных переменных	Полное обозначение вспомогательных переменных	Входные значения переменных ¹⁰
$L = (L_{\text{Ц}} + F_{\text{Г}} + L_{\text{И}} + L_{\text{Б}}) / 4$	Lц	уровень Цифровой Грамотности	0.5
	Фг	уровень Финансовой грамотности	0.5
	Ли	уровень Доступности Интернет (наличие устройства для доступа к сети и специальных навыков для работы)	0.85
	Лб	уровень Благосостояния	1.0
$R_{\text{ВЛ}} = R_{\text{Эф}} \cdot R_{\text{КК}} \cdot \text{Пн}$	Рэф	условный показатель, характеризующий среднюю успешность канала продвижения нового продукта (Эффективность Рекламы)	0.2
	Ркк	Количество всех Каналов Продвижения нового продукта, по которым идет распространение информации для потенциальных/действующих пользователей	5
	Пн	характеристика нового продукта, отображающая специфику и уникальные функциональные преимущества перед продуктами-конкурентами	1.0

Источник: составлено автором.
 Source: compiled by the author.

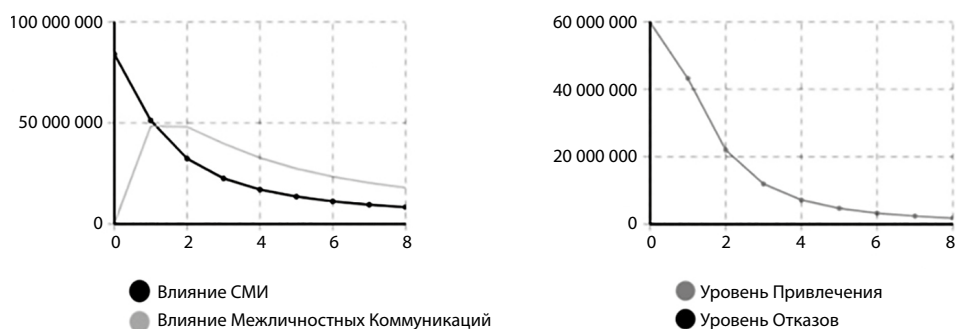

Рисунок 6. Изменение влияния СМИ и межличностных коммуникаций на потенциальных пользователей (ось ординат, человек) государственной цифровой валюты во времени (ось абсцисс, годы)

Figure 6. Change in the influence of the mass media and interpersonal communications on potential users (ordinate axis, person) of the state digital currency over time (abscissa axis, years)

Источник: составлено автором.
 Source: compiled by the author.

* * *

Резонансный технологический взлет стал импульсом стремительной виртуализации и цифровизации мира, однако погружение в метавселенную требует приращения знаний не в ширь (появления новых способов подстройки), а в глубину (генерации креативных идей). Метавселенная – смешанная реальность как результат слияния виртуального и реального миров в симбиотическую сеть: тесная взаимосвязь устойчиво существующей виртуальной доверенной среды и физического мира как единого организма, выходящая за рамки привычного восприятия киберпространства с воздействием на все аспекты человеческого существования в целом. Национальная цифровая валюта претворяет концепцию синтезирующего подхода и воплощает уникальный цифровой потенциал прорывной инновации. Она способна обеспечить единство и целостность виртуального экономического пространства. Именно она представляет клиентский путь «полного цикла» в метавселенной, выступая критически важной составной частью всей конструкции. В то же время цифровая трансформация невозможна под давлением конкретной технологии нового поколения или локального встраивания высокотехнологических решений. Она возможна на основе признания экзистенциалом данного процесса комплексное преобразование виртуального пространства на основе взаимно интегрированных «высоких» технологий (WEB 3.0 ↔ WEB 4.0) с учетом новой философии smart-общества с целью превращения недостатка понимания в доверительные отношения в социально-экономической плоскости полнотехнологичности и дезинтермедиации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алтынов Ю.А. (2023) Перспективы использования инструментария метавселенных в сфере общественных финансов России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 14. № 3. С. 416–433. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.3.416-433>
- Altynov Yu.A. (2023) Prospects for the use of metaverse tools in the field of public finance in Russia]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*. vol. 14, no. 3, pp. 416–433. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.3.416-433> (In Russ.)
- Болл М. (2023) Метавселенная: Как она меняет наш мир. М.: Альпина Паблишер. 362 с.
- Boll M. (2023) *Metavseleonnaya: Kak ona menyaet nash mir* [The Metaverse: How it changes our world]. Moscow: Alpina Publisher. 362 p. (In Russ.)
- Виг Ш. (2023) Метавселенная – новая парадигма бизнеса // Форсайт. Т. 17. № 3. С. 6–18. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.3.6.18>
- Vig S. (2023) Preparing for the New Paradigm of Business: The Metaverse. *Forsajt*. vol. 17, no. 3, pp. 6–18. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.3.6.18> (In Russ.)
- Гуров О.Н., Конькова Т.А. (2022) Метавселенные для человека или человек для метавселенных // Искусственные общества. Т. 17. Вып. 1. <https://doi.org/10.18254/S207751800019011-1>
- Gurov O.N., Konkova T.A. (2022) Metaverses for Human or Human for Metaverses. *Iskusstvennye Obshchestva*. vol. 17, no. 1. <https://doi.org/10.18254/S207751800019011-1> (In Russ.)
- Донцов А.И. (1984) Психология Коллектива. М.: Изд-во МГУ. 208 с.
- Dontsov A.I. (1984) *Psikhologiya Kollektiva* [The psychology of the team]. Moscow.: Izd-vo Moscow State University. 208 p. (In Russ.)
- Дюдикова Е.И., Куницына Н.Н. (2024) Поляризация информационного общества: цифровая перезагрузка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 24. № 2. С. 539–554. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-539-554>

Dyudikova E.I., Kunitsyna N.N. (2024) Polarization of the information society: Digital reset. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. vol. 24, no. 2, pp. 539–554. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-539-554> (In Russ.)

Жэнь И. (2023) Метавселенная как этап развития сетевого общества // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. № 2. С. 24–30.

Ren Yi. (2023) Metaverse as a Stage in the Development of the Network Society. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika*. no. 2, pp. 24–30. (In Russ.)

Корнев М. Метавселенная: что будет после интернета? 12.10.2021. <https://jrnlst.ru/2021/10/12/2203/>

Kornev M. The Metavselennaya: chto budet posle interneta? [Metaverse: what will happen after the Internet?]. 12.10.2021. <https://jrnlst.ru/2021/10/12/2203/> (In Russ.)

Косарев В.Е., Авис О.У. (2023) Метавселенная как новый тренд в сфере информационных технологий и децентрализованных финансов // Финансовые рынки и банки. № 1. С. 45–50.

Kosarev V.E., Avis O.U. (2023) The Metaverse as a New Trend in the Field of Information Technology and Decentralized Finance. *Finansovye rynki i banki*. no. 1, pp. 45–50. (In Russ.)

Лавская К.К., Барыкин С.Е., Макаренко Е.А. (2023) Метавселенная как источник формирования новых ценностей современного общества // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 6. № 11. С. 270–283. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.11.06.031>

Lavskaya K.K., Barykin S.E., Makarenko E.A. (2023) Metauniverse as a source of formation of new values of modern society. *Ekonomika Upravlenie: problemy, resheniya*. vol. 6, no. 11, pp. 270–283. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.11.06.031> (In Russ.)

Салех К.С., Шаропова Н.В. (2023) Метавселенная как новая форма взаимодействия в виртуальной среде и ее возможности в экономическом развитии // Modern Economy Success. № 1. С. 74–79.

Salekh K.S., Sharapova N.V. (2023) Metaverse as a new form of interaction in the virtual environment and its ability in economic development. *Modern Economy Success*. no. 1, pp. 74–79. (In Russ.)

Скаржинская Е.Н., Ермаков А.В. (2024) Спортивные метавселенные: теория и практика // Теория и практика физической культуры. № 4. С. 6–8.

Skarzhinskaya E.N., Ermakov A.V. (2024) Sports metaverses: theory and practice. *Teoriya I Praktika Fizicheskoy Kultury*. no. 4, pp. 6–8. (In Russ.)

Умаров Х.С. (2022) Перспектива развития технологий метавселенной на глобальных экономических площадках // Дискуссия. Т. 113. № 4. С. 76–88. <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2022-4-113-76-88>

Umarov H.S. (2022) Prospects for the development of metaverse technologies on global economic platforms. *Diskussiya*. vol. 113, no. 4, pp. 76–88. <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2022-4-113-76-88> (In Russ.)

Bermejo C., Hui P. (2022) Life, the Metaverse and Everything: An Overview of Privacy, Ethics, and Governance in Metaverse. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.35094.63042>

Han D.D., Bergs Y., Moorhouse N. (2022) Virtual reality consumer experience escapes: preparing for the metaverse // Virtual Reality. vol. 26. pp. 1443–1458. <https://doi.org/10.1007/s10055-022-00641-7>

Wang F.-Y., Qin R., Wang X., Hu B. (2022) MetaSocieties in Metaverse: Meta Economics and Meta Management for Met Enterprises and MetaCities // IEEE Transactions on Computational Social Systems. vol. 9. issue 1. pp. 2–7. <https://doi.org/10.1109/TCSS.2022.3145165>

Wang G., Badal A., Jia X. et al. (2022) Development of metaverse for intelligent healthcare // Nature Machine Intelligence. vol. 4. pp. 922–929. <https://doi.org/10.1038/s42256-022-00549-6>

Xiaoshi G. (2022) Analysis and Visualization of Streaming Media Platforms Based on the R Language – Take Netflix As An Example // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. vol. 4. pp. 199–202. <https://doi.org/10.54097/ehss.v4i.2766>

Информация об авторе

Дюдикова Екатерина Ивановна, доктор экономических наук, доцент кафедры банковского дела и монетарного регулирования Финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Адрес: Россия, 101000, Москва, Малый Златоустинский переулок, д.7, стр. 1; профессор кафедры финансов и кредита Института экономики и управления, Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ). Адрес: Россия, 355017, Ставрополь, ул. Пушкина, 1. E-mail: ekidyudikova@fa.ru

About the author

Ekaterina I. Dyudikova, Doctor of Sciences (Economics), Assoc. Prof., Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Financial University. Address: building 1, 7 Maly Zlatoustinsky Lane, 101000, Moscow, Russian Federation; Prof of the Department of Finance and Credit, Institute of Economics and Management, North-Caucasus Federal University. Address: 1 Pushkin St., 355017, Stavropol, Russian Federation. E-mail: ekidyudikova@fa.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 08.09.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 05.11.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 17.12.2024

Оригинальная статья / Original article

Управленческая ментальность в контексте цифровизации: межстрановой анализ¹

© Д.И. КАМИНЧЕНКО, И.Д. КОМАРОВ, М.Л. ГОРБУНОВА

Каминченко Дмитрий Игоревич, АНИИ «Лобачевский» Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия), dmitkam@iee.unn.ru. ORCID: 0000-0002-3193-3423

Комаров Игорь Дмитриевич, АНИИ «Лобачевский» Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия), komarov@imomi.unn.ru. ORCID: 0000-0002-0348-0471

Горбунова Мария Лавровна, кафедра мировой экономики и таможенного дела Института экономики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия), gorbunova@iee.unn.ru. ORCID: 0000-0003-2733-568X

Цифровизация затрагивает все стороны общественной и личной жизни, меняя биологические и социальные сценарии жизнедеятельности людей. Это позволяет говорить о новом этапе развития информационного общества, которое влияет на политические процессы. Цель работы – адаптировать концепцию управленческой ментальности французского философа М. Фуко для оценки влияния цифровизации на общественно-политический ландшафт. В дальнейшем адаптированная концепция позволит разработать комплексную оценку системы принятия решений и контроля в социуме. Прикладная исследовательская задача состоит в том, чтобы проанализировать возможности и ограничения применения цифрового инструментария в управлении обществом. Определена взаимосвязь распространения информационных технологий (численность интернет-пользователей) и показателей эффективности государственного управления на максимально возможной выборке

¹ Финансирование. Статья выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Биополитические технологии в современной России: угрозы и стратегии», номер темы FSWR-2023-0033.

Financing. The article was prepared as part of research under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation «Biopolitical technologies in modern Russia: threats and strategies», FSWR-2023-0033.

государств для 2008 и 2021 гг. Показано, что доля интернет-пользователей в качестве основной метрики цифровизации значимо коррелирует с индикаторами, характеризующими управленческую ментальность в государственной сфере. Определена степень цифровизации, достаточная для развития, стабильности и безопасности общества.

Ключевые слова: цифровизация, Интернет, управленческая ментальность, индекс развития человеческого потенциала

Цитирование: Каминченко Д.И., Комаров И.Д., Горбунова М.Л. (2024) Управленческая ментальность в контексте цифровизации: межстрановой анализ // Общественные науки и современность. № 6. С. 25–40. DOI: 10.31857/S0869049924060022, EDN: JCADYI

Governmentality in the Context of Digitalization: Cross-Country Analysis

© D. KAMINICHENKO, I. KOMAROV, M. GORBUNOVA

Dmitry I. Kaminchenko, Lobachevsky Research and Information Agency, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), dmitkam@iee.unn.ru. ORCID:0000-0002-3193-3423

Igor D. Komarov, Lobachevsky Research and Information Agency, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), komarov@imomi.unn.ru. ORCID:0000-0002-0348-0471

Maria L. Gorbunova, Department of International Economics and Customs Affairs, Institute of Economics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), gorbunova@iee.unn.ru. ORCID:0000-0003-2733-568X

Abstract. Digitalization affects all aspects of public and personal life, changing biological and social scenarios of people's life. This allows to talk about a new stage in the development of the information society, which affects political processes. The purpose of this study is to adapt M. Foucault's concept of managerial mentality (governmentality) to assess the impact of digitalization on the socio-political landscape. In the future, this will allow a comprehensive assessment of the decision-making and control system in society. The applied research task is to analyze the possibilities and limitations of using digital tools in managing society. The relationship between the spread of information technologies (the number of Internet users) and public administration performance indicators was determined for the largest possible sample of states for 2008 and 2021. It is shown that the share of Internet users as the main metric of digitalization significantly correlates with indicators characterizing the managerial mentality in the public sphere. The degree of digitalization sufficient for the development, stability and security of society has been determined.

Keywords: digitalization, Internet, governmentality, Human development index

Citation: Kaminchenko D.I., Komarov I.D., Gorbunova M.L. (2024) Governmentality in the Context of Digitalization: Cross-Country Analysis. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 25–40. DOI: 10.31857/S0869049924060022, EDN: JCADYI (In Russ.)

Цифровизация оказывает серьезное воздействие как на функционирование современного общества, так и на управление им. Характер и особенности влияния информационных технологий на общество изменяются, что связано с прогрессом технологий, их восприятием вследствие цифровизации различных сфер жизни, т.е. массового внедрения интернет-технологий путем персонализации устройств передачи данных и использования их практически в круглосуточном режиме. Имея в виду временной аспект проблемы, анализ влияния цифровизации на функционирование социума целесообразно начинать с периода стремительного распространения Интернета в сфере массовой коммуникации, который пришелся на 2000-е гг. Тогда были созданы многие интернет-платформы поддержки социальных сетей, блогов и мессенджеров.

Интернет-технологии становятся важным инструментом политических процессов и государственного управления. В период пандемии коронавирусной инфекции целый ряд государств ограничивал передвижения людей, изменяя привычный образ жизни, с использованием QR-кодов. Современные цифровые технологии создают не только возможности для реализации человеком своих прав и свобод, но и для их ограничения в чрезвычайных ситуациях. Иначе говоря, речь идет об управлении людьми, установлении контроля над ними со стороны различных общественных и политических сил.

Влияние цифровизации на управление общественными процессами

Ученые отмечают, что внедрение новых технологий способствует организации и поддержанию коллективных действий гражданского общества. Разные социальные группы используют новые инструменты коммуникации и обмена информацией для продвижения политических идей и активизации социума [Noveck 2010, 53]. Благодаря технологиям огромные массы людей могут быть интегрированы в демократический процесс [Schacht 2010, 153]. Интернет кардинально изменил демократические системы, сделав их более подвижными и ответственными, а также менее централизованными [Armstrong 2010, 167].

Известный британский эксперт в области политических коммуникаций С. Коулман в работе «Может ли Интернет усилить демократию?» высказал следующие соображения. В середине 1990-х гг., когда правительства столкнулись с глобальной волной недовольства и размежевания, возникла новая общественная коммуникационная сеть – Интернет («In the mid-1990s, as governments faced a global wave of disaffection and disengagement, a new public communication network emerged: the Internet») [Coleman 2017, 1]. Следует отметить, что сеть Интернет появилась намного раньше – в 1960-е гг., хотя активно ее стали использовать именно с 1990-х гг. С тех пор социальные отношения – от дружеских связей до рыночных сделок и приобретения знаний – претерпели заметные изменения. Однако сферы «электронной риторики» на уровне местных, национальных и транснациональных правительств не возникло – в политической практике утвердился дух централизованного институционализма. Демократические правительства испытывали замешательство от повсеместного распространения Интернета [Coleman 2017, 1–2].

В то же время очевидно, что информационно-коммуникационные технологии создают дополнительные возможности для современных правительств и представительных органов власти, например, новые способы общения с избирателями для выборных должностных лиц [Reich 2010, 131]. Это привело к появлению в научном дискурсе таких терминов, как Правительство 2.0, Управление 2.0 и т.д. По мнению знаменитого американского издателя компьютерной литературы Т. О'Райли, Правительство 2.0 – это не новый тип управления, а, скорее, заново открытое и переосмысленное правительство, в русле того, каким оно было изначально задумано [O'Reilly 2010, 12].

Авторы многих исследований указывают на растущие ожидания граждан в отношении предоставления государственных услуг и их эффективности. Постепенно формируется восприятие государственных органов как платформ, с помощью которых происходит обмен информацией. В таких условиях принятие решений становится прозрачным, с учетом запросов, идей и отзывов граждан [Eaves 2010, 139]. Этот критерий применим и к моделям и форматам диалога между властью и обществом в интернет-пространстве, включая работу с обращениями граждан, форумы (прямые линии), рассмотрение электронных петиций граждан, электронное правительство и т.д. [Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях... 2016, 27, 30, 33, 42].

Органы государственной власти активно внедряют различные полифункциональные интернет-платформы, чтобы взаимодействовать с обществом и активизировать его участие в обсуждении, принятии и выполнении конкретных решений. Примером может служить проект губернатора Нижегородской области Г.С. Никитина «Вам решать!», который подразумевает поддержку государством на конкурсной основе подготовленных при участии жителей региона инициативных проектов². Сложилось посвященное этой проблематике исследовательское направление [Аутсорсинг политических суждений... 2021; Сморгунов 2021].

Цифровизация сферы государственного управления подразумевает алгоритмизацию процессов, построенных на сборе, обработке и распространении больших данных. Органы власти проводят мониторинг интернет-пространства с целью найти и определить конкретные маркеры, которые сигнализируют о тех или иных проблемах, обсуждаемых в глобальной сети. В качестве примера приведем систему «Инцидент-менеджмент», разработанную компанией «Медиалогия»³, которая собирает информацию о реакции и отзывах со стороны интернет-аудитории. Полученная информация может быть использована представителями власти в их повседневной деятельности.

Несмотря на немалое количество научных работ, посвященных влиянию цифровизации на управленческую сферу, в этой предметной области остаются вопросы, требующие изучения. Интеграция все более совершенных технологий в выработку, подготовку, принятие и выполнение решений требует научной рефлексии. В недавней работе коллектива испанских авторов рассмотрено использование чат-ботов для предоставления государственных услуг на национальном, региональном и местном уровнях [Cortes-Cediel, Segura-Tinoco, Cantador, Bolívar 2023]. На основе количественных показателей ученые анализируют степень внедрения современных технологий в управленческий процесс (в частности, интерпретируя значения индекса развития электронного правительства⁴ в различных регионах мира) [Chumaceiro Hernandez, Hernandez, Perez Prieto, Beltran Pinto, Gomez Martínez 2024].

Интерес со стороны ученых к проблематике электронного правительства, помимо прочего, связан с отсутствием системного подхода к оценке цифровизации государственного управления. Целесообразность подобного подхода обусловлена необходимостью учитывать не только качество предоставляемых электронных услуг, степень их распространения и оценку со стороны общества, но и элементы культуры взаимодействия власти и граждан.

Один из возможных теоретико-концептуальных подходов к изучению влияния цифровизации на подготовку, принятие и выполнение решений связан с концептом управленческой ментальности (governmentality), который впервые изложил М. Фуко в эссе «Безопас-

² Официальный сайт интернет-платформы «Вам решать!». (<https://vam.golosza.ru/>).

³ Официальный сайт компании «Медиалогия». (<https://www.mlg.ru/>).

⁴ The Electronic Administration Development Index. United Nations official website. (<https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/-E-Government-Development-Index>).

ность, территория и население» [Foucault 1997a] и других своих сочинениях [Foucault 1997b]. Управленческая ментальность – это способ действия суверенной власти, опирающийся на поведенческие установки отдельных групп индивидов. Переход к управлению как искусству, когда во внимание принимают не столько добродетели или способности представителей власти, сколько рациональные основания их деятельности («государственный разум»), сложился в конце XVI – первой половине XVII в. [Foucault 1997a, 68]. Подробный обзор этой трансформации изложен в работе Фуко «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы»: государство, отказавшись применять казни и иные физические наказания, перешло к ограничению свободы, когда нежелательному поведению противостоит умозрительный конструкт несвободы как своего рода наказания [Фуко 1999]. В конспекте лекции «Рождение биополитики» Фуко рассуждает о еще одном признаке трансформации управленческой ментальности (государственного разума) – утверждении в конце XIX в. биополитики в качестве идеологии власти. Биополитика сместила фокус государственного управления с территориальных завоеваний и поддержания армии в боеспособном состоянии на благополучие населения – здоровье, санитарные условия, рождаемость, долголетие, расовые вопросы. В результате был предопределен переход к либерализму, в основе которого лежит экономическая мотивация, а не насилие, характерное для предшествующих периодов истории [Foucault 1997c, 74–75].

Управленческая ментальность выступает как особый подход к властным отношениям в обществе и роли в них государственного управления. Управленческая ментальность включает следующие элементы: стратегические игры (*strategic games*), управление (*government*), власть (*domination*) [Foucault 1988]. Стратегические игры – это отношения власти между социальными группами децентрализованного гражданского общества; управление – это совокупность техник и практик, применяемых правительством для достижения целей; доминирование представляет собой проявление государственной власти в ее базовом – иерархическом – смысле [Foucault 1988, Lemke 2002].

В работе 2010 г. американский компьютерный инженер М. Дин указал на ряд свойств управленческой ментальности, выявленных при применении этого концепта к реальным политическим процессам (уже после смерти М. Фуко в 1984 г.). Среди них фокус на оценке деятельности правительства, критичность взгляда на процессы государственного управления, значение настоящего момента как отражения непрерывной адаптивности и креативности практик, вариативность отношений власти в современных государствах. Соответственно невозможно однозначно интерпретировать режимы, которые могут быть ориентированы одновременно на либерализм, с одной стороны, и на суверенитет и завоевания – с другой [Dean 2010]. Имея в виду указанные особенности, концепт управленческой ментальности можно рассматривать как перспективный теоретический инструмент. Он позволяет оценивать потенциал распространения Интернета в обществе в контексте задач государственного управления с учетом строго и нестрого детерминированных социальных процессов.

Сложилось мнение, что концепт «управленческая ментальность» (*governmentality*) «широко используется для социогуманитарного анализа достижений в сфере информационно-коммуникационных технологий, например, для интерпретации результатов работы с большими данными» [Игнатьева 2020, 463]. Вместе с тем указывают на противоречивые последствия цифровизации, поскольку цифровые платформы могут, с одной стороны, повышать партисипативность (возможность соучастия) и демократичность государственного управления, с другой стороны, стать инструментом «управления населением с использованием манипулятивных, биополитических стратегий» [Игнатьева 2020, 463].

Управленческая ментальность в системе глобального управления

В логике рационализации принятия решений, что обеспечивается использованием разнообразных данных, управленческая ментальность, как и государственная политика в целом, опирается на государственную статистику социально-экономического и социально-демографического характера, которая позволяет судить об эффективности управления. Речь идет о том, как правительства и международные неправительственные организации формируют спрос на данные, которые могут быть использованы для повышения эффективности государственного управления. Особое внимание привлекают «большие данные». Отмечено, что «большие данные» собирают отнюдь не только промышленно развитые страны: распространение мобильной связи и Интернета в развивающихся странах обеспечило сбор массивов информации, касающейся поиска работы, перевода денежных средств, передачи медицинской информации и многого другого. Это обстоятельство привело к появлению проекта «Большие данные для развития» (Big Data for Development – BD4D) [Flyverbom, Madsen and Rasche 2017, 35].

Основные структурные элементы непрерывно совершенствуемой Программы развития ООН⁵ – материальное благополучие, эффективность и доступность системы образования и здравоохранения. В последнее время стали применять показатели гендерного и имущественного неравенства, учитывать фактор бедности и отсутствия доступа населения к основным благам. Важнейшим ресурсом сбора и использования данных для государственного управления служит система показателей, входящих в Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который рассчитывают и публикуют в ежегодных докладах о человеческом развитии (последний такой доклад вышел в свет в 2024 г. и относится к периоду 2023–2024 гг.⁶). Постановка ООН целей устойчивого развития (ЦУР) (Sustainable Development Goals – SDGs)⁷ – пример приложения концепта управленческой ментальности к системе глобального управления.

Ограничения использования управленческой ментальности в глобальном управлении связаны с существенными пропусками в статистических данных международных организаций под эгидой ООН. Они характерны как для стран, где национальные статистические службы институционально слабы (обычно это наименее развитые страны), так и для высоко политизированных показателей, касающихся неграмотности, бедности, занятости, неравенства по доходам, обеспечения безопасности. Когда ресурсы международных организаций под эгидой ООН недостаточны, к проектам по сбору данных привлекают правительства ведущих стран мира, например «Общество международного сотрудничества»⁸, и неправительственные организации, такие, как британский «Институт открытых данных»⁹

⁵ UNDP. Human Development Report 2023–24. Breaking the gridlock: Reimagining cooperation in a polarized world. 13.03.2024. (<https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24>).

⁶ UNDP. Human Development Report 2023–24. Breaking the gridlock: Reimagining cooperation in a polarized world. 13.03.2024. (<https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24>).

⁷ Цели устойчивого развития: ликвидация нищеты, голода, обеспечение здорового образа жизни, всеохватного и справедливого общедоступного качественного образования, гендерного равенства, содействие экономическому росту и полной занятости населения, снижение неравенства, содействие построению открытых обществ с доступом к правосудию для всех и др. UNDP. What are the Sustainable Development Goals? 2015. (<https://www.undp.org/sustainable-development-goals>).

⁸ Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH – GIZ) (<https://www.giz.de/en/html/index.html>).

⁹ Open Data Institute, ODI. (<https://theodi.org/>).

и американский «Патруль открытых данных»¹⁰, «Фонд мира» (Fund for Peace), который с 2006 г. формирует Индекс неустойчивых (недееспособных) государств¹¹, а также «Сеть решений в области устойчивого развития» под эгидой ООН (Sustainable Development Solutions Network), которая с 2012 г. публикует Всемирный отчет о счастье (The World Happiness Report) на основе глобальных опросов компании «Gallup»¹².

Считается важным использовать в качестве компонента управленческой ментальности показатели субъективного благополучия, связанные со «стратегическими играми», поскольку в мире есть запрос на понимание счастья и благополучия как критериев эффективности государственного управления: счастье граждан должно стать оперативной целью правительств¹³. В отчет о счастье, помимо переменных, которые не собирают официальные международные организации (индекс удовлетворенности жизнью, жизненная лестница – *life ladder*; социальная поддержка – *social support*; свобода жизненного выбора – *freedom to make life choices*; щедрость – *generosity*; положительные эмоции – *positive affect*; негативные эмоции – *negative affect*), входят показатели, пересекающиеся с показателями ООН. К ним относятся: ожидаемая продолжительность здоровой жизни (*healthy life expectancy*); восприятие коррупции (*perceptions of corruption*); институциональное доверие (*confidence in national government*)¹⁴. В данном случае были использованы официальные, входящие в базу Всемирного Банка показатели мирового развития (World Development Indicators)¹⁵, так как они охватывают больше государств.

Для полноты оценки управленческой ментальности в ее иерархической составляющей – доминировании – рассмотрена статистика базы Всемирного Банка «Глобальные показатели управления» (Worldwide Governance Indicators, WGI)¹⁶. Она содержит сводные и индивидуальные показатели управления по более чем 200 странам и территориям за период 1996–2021 гг. по шести индикаторам управления: голосование и подотчетность правительства (*Voice and Accountability*); политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма (*Political Stability and Absence of Violence/Terrorism*); эффективность государственного управления (*Government Effectiveness*); качество нормативной базы и регулирования (*Regulatory Quality*); верховенство закона (*Rule of Law*); борьба с коррупцией (*Control of Corruption*). Эти показатели получены путем опроса представителей бизнеса, граждан и экспертов в промышленно развитых и развивающихся странах. Использованы более 30 источников данных, которые подготовили различные исследовательские институты, аналитические центры, неправительственные организации, международные организации и частные фирмы.

Концепт управленческой ментальности обоснован еще нечетко. К тому же в литературе отсутствует опыт привязки к нему количественных показателей. Соответственно, в статье зависимость между цифровизацией (распространение в обществе интернет-технологий) и измеряемыми показателями управленческой ментальности рассмотрена на основе груп-

¹⁰ Open Data Watch. (<https://opendatawatch.com/>).

¹¹ Fund for Peace. Fragile State Index 2024. (<https://fragilestatesindex.org>).

¹² WHR Editorial Board The World Happiness Report. (<https://worldhappiness.report/>).

¹³ Ibid.

¹⁴ Statistical Appendix for World happiness, trust and social connections in times of crisis. Chapter 2 of World Happiness Report 2023/ John F. Helliwell, Haifang Huang, Max Norton, Shun Wang and Leonard Goff March. 13.03.2023. (https://happiness-report.s3.amazonaws.com/2023/WHR+23_Statistical_Appendix.pdf).

¹⁵ World Development Indicators. World Bank official website. (<https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>).

¹⁶ World Governance Indicators. World Bank official website. (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

пировки эмпирических индикаторов – социальных и политических, согласно их природе. Отметим, что политические показатели выступают как метрики доминирования, а социальные – как метрики управления и стратегических игр.

Динамика показателей общественного развития в свете распространения Интернета

По отношению к задачам развития индивида и общества цифровизация носит инструментальный характер, что наглядно видно при межстрановом сопоставлении – в силу дифференциации государств не только по уровню общественного развития, но и по уровню распространения Интернета. В русле управленческой ментальности расширение цифровизации коррелирует с прогрессом в социальной и политической сферах. Сопоставительный межстрановой анализ позволяет подтвердить или опровергнуть это предположение.

В качестве метрик прогресса в социальной и политической сферах использованы данные международных организаций – Всемирного Банка и Программы развития ООН: Показатели мирового развития¹⁷, Глобальные показатели управления¹⁸, Индекс развития человеческого потенциала¹⁹, а также сведения, которые получают благодаря неправительственным инициативам – Всемирному отчету о счастье²⁰ и Индексу неустойчивых государств²¹. В итоговый перечень вошли такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования населения, индексы неравенства, политической стабильности, качества государственного управления, удовлетворенности жизнью и некоторые другие. По нашему мнению, отобранные показатели относительно полно отражают результативность государственного управления: они позволяют судить об отношениях как государства и общества (политических), так и внутри общества (социальных). Кроме того, была рассчитана корреляция между долей интернет-пользователей и ВВП на душу населения. Этот показатель, хотя он имеет экономическую, а не социальную природу, наполнен важным социальным содержанием; неслучайно он входит в набор переменных Всемирного отчета о счастье. Рост ВВП на душу населения – один из ключевых признаков результативности государственной социально-экономической политики.

Чтобы получить максимально репрезентативную картину, была определена выборка государств для каждого используемого показателя с максимальной выгрузкой данных. Такая необходимость обусловлена пропусками данных и проведением корреляционного анализа, т.е. использованием двух показателей в каждом случае. Наибольшие трудности представлял анализ социальной сферы. Так, пришлось отказаться от использования данных по уровню бедности, поскольку большинство стран, в том числе с высоким доходом на душу населения, не предоставляют эту чувствительную информацию институтам ООН. Показатели уровня счастья, за исключением социальной лестницы, наименее репрезентативны с точки зрения доли государств, которые располагают данной информацией. Показатели неравенства (индекс Джини) не привязаны к определенному году; те, что опубликованы в официальных отчетах Программы развития ООН и использованы в статье, –

¹⁷ World Development Indicators. World Bank official website. (<https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>).

¹⁸ World Governance Indicators. World Bank official website. (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

¹⁹ UNDP. Human Development Report 2023–24. Breaking the gridlock: Reimagining cooperation in a polarized world. 13.03.2024. (<https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24>).

²⁰ WHR Editorial Board the World Happiness Report. (<https://worldhappiness.report/>).

²¹ Fund for Peace. Fragile State Index 2024. (<https://fragilestatesindex.org>).

интервальные. Показатели по системе здравоохранения, значимые в социально-политическом отношении, ограничены 2019 г.

Для расчета взаимосвязи распространения Интернета и социальных и политических процессов удалось благодаря сервису «Google Sheets» использовать корреляцию Спирмена для 2008 и 2021 гг. Выбор именно этих годов связан с тем, что 2008 год – это год начала глобального кризиса, когда уже были созданы ставшие весьма популярными интернет-платформы поддержки социальных сетей (в разных странах нередко внедряли собственные проекты подобных платформ), которые сегодня нередко ассоциируют с цифровизацией. Что касается 2021 года, то это самый близкий к текущему моменту отчетный период, за который можно сформировать выборку необходимых данных.

Основная рабочая гипотеза состояла в том, что статистические связи между выбранными показателями при сравнении данных 2008 и 2021 гг. изменятся, отражая качественные сдвиги в значениях и возможностях цифровизации применительно к политическим процессам и сфере государственного управления. В контексте управленческой ментальности это означает усиление технократического подхода к воздействию на общество. Так как в выборку вошли государства с разным уровнем политического и социального развития, использование относительно широкого набора показателей позволило нивелировать избыточное влияние на результат национальных особенностей и обеспечило надежность и верифицируемость выводов исследования.

Полученный коэффициент корреляции между долей интернет-пользователей в населении и подушевым ВВП по ППС оказался значимым и продемонстрировал небольшой рост – с 0,88 до 0,89 на временном интервале 2008–2021 гг. (уровень значимости $p < 0,01$). Это говорит о том, что распространение Интернета в целом соответствует уровню развития общества, цифровизация позволяет преодолевать технологическое отставание, способствуя экономическому и институциональному прогрессу. Результаты корреляционного анализа показателей социального и политического характера и охвата населения Интернетом представлены в таблицах 1 и 2 (в порядке убывания коэффициента корреляции).

По показателям эффективности государственного управления и уровню контроля коррупции произошло своего рода насыщение: коэффициент корреляции в 2021 г. ниже, чем в 2008 г. (хотя значимость коэффициента не утрачена). Снизилась зависимость между долей интернет-пользователей и эффективностью государственного управления – на 6 процентных пунктов, а также между долей интернет-пользователей в населении и контролем коррупции – на 8 п.п.

Предсказуемая отрицательная корреляция между индексом неустойчивости государств и цифровизацией (страны с низкой долей пользователей Интернета среди населения самые нестабильные) за рассматриваемый период усилилась, т.е. насыщения цифровой инструментализацией не произошло.

Коэффициент корреляции между долей охвата населения Интернетом и комплексным показателем политической стабильности и отсутствием угроз насилия/терроризма остался на среднем значимом уровне 0,6. Иначе говоря, уровень цифровизации, как и коррелирующий с ним уровень экономического развития государств, не может гарантировать политическую стабильность. Действительно, государства с высокими доходами бывают подвержены глубоким политическим кризисам. Можно заключить, что цифровизация сопутствует эффективности управленческой ментальности в компоненте доминирования.

Если говорить о связи между показателями оценки социальных процессов и долей интернет-пользователей в населении (табл. 2), то практически по всем показателям с сильной корреляцией отмечено снижение динамики, насыщение цифровой инструментализацией. Это касается индекса удовлетворенности жизнью, уровня социальной поддержки,

Таблица 1

Связь цифровизации с показателями оценки политических процессов

Table 1

The correlation between digitalization and indicators of the political processes evaluation

Показатели политических процессов	Корреляционный анализ с переменной		Общая интерпретация
	Доля пользователей Интернета к численности населения		
Эффективность государственного управления	Год 2008	Год 2021	Сильная прямая корреляция двух показателей с наличием тенденции к снижению с течением времени Интернет как инструмент распространения информации о деятельности государственных структур и способ передачи информации о состоянии общества повышает эффективность управления
	Значение 0,85**	Значение 0,79**	
	Количество наблюдений 195 стран	Количество наблюдений 178 стран	
	Количество наблюдений 168 стран	Количество наблюдений 166 стран	
Индекс неустойчивых государств	Год 2008	Год 2021	Сильная обратная корреляция (сохраняется с течением времени) Наиболее проблемные государства имеют самые высокие значения индекса неустойчивых государств; дефицит интернет-пользователей сопутствует большей неустойчивости
	Значение –0,82**	Значение –0,83**	
	Количество наблюдений 175 стран	Количество наблюдений 165 стран	
Контроль коррупции	Год 2008	Год 2021	Сильная прямая корреляция двух показателей с тенденцией к снижению статистической связи с течением времени Интернет – один из инструментов двустороннего диалога общественных и политических институтов Снижение статистической связи связано с тем, что цифровизация – лишь один из инструментов контроля коррупции, кроме того, цифровизация может снижать эффективность контроля
	Значение 0,78**	Значение 0,70**	
	Количество наблюдений 195 стран	Количество наблюдений 178 стран	
Политическая стабильность и отсутствие угроз насилия/терроризма	Год 2008	Год 2021	Умеренная прямая корреляция двух показателей (сохраняет свое значение с течением времени) Интернет, с одной стороны, способствует открытости общественных и политических процессов, с другой – может оказывать негативное влияние на общество, институты управления
	Значение 0,6**	Значение 0,6**	
	Количество наблюдений 197 стран	Количество наблюдений 180 стран	
Доверие национальному правительству	Год 2008	Год 2021	Зависимость статистически незначима
	Значение –0,17	Значение –0,09	
	Количество наблюдений 100 стран	Количество наблюдений 102 страны	

Источник: *расчеты авторов.*
Source: *compiled by the authors.*

ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Корреляция между охватом населения Интернетом и недоеданием не изменилась и составляет 0,81, в то время как между долей интернет-пользователей среди населения и средним количеством лет получения образования возросла на 2 п.п., т.е. потенциал цифровизации в сфере образования продолжает раскрываться.

Таблица 2

Связь цифровизации с показателями оценки социальных процессов

Table 2

The correlation between digitalization and indicators of the social processes evaluation

Показатели оценки социальных процессов	Корреляционный анализ с переменной		Интерпретация
	Доля пользователей Интернета к численности населения		
Индекс удовлетворенности жизнью – жизненная лестница	Год 2008 Значение 0,85** ²² Количество наблюдений 105 стран	Год 2021 Значение 0,77** Количество наблюдений 110 стран	Сильная прямая корреляция показателей с тенденцией к снижению Интернет как инструмент распространения информации о возможностях и перспективах индивида в обществе способствует ослаблению восприятия каждодневных рисков
Социальная поддержка	Год 2008 Значение 0,78** Количество наблюдений 105 стран	Год 2021 Значение 0,70** Количество наблюдений 110 стран	Сильная прямая корреляция с тенденцией к снижению Распространение ИКТ расширяет возможности государственной и частной общественной поддержки как в кризисные периоды, так и в формировании благополучной социальной среды
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Год 2008 Значение 0,89** Количество наблюдений 198 стран	Год 2021 Значение 0,81** Количество наблюдений 175 стран	Сильная прямая корреляция с тенденцией к снижению Распространение ИКТ сопутствует росту ожидаемой продолжительности жизни
Индекс охвата основными услугами здравоохранения	Год 2010 Значение 0,89** Количество наблюдений 184 страны	Год 2021 Значение 0,83** Количество наблюдений 177 стран	Сильная прямая корреляция с тенденцией к снижению Данные сопоставимы с показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении и по величине, и по интерпретации
Среднее количество лет получения образования	Год 2010 Значение 0,79** Количество наблюдений 168 стран	Год 2021 Значение 0,81** Количество наблюдений 166 стран	Сильная прямая корреляция с тенденцией к незначительному усилению Интернет расширил возможности получения новых знаний, умений, компетенций, а также области их применения, что способствует прогрессу общества, в том числе переходу от одного технологического уклада к другому

²² Здесь и далее: *p < 0,05; **p < 0,01 – уровень значимости рассчитанных коэффициентов корреляции.

Окончание таблицы 2
End of Table 2

Показатели оценки социальных процессов	Корреляционный анализ с переменной Доля пользователей Интернета к численности населения		Интерпретация
Распространение недо- едания (доля населения)	Год 2010 Значение –0,81** Количество наблюдений 159 стран	Год 2021 Значение –0,81** Количество наблюдений 153 страны	Сильная обратная корреляция (сохраняется с течением времени) Цифровизация связана с уровнем технологического развития и как следствие с удовлетворением базовой потребности в питании
Индекс Джини	Год 2010 Значение –0,42** Количество наблюдений 143 стран	Год 2021 Значение –0,48** Количество наблюдений 147 стран	Умеренная отрицательная корреляция с тенденцией к усилению Распространение Интернета и связанных с ним новых высокопродуктивных рабочих мест, с одной стороны, способствует росту неравенства, с другой стороны, цифровая сфера создает новые возможности, но с высокими требованиями ²³
Уровень смертности от самоубийств (на 100 000 человек) ²⁴	Год 2010 Значение 0,23** Количество наблюдений 180 стран	Год 2021 Значение 0,25** Количество наблюдений 175 стран	Слабая прямая корреляция с незначительным усилением с течением времени Для некоторых стран, в том числе с высокими доходами на душу населения, это чувствительная проблема. Незначительная корреляция свидетельствуют о том, что Интернет в некоторой степени можно рассматривать в качестве триггера
Безработица по модели MOT ²⁵	Год 2008 Значение 0,13 Количество наблюдений 183 страны	Год 2021 Значение 0,03 Количество наблюдений 166 стран	Показатель статистически незначим Официальный уровень безработицы не испытывает влияния современных технологий, невозможно достигнуть нулевого показателя безработицы

Источник: *расчеты авторов.*
Source: *compiled by the authors.*

²³ Популярный показатель неравенства – индекс Джини – в годовом исчислении заметно дифференцирован по странам. В официальных отчетах программы развития ООН используют интервальный индекс Джини, что повлияло на парадоксальность результатов наших расчетов, так как в общественном сознании укрепилась мысль о важности распространения Интернета как инструмента преодоления неравенства. Например: Hongfei Du&Nan Zhou&Hongjian Cao&Jintao Zhang&Anli Chen&Ronnel B. King. (2021) Economic Inequality is Associated with Lower Internet Use: A Nationally Representative Study // Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement, Springer. Vol. 155(3), pp. 789–803.

²⁴ Авторы рассматривают показатель «Уровень смертности от самоубийств» (Suicide Mortality Rate (per 100,000 population)) в дополнение к показателю «Индекс удовлетворенности жизнью – жизненная лестница» (Life Ladder), разница в том, что первый не оценочный, а объективный, то есть не экспертный, а фактический.

²⁵ Безработица – социально-экономический показатель, для простоты он отнесен к социальным.

Расчеты свидетельствуют, что некоторые показатели, отражающие общественное благополучие (индекс Джини, уровень смертности от самоубийств и безработица), слабо коррелируют с долей интернет-пользователей, что говорит о низкой инструментальной эффективности цифровизации в решении именно этих социально-экономических проблем. Можно сказать, что роль цифровизации снижается в стратегических играх, но в управлении остается значимой. Индикаторы цифровизации тесно коррелируют с показателями, характеризующими политические и социальные процессы в обществе. Распространение Интернета повышает эффективность государственного управления, обеспечивая координацию поведения и действий индивидов, социальных групп и общества в целом на новом уровне.

Можно заключить, что распространение Интернета и цифровизация особенно важны для развивающихся государств, способствуя их политическому и социальному прогрессу, что измеряют с помощью основных параметров Индекса развития человеческого потенциала. Тот факт, что для многих показателей корреляция с долей интернет-пользователей со временем снижается, говорит об исчерпании потенциала цифровизации в общественной жизни. Другими словами, активное внедрение «цифры» в общественные сферы и производственные процессы в развитых государствах, по-видимому, достигло своего максимума, оставаясь в то же время неотъемлемым элементом развития общества.

* * *

Политические процессы и государственное управление традиционно связывают как с прогрессом общества, так и с контролем над индивидами. Осознанное применение технократического подхода к управлению государством в середине 1980-х гг. концептуализировал М. Фуко в рамках категориального аппарата управленческой ментальности. Поскольку ключевой тренд современных общественных процессов – распространение информационных технологий, исследование было ориентировано на изучение взаимосвязи цифровизации и показателей государственного управления – политических и социальных. Часть из них может служить метриками оценки компонентов управленческой ментальности (стратегические игры, управление, доминирование).

Отобранные показатели оценки политических и социальных процессов отражают благосостояние общества или указывают на проблемы в его развитии, характеризуя социум конкретного государства. Используя в качестве исследовательского метода количественный анализ наличия/отсутствия статистической (корреляционной) связи между показателями цифровизации общества и показателями оценки политических и социальных процессов, удалось выявить выраженную взаимосвязь цифровизации и многих метрик, характеризующих управленческую ментальность. В большинстве случаев наблюдается постепенное ослабление корреляции отдельных индикаторов, что свидетельствует о снижении зависимости между распространением Интернета и развитием общественных процессов. В качестве причины этой тенденции можно рассматривать повышение требований к результативности использования интернет-технологий в сфере государственного управления, когда само по себе увеличение численности пользователей не влечет за собой повышения эффективности государственного управления.

Подтверждение основных гипотез исследования на большой выборке государств позволяет говорить об объективности выбранных показателей, характеризующих управленческую ментальность, что свидетельствует о прикладном значении результатов исследования. В настоящее время цифровизация может иметь положительный эффект в развивающихся и наименее развитых странах. Полученные результаты свидетельствуют

о релевантности использованной методологии исследования для оценки влияния других трендов или внешних шоков – прошлых, нынешних и потенциальных – на политические и социальные процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах (2021) / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: РОССПЭН. 2021. 310 с.
- Outsourcing of Political Judgments: the Challenges of Communication on Digital Platforms.* (2021) Ed. L.V. Smorgunov. Moscow: ROSSPEN. 310 p. (In Russ.)
- Игнатьева О.А. (2020) Цифровая управленческая ментальность: партисипаторное управление vs биополитика // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 16. № 4. С. 462–473.
<https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.403>
- Ignatjeva O.A. (2020) Digital Governmentality: Participatory Governance vs. Biopolitics. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, vol. 16, no. 4, pp. 462–473. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.403> (In Russ)
- Кравченко С.А. (2020) Пандемия COVID-19: вызовы здоровью населения мира – возможна ли гуманистическая глоболокальная биополитика? // Полис. Политические исследования. № 6. С. 91–102.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.07>
- Kravchenko S.A. (2020) COVID-19 Pandemic: Challenges to Global Health – Is a Humanistic Global Biopolitics Possible? *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 91–102.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.07> (In Russ)
- Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях (2016) / Под общ. ред. Л.А. Василенко, Е.В. Тарасовой. М.: Проспект. 112 с.
- Models of Dialogue between the Authorities and Society in Internet Communications.* (2016) Eds. L.A. Vasilenko, E.V. Tarasova. Moscow: Prospekt. 112 p. (In Russ)
- Сморгунов Л.В. (2021) Три стратегии политики цифровизации: государственное управление и трансформационный потенциал цифровых технологий // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021. Российская Ассоциация политической науки; Томский государственный университет. Томск. С. 9–33.
- Smorgunov L.V. (2021) Three Strategies of Digitalization Policy: Public Governance and the Transformational Potential of Digital Technologies. In: *Mozaichnoe pole mirovoi i rossiiskoi publichnoi politiki. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2020–2021*. Tomsk. Pp. 9–33. (In Russ.)
- Фуко М. (1999) Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem. 480 с.
- Fuko M. (1999) *Supervise and Punish: The Birth of Prison*. Moscow. Ad Marginem. 480 p. (In Russ.)
- Armstrong Ch. (2010) Emergent democracy. In: *Open government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice*. Ed. D. Lathrop and L. Ruma. USA. O'Reilly Media. Pp. 167–176.
- Chumaceiro Hernandez A.C., Hernandez G. de V. J.J., Perez Prieto M.E. et al. (2024) Analysis of the e-Government development index in the regions. In: *Procedia Computer Science*. The International Symposium on Intelligent Systems and Future Networks (ISFN 2023). November 7–9, 2023, Almaty, Kazakhstan. Pp. 559–565. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2023.12.250>
- Coleman St. (2017) *Can the Internet Strengthen Democracy?* Cambridge. Polity Press. 142 p.
- Cortes-Cediel M.E., Segura-Tinoco A., Cantador I., Bolivar M.P.R. (2023) Trends and Challenges of e-Government Chatbots: Advances in Exploring Open Government Data and Citizen Participation Content. *Government Information Quarterly*, vol. 40, is. 4, pp. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101877>
- Dean M. (2010) *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. Second Edition. London: SAGE Publication Inc. 304 p.

Eaves D. (2010) After the collapse: Open Government and the Future of Civil Service. In: *Open government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice*. Eds. D. Lathrop and L. Ruma. USA. O'Reilly Media. Pp. 139–151.

Flyverbom M., Madsen A.K., Rasche A. (2017) Big data as Governmentality in International Development: Digital Traces, Algorithms, and Altered Visibilities. *The Information Society*, is. 33 (1), pp. 35–42. <https://doi.org/10.1080/01972243.2016.12486>

Foucault M. (1988) The Ethic of Care for the Self as a Practice of Freedom. In: *The Final Foucault*. Eds. J. Bernauer and D. Rasmussen. Boston: MIT Press. Pp. 1–20.

Foucault M. (1997a) Security, Territory, and Population. In: *M. Foucault. The Essential Works 1954–1984*. Vol. 1. Ethics: Subjectivity and truth. Ed. P. Rabinow. New York: The New Press. Pp. 67–71.

Foucault M. (1997b) *The Essential Works 1954–1984*. Vol. 1: Ethics: Subjectivity and truth. Ed. P. Rabinow. New York: The New Press. 334 p.

Foucault M. (1997c) Birth of Biopolitics. In: *M. Foucault. The Essential Works 1954–1984*. Vol. 1: Ethics: Subjectivity and Truth. Ed. P. Rabinow. New York: The New Press. Pp. 73–79.

Lemke T. (2002) Foucault, Governmentality, and Critique. *Rethinking Marxism*, is. 14(3), pp. 49–64. <https://doi.org/10.1080/089356902101242288>

Merry S.E. (2011) Measuring the world: Indicators, Human Rights, and Global Governance. *Current Anthropology*, vol 52, is. 3, pp. 83–95. <https://doi.org/10.1086/657241>

Noveck B.S. (2010) The single point of failure. In: *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice*. Eds. D. Lathrop and L. Ruma. USA. O'Reilly Media. Pp. 49–69.

O'Reilly T. (2010) Government as a Platform. In: *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice*. Eds. D. Lathrop and L. Ruma. USA. O'Reilly Media. Pp. 11–39.

Reich B. (2010) Citizens' View of Open Government. In: *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice*. Eds. D. Lathrop and L. Ruma. USA. O'Reilly Media. Pp. 131–138.

Schacht S. (2010) Democracy, under everything. In: *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice*. Eds. D. Lathrop and L. Ruma. USA. O'Reilly Media. Pp. 153–165.

Информация об авторах

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, старший научный сотрудник АНИИ «Лобачевский», Институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Адрес: 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23. E-mail: dmitkam@iee.unn.ru

Комаров Игорь Дмитриевич, кандидат исторических наук, специалист по организационной работе 2 категории, Информационно-аналитический отдел, научный сотрудник АНИИ «Лобачевский», Институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Адрес: 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23. E-mail: komarov@imomi.unn.ru

Горбунова Мария Лавровна, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики и таможенного дела, Институт экономики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Адрес: 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23. E-mail: gorbunova@iee.unn.ru

About the authors

Dmitry I. Kaminchenko, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Political Science, Senior Research Fellow, Lobachevsky Research and Information Agency, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Address: 603022, Gagarin Ave 23, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: dmitkam@iee.unn.ru

Igor D. Komarov, Candidate of Sciences (History), Specialist in Organizational Work of Second Category, Information and Analytical Department, Research Fellow, Lobachevsky Research and Information Agency, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Address: 603022, Gagarin Ave 23, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: komarov@imomi.unn.ru

Maria L. Gorbunova, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department of International Economics and Customs Affairs, Institute of Economics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Address: 603022, Gagarin Ave 23, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: gorbunova@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 13.06.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.11.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 17.12.2024

УДК 165.12:141.155:316.4

DOI: 10.31857/S0869049924060035
EDN: JBZKGZ

Оригинальная статья / Original article

Коллективный субъект в цифровую эпоху¹

© М.В. СУХАРЕВ

Сухарев Михаил Валентинович, Карельский НЦ РАН (Петрозаводск, Россия), suharev@narod.ru.
ORCID: 0000-0003-3190-9893

Исследуется проблема коллективного субъекта (КС) в контексте новых научных направлений: теории больших эволюционных переходов (МЕТ – major evolutionary transitions) и цифровой философии, изучающей фундаментальное влияние цифровизации на общество и познание. МЕТ – теория, берущая начало в проблеме перехода от одноклеточных микроорганизмов к многоклеточным «суперорганизмам», целостностям нового уровня. Затем МЕТ была экстраполирована на общество как систему, состоящую из организмов. Важнейшим средством объединения организмов в такие КС, как племя, народ, нация является язык (включая письменный). Сейчас социальный КС изменяется под действием новых способов коммуникации – цифровых информационных систем. В отличие от письменности, эти системы обладают собственной активностью и ведут к фундаментальным изменениям общества именно как КС, как субъекта познания, социального управления и развития. Рассмотрена возможность применить теорию МЕТ для углубления понимания социальных КС, в особенности КС познания (научных сообществ) в результате цифровизации когнитивных процессов.

Ключевые слова: коллективный субъект, холизм, цифровизация, система, научное сообщество, индивид, большой эволюционный переход

Цитирование: Сухарев М.В. (2024) Коллективный субъект в цифровую эпоху // Общественные науки и современность. № 6. С. 41–56. DOI: 10.31857/S0869049924060035, EDN: JBZKGZ

¹ Финансирование. Работа выполнена в рамках госзадания КарНЦ РАН «Исследование социально-экономических факторов, процессов и эффектов цифровой трансформации регионов России» (FMEN 2022-0010).

Funding. The work was carried out within the framework of the KarSC RAS State Task “Research of social-economic factors, processes and effects of digital transformation in regions of Russia” (FMEN 2022-0010).

The Collective Subject in the Digital Age

© M. SUKHAREV

Sukharev Mikhail Valentinovich, Karelia Scientific Center of RAS (Petrozavodsk, Russia), suharev@narod.ru. ORCID ID 0000-0003-3190-9893

Abstract. The problem of the collective subject (CS) is studied in the context of new areas of scientific research: the theory of large evolutionary transitions (MET – major evolutionary transitions) and digital philosophy and sociology. Digital philosophy and sociology explore the fundamental impact of digitalization on society and cognition. MET is a theory that originates in the biological problem of the transition from unicellular microorganisms to multicellular «superorganisms» which are a whole at a new level. Later, the idea of the MET was extrapolated to society as a system consisting of organisms, and invaded the field of sociology and philosophy. The most important means of uniting organisms into such groups as a tribe, a people, a nation, is language. The emergence of new ways of communication (writing and printing) has played a fundamental role in the development of society as a CS. At the end of the 20th century, new means of communication were developed – digital information systems. Unlike writing, these systems have their own activity and lead to fundamental changes in society precisely as a CS, as a subject of cognition, social management and development. The possibility of using MET theory to deepen the understanding of CS of cognition (scientific communities) is considered, as well as CS of management, and the impact of digital systems on deepening cognitive processes in social CS.

Keywords: collective subject, holism, digitalization, system, scientific community, individual, major evolutionary transition

Citation: Sukharev M.V. (2024) The Collective Subject in the Digital Age. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 41–56. DOI: 10.31857/S0869049924060035, EDN: JBZKGZ (In Russ.)

Субъект вообще

В период уже явно происходящей перестройки мира, когда новые зоны возникают не только по экономическим, но и по цивилизационным причинам, обостряется проблема коллективного субъекта. Что составляет несущую основу цивилизаций? Очевидно, народы. Народы – это коллективные субъекты? В науке на эту тему существуют весьма противоречивые мнения, но науку несет в себе научное сообщество – тоже коллективный субъект? Чтобы быть коллективным, ему нужна связь, коммуникация; изменение технологии коммуникации ведет к трансформации самого субъекта, сейчас путем цифровизации. Попытаемся рассмотреть эти вопросы, соединяя философское исследование проблемы коллективного субъекта, естественно-научную теорию MET и исследования цифровизации в социологии знания.

Прежде чем обсуждать коллективный субъект (далее – КС), надо определить, что такое субъект обыкновенный: такой как мы сами, то есть, индивидуальный. Эти признаки должен со своими особенностями иметь и коллективный субъект.

Выдающийся советский психолог С.Л. Рубинштейн писал: «Мне мои переживания даны иначе, как бы в иной перспективе, чем они даны другому. Переживания, мысли, чувства субъекта – это *его* мысли, *его* чувства; это *его* переживания – кусок его собственной жизни, в плоти и крови его» [Рубинштейн 2002, 19]. Субъект выделяет себя из окружающего мира, причем и из мира вещей, и из мира людей: есть «Я» и есть *остальные*, похожие на меня, но все же другие. Без выделения себя не может возникнуть субъект

ект-объектное отношение; но происходит это выделение очень рано, еще до усвоения речи, хотя первоначально ребенок, возможно, еще не выделяет себя из остального мира [Психология... 2002, 9]. Понимание ребенком того, что такое окружающий мир, предметы и процессы в нем, понимание того, что он тоже «человек» и что такое люди вообще, достигается только с помощью языка, с помощью взрослых, в постоянном диалоге с ними [Рубинштейн 2002, 428, 739–741; Рубинштейн 2003, 351–352; Выготский 2005, 539–544].

Ребенок должен понять, что он один из людей, не только соотнося себя с теми, кого он видит вокруг себя, но и узнавая от них, *какие бывают люди вообще* – в других городах и странах, какими они были сто или пятьсот лет назад, что они делают, как взаимодействуют друг с другом. Иными словами, ребенок должен осознать себя не просто как похожий организм, но организм, принадлежащий общности и истории людей, несущий культуру своего народа и наследие общечеловеческой культуры. Понятие «человек вообще» недоступно отдельному индивиду до тех пор, пока общий для народа язык и часть общего человеческого знания не поселится в нем, но затем эта часть *общего разума* смотрит в мир из *его* головы и *его* глазами. При этом индивид познает и свою *общность* с другими людьми, и свою *особенность*. Усваивает правила поведения, которые другие ожидают от него, и он ожидает от других по отношению к себе.

Человек познает язык, и в результате возникает такое явление, когда, воспринимая какой-то объект, мозг вместе с данными органов чувств невольно включает языковую и культурную информацию о нем: глаза видят на небе желтоватый круг, и вместе с тем всплывает название «Луна» и представление о том, что на самом деле это огромный спутник Земли, лишенный атмосферы. Связь слова и понятия. Связь знака и мысленного образа, ментальная модель, дающая возможность распознавать и действовать [Ричардсон 2006, 43–88; Гуревич 2009; Князева 2020].

Таким образом, часть культуры общества как дарованная человеку на время его жизни доля знаний и стремлений народа поселяется в его теле, и только с помощью этой когнитивной системы индивид может полноценно смотреть на себя и соотносить себя с другими – то есть становиться субъектом; индивидуальный субъект – это часть коллективного, и ничем другим он быть не может, ибо не в силах в одиночку создать культуру и цивилизацию. Однако эта часть коллективного, живущего в отдельном теле, получает *точку зрения*, смотрит на целое *изнутри* и потому отчуждается. Немецкий филолог, философ и дипломат В. фон Гумбольдт писал: «Язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении, потому что понятие образуется только посредством слова, а без понятия невозможно истинное мышление» [цит. по: Потебня 1999, 30]. Однако в любом случае общая культура абсолютно необходима индивиду и для того, чтобы полностью осознать свою особенность и индивидуальность в многомерной сети связей с другими людьми.

Не полностью решен вопрос о том, как соотносятся понятия «человек», «личность» и «субъект» [Мироненко 2010]. Можно предложить следующее рабочее определение: человек – это личность в единстве с телом и действием (или *одушевленное тело*), а личность – это уникальный холистический комплекс знаний, ценностей, убеждений (и предубеждений), желаний, целей, неполная, но в основном логичная идеальная система, существующая в этом теле. Субъект – это часть личности в интеллектуальном взаимодействии с миром (в познании или в воздействии на мир) и с другими личностями – именно во взаимодействии интеллектуальном, основанном на использовании верифицированных понятий и логики. Импульсивное, неосознанное действие не субъектно так же, как неосознанное восприятие. Оно не субъектно, но личностно, поскольку лич-

ность шире, чем субъект. Увидел нечто, услышал, но не осознал, не связал с комплексом каких-то понятий; так видит и слышит, вероятно, животное. Увидел нечто страшное, промелькнувшее и нераспознанное; оно не успело стать объектом – это лишь образ, не связанный с понятием, но был воспринят как ощущение для личности и недоразумение для субъекта.

Субъект – это разум

Таким образом, субъект понимает себя и свое отношение с другими и миром с помощью той части общего ума-знания, которая ему передана от общества во временное пользование на период его жизни. Человек осознает себя частью народа (русского, индийского, немецкого...) в контексте его истории и в сопоставлении с другими народами и их историей. Возможно ли это вне языка и знаний своего народа? Не индивид создал этот язык и эти знания; они дарованы ему своим народом и всем человечеством. «Неколлективность фиктивна, виртуальна и сводима к индивиду. Скорее, о последнем философия хранит гробовое молчание как о трагическом событии, обреченном на смерть и забвение» [Касавин 2015, 185].

Вместе с тем субъект индивидуален. В силу того, что накопленные человечеством знания в наше время огромны и относительно легкодоступны, каждый индивид вмещает в себе очень небольшую часть существующих мысленных компонентов, которые в значительной степени случайно собрались в его голове. У каждого свой набор прочитанных книг, просмотренных фильмов, общение со своим кругом людей. Своя история жизни, включая историю мысли, внутреннего диалога (пусть даже совсем простого). Соединенные вместе постоянным внутренним дискурсом, историей хранимого в памяти внутреннего диалога, внутренней мысли, эти знания образуют уникальные комплексы, отдельным из которых эволюционная лотерея дает способность понять то, что не было понято ранее другими индивидами с другими когнитивными наборами, и сделать свой вклад в общее знание.

Субъект – это память

Без памяти субъект невозможен. Его отношения с объектами разворачиваются во времени: и познание, и действие, и коммуникация с другими – все это нужно запоминать – вопросы и ответы, действия и результаты, исследование и понимание. Без памяти утрачивается смысл, т.е. связь между образами (гештальтами, эйдосами, ментальными моделями [Johnson-Laird 1980, Проненко 2024]) и понятиями. Субъект должен помнить свою историю: детство, взросление, общественное признание, должен помнить историю людей, общества и вещей вокруг себя, историю, наблюдаемую с его точки зрения. Эта история по-разному предстает в личном восприятии, придавая субъекту индивидуальность.

Субъект – это сумма умственных (когнитивных) моделей

Модель самого себя человек строит с самого детства, когда ребенок еще передвигается ползком, многое ощущая осязанием и выстраивая модели кинематики своего тела опытным путем. Правдивая модель самого себя позволяет верно проектировать свои действия в реальном мире. Затем субъект строит модели внешних предметов: стул жесткий и падает, диван мягкий, но стоит твердо, дверца шкафа открывается, собака бежит

и лает... Мы строим мысленные модели пилы, огня, реки – тяжесть, жар, течение... Это именно динамические модели, а не картинки: они позволяют предсказывать движение реальных объектов. Наличие моделей позволяет проектировать свои будущие действия. Для действия нужны модели других людей, существ и объектов. У нас есть модели других людей, причем не только физически, телесно, но и психологически, и когнитивно. Мы можем предсказать, что сделает тот или иной человек в некой ситуации. Мы также можем предсказывать поведение животных. Модели вещей (знание веса, прочности, взаимодействия их частей и т.д.) позволяют нам оперировать ими, использовать в своей деятельности, строить стратегию их исследования. Более того, мы умеем мысленно строить ранее не существовавшие системы из тех моделей элементарных вещей, которые есть у нас в мозгу, например, представить себе колесо, соединенное осью с шестерней. Можем вообразить взаимодействие людей и машин – конвейер. Мы можем изобретать и можем, используя язык, передавать эти мысленные конструкции (ментальные модели) другим людям.

Набор (подмножество) моделей уникален у каждого человека, хотя много довольно похожих. Однако часто именно какая-то небольшая особенность набора позволяет субъекту придумать что-то, что спасет сообщество, в котором он живет.

Субъект – это дискурс

Есть хорошее определение дискурса: речь, погруженная в жизнь. «Устный дискурс или письменный текст вплетены в живую ткань социальной деятельности и межличностного взаимодействия» [Макаров 2003, 80, 88].

Субъект как дискурс – это связанная памятью история всех коммуникаций личности с окружающими (устно) и дальними (через тексты и другие носители) субъектами, история мысли, которая формировала данную личность через образы прошлого, настоящего и желаемого, с одной стороны, и стараясь выразить свою позицию, с другой. Это и история внутренней речи, в которой субъект пытается упорядочить полученное из внешней коммуникации и понять себя в этом открывающемся мире. Дискурс должен быть явно связан со структурами и стратегиями личного и социального сознания, а также с социальными ситуациями, социальными взаимодействиями и общественными структурами [van Dijk 1998, viii]. «Феноменологическое «Я» описывает внутренний поток сознания человека в социальной ситуации. Интерактивное «Я» относится к той части образа себя, которая представлена во взаимодействии с другим человеком в конкретной последовательности социальных актов... Все эти формы «Я» проигрываются в социальной интеракции и становятся частью биографии человека» [Макаров 2003, 37–38].

Дискурс – это история мысли в стремлении познать некую сущность, некое явление (в том числе себя), некое когнитивное действие, которое может совершаться и индивидуально (с помощью социально созданных инструментов), и коллективно, в коммуникации.

Коллективный субъект

Мудрость языка существует потому, что слова и фразы, употребляемые на протяжении сотен лет, проверяют на их эффективность самые разные люди в самых разных ситуациях. За прошедшие века язык (и народ, его несущий) волей-неволей набирается мудрости. «Конечно, язык возникает из таких глубин человеческой природы, что в нем никогда нельзя видеть намеренное произведение, создание народов. Ему присуще очевидное для нас, хотя и необъяснимое в своей сути самодетальное начало, и в этом

плане он вовсе не продукт ни чьей деятельности, а произвольная эманация духа, не создание народов, а доставшийся им в удел дар, их внутренняя судьба. Они пользуются им, сами не зная, как они его построили» [Гумбольдт 2000, 49]. Клетки мозга не знают, как работает мозг.

По всей видимости, народ – это коллективный субъект. Мудрый язык позволяет говорить: «Франция считает, что...», «русские требуют...» и т.п., но некоторые ученые уверяют, что это «просторечие» и «метафора», а в действительности это просто усредненное мнение индивидов.

Представляет ли собой научное сообщество КС? Оно себя осознает и отличает себя от других? Обладает ли оно коллективным разумом? Казалось бы, можно с этим согласиться, имея в виду книгу «Структура научных революций» Т. Куна [Кун 1977]. Тем не менее сам Кун так не думал, поскольку писал позднее в предисловии к книге Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта»: «Концепция, которая в ней выражена, не свободна от фундаментальных проблем, и я думаю, что они сосредоточены вокруг понятия “мыслительного коллектива”. Меня беспокоит не то, что “мыслительный коллектив” – это гипостазированная фикция, хотя я думаю, что это действительно так... Если говорить кратко, похоже, что мыслительный коллектив функционирует как некий сверхиндивидуальный разум, потому что многие люди обладают им (или он ими обладает)... эта дискуссия велась в неизвестном мне и даже как бы неприемлемом ракурсе социологии коллективного ума» [Флек 1999, 21–22]. В общем Кун не хотел признавать КС, он был для него даже «неприемлем».

О коллективном субъекте вполне ясно писал Э. Дюркгейм: «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь; ее можно назвать *коллективным или общим сознанием*. Несомненно, оно не имеет в качестве субстрата единственный орган; оно, по определению, рассеяно во всем пространстве общества... В каждом из нас, сказали мы, есть два сознания: одно, общее нам со всей нашей группой, которое, следовательно, представляет собой не нас самих, а общество, живущее и действующее в нас; другое, наоборот, представляет собой то, что в нас есть личного и отличного, что делает из нас индивида» [Дюркгейм 1990, 80, 126].

Очевидно, что общее сознание не пугало Дюркгейма, в отличие от Куна; возможно, потому что они принадлежат разным культурам – континентальной и островной. П.А. Сорокин писал: «Сказанное относится и ко всем теориям, которые определяют национальность как “коллективную душу” и т.п. Ведь и церковь, и редакция, и класс, и каста – тоже “коллективные души”. Что же является характерным для “национальной коллективной души”?» [Сорокин 1992, 193, прим. 1].

В континентальной философии коллективный характер субъекта познания до второй половины XX в. вообще считался доказанным: «Концепция социальной природы познания – одно из главных достижений немецкой классической философии, и прежде всего философии Канта и Гегеля. Ее суть в том, что истинным субъектом познания выступает не изолированный индивид, а человеческое общество на том или ином этапе его развития. Индивид может осуществлять функцию субъекта познания только тогда, когда он овладел материальными и духовными средствами познавательной деятельности, выработанными предшествующими поколениями людей...» [Мамчур 2018]. О том же пишет И.Т. Касавин: «Что бы ни делал человек, какие бы продукты ни создавал (если, конечно, речь идет о высших результатах его деятельности, к которым и относится наука), он всегда выступает как социальный и культурный субъект – представитель своего общества, своей системы образования, своего мировоззрения» [Касавин 2018].

Д. Штраус, философ из ЮАР, один из немногих западных² исследователей дуализма индивидуального и коллективного, суммировал научное обсуждение проблемы коллективного субъекта с разных позиций более чем за сто лет. Он писал: «Противопоставление личности и общества лежит в основе теоретического мышления об условиях человеческого бытия. По-видимому, взгляды на социальное взаимодействие становятся жертвой двух противоположных позиций: позиции социологического индивидуализма и позиции социологического универсализма...» [Strauss 2006]. Штраус добавил: «Для номинализма характерно утверждение, что государство, фирма, церковь и другие общественные целостности являются простыми понятиями или именами (*nomina*), посредством которых наше понимание, замещающим образом, отсылает к тому, что реально только и существует в действительности, а именно индивидам» [Strauss, 2006]. Его заключительный вывод таков: индивид и сообщество находятся в постоянном кольце диалектических обратных связей, общество создает индивидов, а индивиды создают общество.

В последние годы возникло новое течение, противоречащее методологическому индивидуализму. Это теория больших эволюционных переходов (MET – Major Evolutionary Transitions) [Smith, Szathmáry 1999; Nonacs 2022]. В биологической теории эволюции долго оставалась нерешенной проблема трудно объяснимых переходов, из которых важнейший – это переход от одноклеточных организмов к многоклеточным и от размножения путем деления к половому. Подобные переходы не могли произойти обычным путем накопительных генетических изменений, потому что существует принципиальный разрыв между генетическим кодом отдельных клеток и многоклеточного организма после MET; до этого одноклеточные размножались путем деления, а многоклеточный организм должен обеспечить воспроизводство всей совокупности различных клеток при общем генокоде. Значение MET выходит за пределы биологической науки: «Большой эволюционный переход – это изменение способа передачи генетической информации между поколениями... Следовательно, чтобы квалифицироваться как важный эволюционный переход, эусоциальность должна быть обязательной в том смысле, что размножение не может происходить вне социальной группы, что определяет социальную группу как индивидуума или суперорганизм» [da Silva 2021].

Авторы другой статьи пишут: «Основные эволюционные переходы можно разделить на два этапа: (i) формирование кооперативной группы и (ii) трансформация кооперативной группы в более сплоченное и интегрированное образование, которое можно рассматривать как новый уровень – индивидуум (организм). Второй шаг включает в себя ряд общих черт, включая следующие: индивиды в группе эволюционируют для выполнения различных задач (разделение труда); разделение труда становится настолько глубоким, что члены группы становятся зависимыми друг от друга; необходима коммуникация для координации сотрудничества на групповом уровне» [West et al. 2015]. Так создается КС.

Для биологов важно, что размножение, отбор и эволюция после образования многоклеточного организма будет происходить уже не на уровне клеток, а на уровне организмов: «...такая группа квалифицируется как организм или – рассматриваемый с уровня составляющих репликаторов – “суперорганизм”» [Szathmáry, Smith 1995].

Главный вывод из MET состоит в том, что многоклеточный организм не возникает одномоментно в результате соединения одноклеточных, а стал результатом длительного процесса коэволюции одноклеточных, в котором происходит их приспособление друг к другу, дифференциация функций в составе формирующегося из колонии

² Возникает вопрос, относить ли ЮАР к Западу, поскольку и Я. Смэтс, создатель холизма, тоже из ЮАР, которая резко отличается от стран Запада в пространстве культурных измерений Хофстеде–Инглхарта.

организма и объединение генетической информации. В диалектическом материализме такой процесс называется становлением. Все мы имеем в своих организмах митохондрии (со своей независимой ДНК), унаследованные от какой-то древней бактерии в результате симбиоза.

Следует напомнить, что теорию возникновения нового уровня создал В.Ф. Турчин под названием «метасистемный переход» еще в 1970 г. [Турчин 2000], но его имя в работах по МЕТ не упоминают. Он писал: «Возникновение человеческого общества – крупномасштабный метасистемный переход, при котором интегрируемые подсистемы – это целые организмы. В этом плане его можно сравнить с возникновением многоклеточных организмов из одноклеточных. Однако его значение, его революционность неизмеримо больше... Можно рассматривать общество как единое сверхсущество. Его “тело” – это тела всех людей плюс предметы, созданные и создаваемые людьми: одежда, жилища, машины, книги и т.д.».

Существует еще один подход к обоснованию реального существования КС. Это концепция холизма Я. Смэтса: «Чистый индивидуализм – вводящая в заблуждение абстракция; индивид осознает себя только в обществе и узнавая других, подобных ему; сама его способность к концептуальному опыту проистекает главным образом из использования социального инструмента языка. Индивидуум проистекает из универсального холизма, и весь его опыт и знания в конечном итоге определяются характером регулирующего порядка и универсальности» [Smuts 1927, 254].

С точки зрения холизма КС – это целостная система, состоящая из элементов (людей, знаний и артефактов), объединенных взаимодействиями (коммуникацией, но не только; это может быть экономическое взаимодействие, физическое в процессе труда и т.д.), система, которая может выполнять свои функции только как целое; отдельные элементы не могут обеспечить их исполнение. Кроме того, эта система должна быть способна самовоспроизводиться (воссоздавать новых членов, обновлять артефакты и т.д.).

КС обладает, как и положено субъекту, разумом, памятью, суммой моделей и дискурсом. Имеет представление о себе и отличает себя от других. С этой точки зрения современная наука (например, физика) – это не некая система бесплотных идей, а сложная система, состоящая из людей со множеством специализаций и, таким образом, не взаимозаменяемых; из книг и журналов (организованных в библиотеки); научных институтов со зданиями и лабораториями; научных инструментов, информационных систем; учебных заведений, в которых готовят ученых. Физика, химия и биология, например, отличают себя друг от друга и очень хорошо умеют взаимодействовать друг с другом и дополнять друг друга. В основе наук, понимаемых как системы, лежат системы идей; вся огромная материальная часть наук без этих нематериальных идей теряет смысл; это идеоматериальные холические системы, часть элементов которых материальная, а часть – идеальная, которые (как и религии) не могут работать без идеальной составляющей [Sukharev, Kozyreva 2019; Сухарев 2023]. Такая система (наука физика, например) может добывать знания, объяснять с их помощью самые разные явления (приливы, солнечное излучение, движение планет) и конструировать на этой основе полезные вещи, типа атомных электростанций или смартфонов, только при условии наличия и правильного взаимодействия всех своих элементов, включая идеальные. Наука может принимать решения: кто прав, а кто нет, какой эксперимент верен, а какой ошибочен, какую теорию принять, а какую отвергнуть. Для этого в ней существуют специальные когнитивные механизмы и социальные институты.

Современная наука создала огромные коллективные субъекты познания: например, группы исследователей бозона Хиггса на Большом адронном коллайдере (БАК) в ЦЕРНе

и консорциума LIGO, обнаружившего гравитационные волны, включали около 3000 человек и 1000 человек, соответственно [Koch, Jones 2016]. Между научными сообществами возникает конкуренция за ресурсы (финансирование, публикации, доступ к приборам и т.д.), конкуренция существует и между цивилизациями, однако тут могут работать более тонкие механизмы конкуренции, например, конкуренция сценариев (образов будущего) [Громыко 2004].

Государство – это тоже КС, обладающий кроме прочего вмещающей экосистемой (территорией с природой и ископаемыми), особой культурой (суммой знаний), историей (внутренним и внешним дискурсом) и суммой моделей самого себя и своих соседей. Оно может принимать решения, планировать их исполнение и добиваться его. Для этого созданы советы и парламенты, суды, полиция и армии, академии и разведки.

Важное явление исследовал финский философ Р. Туомела (хотя именно об этом писал и Дюркгейм). Это способность людей мыслить от себя и от своей группы, легко переключаясь между этими способами, которые он назвал «я-мышление» и «мы-мышление» (We-mode thinking и I-mode thinking) [Tuomela 2013, 5–9]. Человек говорит: «я думаю, я желаю», или «мы думаем, мы хотим», легко переключаясь от одного способа к другому. При этом «мы» могут быть разные: семья, фирма, деревня, религия (например: мы, католики) или целая страна. Такой способ мыслить встроен в человеческий мозг «на аппаратном уровне» и естественен для него как для социального существа.

Теория МЕТ решает старинную проблему яйца и курицы переходом от механистического мышления к диалектическому: и яйцо, и курица не являются неизменными вещами и не появляются в некий момент времени; они постепенно изменяются в ходе эволюции, проходя путь от икринки и рыбы, совершая диалектический переход.

Рассмотрим образование научного сообщества с точки зрения МЕТ, например, физику. Могли ли (до возникновения физики) какие-то физики собраться и решить создать физику? Или это были люди, которые занимались физикой, но не знали, как называется их занятие? Ньютон, например, никогда не называл себя «физиком», его важнейшая работа называлась «Математические начала натуральной философии». Многие историки науки относят возникновение физики к «Метафизике» Аристотеля; но в этой книге физика не выделяется из общей темы исследования природы; поэтому правильно говорить только о «зачатках» физики в работах античных ученых [Дорфман 2007, 14]. Таким образом, протофизики создают новый коллективный субъект, не замечая, что они делают. Исследование истории физики затруднено тем, что ретроспективный взгляд с трудом освобождается от полученного современным исследователем образования, из-за чего древние идеи интерпретируются в новых парадигмах.

Физика, формирующаяся как система взаимосвязанных идей, создавала нужные ей элементы из независимых прежде индивидов; но и индивиды создавали физику (заодно создавая тексты, инструменты и учебные пособия). Это становление, возникновение и развитие нового, его формирование, обогащение его содержания и усложнение. Мы видим здесь пример эволюции идеоматериальных систем [Сухарев 2023], где идеальное является частью системы, влияет на материальное; так потребности софтвера влияют на развитие хардвера, требования ИИ заставляют создавать нейροкомпьютеры, религия влияет на людей, на символы веры и архитектуру храмов. Храмы и микроскопы без религии и науки лишены смысла.

Посмотрим на науку как на холическую систему, которая обретает свои качества только при наличии нужных элементов и их правильном взаимодействии. Эйнштейн не мог сделать интерферометр Майкельсона; Майкельсон не мог создать теорию относительности. Ньютон не мог бы сам произвести все многолетние исследования движения планет

и Луны, сделанные множеством астрономов (Кеплер и Галилей суммировали эти наблюдения). Астрономы не смогли без Ньютона математически точно объяснить это движение. Чтобы система работала, нужны правильно соединенные элементы (включая элементы идеальные, например, теории). Однако целое – это не бессистемное нагромождение элементов, а новая сущность; если среди его функций есть познание, то это новый субъект, который больше, чем составляющие его элементы.

Коллективный субъект в цифровую эпоху

Каждый новый способ коммуникации изменяет КС, который его использует. Письменная коммуникация дала основу для того, чтобы возникли крупные государства, были сохранены и распространялись знания, фиксировалась история, развивалась наука. Если смотреть на цивилизацию как на КС, то письменность стала новой нервной системой этого субъекта, способом передачи сигналов в большом социальном организме, на много порядков превосходящим устное слово в дальности действия и устойчивости во времени.

На основе устной речи сказания и предания передавали из поколения в поколение технологии, народную мудрость, причем сказители их постоянно искажали. Письменность, а затем книгопечатание создали Большой Разум современного общества. Лабораторию невозможно представить без лабораторного журнала, в котором записаны результаты сотен экспериментов. Так и историческую науку невозможно представить без письменных источников, социологию без статистики и анкет...

В XX в. появился абсолютно новый вид коммуникации – сетевая и цифровая. Она может нести и речь, и письмо, и изображения, и видео. В отличие от письменной, информация может быть моментально передана от любого человека практически любому количеству других людей, потому что связь сетевая, адресная. Более того, это коммуникация активная, то есть может обрабатывать запросы (например, поиск информации) сама, без участия человека. Огромную роль в этом процессе играет развитие систем искусственного интеллекта, который еще долго не сможет заменить человеческий, но станет важным его помощником, частью гибридного КС. Конечно, новый способ коммуникации изменяет и сами КС – научные, культурные, социальные – и когнитивные процессы в коллективном субъекте.

Знание

Знание создается в комплексе сущностно разных процессов. Один из них – это исследование объектов реального мира. Здесь цифровые системы значительно расширяют возможности научных приборов, обеспечивая массовое и скоростное исследование различных процессов с сохранением результатов в виде массивов данных, удобных для дальнейшей обработки. Человек не может с такой скоростью воспринимать и записывать поступающие данные. В качестве примера можно привести оборудование коллайдера или космические телескопы. Второй важный процесс, но другого рода – это обсуждения и коммуникация в научных сообществах. Если раньше были необходимы письма, поездки, научные журналы, монографии, конференции, то теперь все больше обсуждений происходит в режиме онлайн, с практически неограниченным количеством участников. Кроме того, существуют репозитории научных сообщений³, профессиональные чаты и каналы

³ См., например, список репозиторий, созданных Отделением ГПНТБ СО РАН. (<https://prometeus.nsc.ru/sciguide/page02.ssi>).

письменного общения, в которых могут обсуждаться достаточно узкие темы (что редко возможно на конференциях).

Эти системы предлагают множество новых сервисов: поиск по ключевым словам и семантический поиск, создание тематических групп, подписку (фолловеры) на публикации определенного исследователя, личные блоги с возможностью задавать вопросы и комментировать, и многое другое.

Цифровые системы на порядок ускоряют поиск научной информации: сейчас нам доступны базы глобальных издательств и системы поиска для работы прямо из дома, не говоря о том, что раньше весь спектр издаваемых в мире журналов был доступен только в крупнейших библиотеках больших государств.

Коммуникация, дискурс, совместное творчество

При обсуждении научных проблем на переднем крае всегда формируются новые понятия, новый язык, и здесь можно использовать искусственный интеллект (ИИ), способный помогать в создании «онтологий» [Малышев 2020; Jindal 2020]. Когда группа исследователей обсуждает некую проблему, в ней спонтанно возникают новые термины, которые используют для обозначения объектов и процессов. Раньше становление терминологии занимало многие годы и даже века. Удаленные друг от друга группы могли очень долго не знать о существовании других и о найденных ими решениях. Сейчас эти обсуждения могут идти на форумах или чатах онлайн, при участии ученых из разных стран. ИИ при этом может замечать, что появляются новые слова или комбинации слов и, если частота употребления превышает некий порог и устойчива, обращать на это внимание сообщества, а также других сообществ со сходными интересами.

Возможен также анализ настроений в онлайн-группах с помощью ИИ, что важно для привлечения внимания к острым дискуссиям [Meškelė, Frasincar 2020; Samy 2018]. При этом используется гибридный интеллект с участием заинтересованных ученых: ИИ может работать на основе созданных вручную онтологий, когда люди исправляют ошибки ИИ.

В статье [Evans 2011] идет речь о том, что ученые-биологи сегодня уже не в состоянии прочитать все, что имеет отношение к их теме исследования, но новые инструменты анализа текста могут помочь им выявить темы и извлечь утверждения из книг и статей, помогая фильтровать поток информации. Как и научное мышление «в коридорах», информация, извлеченная из текста (даже если она точно зафиксирована), сложна, избыточна, иногда бессвязна и часто противоречива: она выражена в смеси лишь частично непротиворечивых онтологий. Цифровые системы дают возможность выявлять социальные связи и культурные установки в моделях рассуждений, а также то, как авторы и ресурсы объединяются вокруг исследовательских проблем в команды, сети, учреждения и регионы. Проекция социальных, географических и финансовых сетей на сеть опубликованных заявлений выявляет корреляции, общие повторения, вызванные обменом идеями или – в контексте этой статьи – дискурсом гибридного коллективного субъекта.

В работе [Lambiotte 2009] говорится о сообществах и сетях научного сотрудничества, поиске таких сообществ и их картировании. Развитие сетевых библиотек, эффективных поисковых систем и онлайн-библиографических баз данных (PubMed, Inspex и arXiv) позволяет проводить количественные исследования сетей научного сотрудничества на основе больших массивов научных статей с точными сведениями об авторах, темах статей (анализ ключевых слов), а также об отношениях между статьями (цитирование). Возникают новые перспективы и возможности для понимания того, как процесс научного произ-

водства организован и развивается в реальном времени, какова роль сообществ в создании знаний, возможность видеть движение знания в научных сообществах и создавать новые сети связей.

В статье «Социальные машины: философская инженерия» [Palermos 2017] говорится о «крупных взаимосвязанных группах людей, действующих так, как будто они имеют большой общий интуитивный мозг». Эти социальные машины «предоставят беспрецедентные возможности, потому что они позволят группам людей действовать так, как если бы они были частями (супер) мозга». Причем «когнитивная обработка может быть не просто распространена за пределы головы или организма агента, но даже может быть распределена между несколькими людьми вместе с их эпистемическими артефактами» (то есть, цифровыми системами). Автор, правда, не замечает, что научные сообщества вместе со своими библиотеками и журналами уже давно представляют собой такие социальные машины. Американский философ техники Л. Мамфорд писал о «мегамашинах», сделанных из людей и артефактов, еще в 1967 г. [Мамфорд 2001].

Наконец, группа авторов, работающих в парадигме МЕТ, пишет: «Информация, создаваемая неживыми компьютерными программами, настолько сложна, что никакие биологические организмы не могут подобным образом воспроизвести или вывести ее. Примерами генераторов темной информации являются: поисковые системы Интернета; глобальные климатические модели; биоинформатический анализ обширных наборов генетических данных; моделирование нейронных сетей; эволюционные модели генетических алгоритмов» [Robin 2021].

В России ряд ученых [Социогуманитарные... 2017] занимался проблемой коллективного субъекта стратегического управления, построенного именно как коллектив специалистов с поддержкой информационных систем. Эта работа была направлена на создание саморазвивающейся рефлексивно-активной среды, представляющей собой метасубъект, обладающий целеустремленностью, рефлексивностью, коммуникативностью, социальной и способностью к развитию. Такой субъект должен создаваться на основе естественного интеллекта (личности, группы и т.д.), искусственного интеллекта и интеграции естественного и искусственного интеллекта [Стратегическое ... 2018, 54].

Основные выводы

Коллективный субъект – это не метафора, а вполне реальная система нового интегративного структурного уровня [Крестьянский 1969], или метасистема [Турчин 2000, 47–48], система холическая (целостная), притом включающая подсистему идей, взаимодействующую с материальной подсистемой и управляющую ею (то есть идеоматериальная система) [Sukharev, Kozyreva 2019; Sukharev 2023]. КС должен включать подсистемы самовоспроизведения или должен быть включен во внешние системы воспроизводства таких субъектов (пример – государственная система образования).

КС вполне доступен для исследований, но только как система холическая, с учетом взаимодействия ее разнородных слоев – биологического (люди), искусственного (артефакты) и когнитивного (нематериального – знания, концепции, понятия, онтологии, модели и информация).

В настоящее время под воздействием новых цифровых систем коммуникации и обработки информации и манипулирования знаниями, создания цифровых моделей, баз знаний, развития цифровой среды существования научных и инженерных коллективных субъектов происходит глубокая перестройка социальных и экономических процессов на государственном и глобальном уровнях. Произойдет новая интенсификация инновацион-

ных процессов и рост производительности труда, сопровождающаяся глубокими социальными и экономическими изменениями. Основой дальнейшего ускоренного социально-экономического развития стран и цивилизаций будут коллективные человеко-машинные субъекты управления предприятиями, корпорациями, организациями, поселениями, регионами, государствами и даже цивилизациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Выготский Л.С. (2005) Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо. 1136 с.
Vygotskij L.S. (2005) *Psikhologiya Razvitiya Cheloveka* [Psychology of human development]. Moscow: Smysl Publ.; Jeksmo Publ. 1136 pp. (In Russ.)
- Громыко Ю.В. (2004) Сценарная паноплия: сценарий для России: русский путь: новая повестка дня для президента. М.: [б.и., ГП Псковская обл. тип.]. 398 с.
Gromyko Ju.V. (2004) *Sstenarnaya panopliya: scenarii dlya Rossii: russkii put': novaya povestka dnya dlya prezidenta* [Scenario panoply: a scenario for Russia: The Russian way: a new agenda for the president]. Pskov: Pskov Obl Typ Publ. 398 p. (In Russ.)
- Гумбольдт В. фон (2000) Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ Прогресс. 396 с.
Humboldt V. Von (2000) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. M.: Progress Publ. 396 p. (In Russ.)
- Гуревич Л.С. (2009) Ментальная визуализация абстрактных образов: когнитивные склейки // Вестник ИГЛУ. № 1 (5). С. 100–105.
Gurevich L.S. Mental visualization of abstract images: cognitive gluing. *Bulletin of IGLU*. no. 1 (5). pp. 100–105.
- Дюркгейм Э. (1990) О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука. 575 с.
Durkheim E. (1990) *O razdelenii obschestvennogo truda. Metod sociologii* [On the division of social labor. Method of sociology]. Moscow: Nauka Publ. 575 p. (In Russ.)
- Дорфман Я.Г. (2007) Всемирная история физики: С древнейших времен до конца XVIII века. М.: КомКнига. 352 с.
Dorfman Y.G. (2007) *Vsemirnaya istoriya fiziki: S drevnejshikh времен do kontsa XVIII veka* [World history of physics: From ancient times to the end of the XVIII century]. Moscow: KomKniga Publ. 352 p. (In Russ.)
- Касавин И.Т. (2016) Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Издательство ВестМир. 264 с.
Kasavin I.T. (2016) *Social'naya filosofiya nauki i kollektivnaya epistemologiya* [Social philosophy of science and collective epistemology]. Moscow: Ves' Mir Publ. 264 p. (In Russ.)
- Касавин И.Т. (2018) О поисках философской предметности в исследованиях науки // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография. Ред.: чл.-корр. РАН И.Т. Касавин, Н.Н. Воронина. Н. Новгород: Изд-во НГУ им. Н.И. Лобачевского. С. 406–413.
Kasavin I.T. (2018) O poiskakh filosofskoi predmetnosti v issledovaniyakh nauki [On the search for philosophical objectivity in the research of science]. In: Kasavin and N.N. Voronina (eds). *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya*. N. Novgorod: NNSU Publ. Pp. 406–413. (In Russ.)
- Князева Е.Н. (2020) Визуальные образы на службе когнитивной науки // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. Вып. 1 (23). С. 58–75. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-1-58-75>
- Knyazeva E.N. (2020) Visual images in the service of cognitive science. ПРАЭНМА. *Problemy Vizualnoy Semiotiki*. Issue 1 (23). Pp. 58–75. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-1-58-75>
- Кремянский В.И. (1969) Структурные уровни живой материи. Теоретические и методологические проблемы. М.: Наука. 300 с.

Kremyansky V.I. (1969) *Strukturnye urovni zhivoi materii. Teoreticheskie i Metodologicheskie Problemy* [Structural levels of living matter. Theoretical and methodological problems]. Moscow: Nauka Publ. 300 p. (In Russ.)

Кун Т. (1977) Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М.: Прогресс. 300 с.

Kuhn T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyucii. S vvodnoi state'i i dopolneniyami 1969 g.* [Structure of Scientific revolutions. With an introductory article and additions of 1969]. Moscow: Progress Publ. 300 p. (In Russ.)

Макаров М.Л. (2003) Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис». 280 с.

Makarov M.L. (2003) *Osnovy Teorii Diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow: Gnosis Publ. 280 c. (In Russ.)

Малышев Ю.М. (2020) К онтологии искусственного интеллекта // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. № 4(30). С. 46–59.

Malyshev Yu.M. (2020) To the ontology of artificial intelligence. *Filosofiya i Gumanitarnye Nauki v Informatsionnom Obshchestve*. vol. 4(30). pp. 46–59. (In Russ.)

Мамчур Е.А. (2018) Как анализировать социальные измерения знания? // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография. Ред.: чл.-корр. РАН И.Т. Касавин, Н.Н. Воронина. Н. Новгород: Изд-во НГУ им. Н.И. Лобачевского. С. 373–384.

Mamchur E.A. (2018) *Kak analizirovat' social'nye izmereniya znaniya?* [How to analyze the social dimensions of knowledge?]. In: *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya*. Kasavin and N.N. Voronina (eds). N. Novgorod: NNSU Publ. pp. 373–384. (In Russ.)

Мироненко И.А. (2010) Субъект и личность: о соотношении понятий // Методология и история психологии. № 5(1). С. 149–55.

Mironenko I.A. (2010) Subject and personality: on the correlation of concepts. *Metodologiya i istoriya psikhologii*. vol. 5(1). pp. 149–55. (In Russ.)

Потебня А.А. (1999) Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 291 с.

Potebnya A.A. (1999) *Polnoe sobranie trudov: Mysl'i yazyk* [Complete works: Thought and language]. Moscow: Labyrinth Publ. 291 p. (In Russ.)

Проненко Е.А. (2024). Конструкт «ментальные модели»: его сущность и использование в различных областях психологии // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология, 7(4), 92–100. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-4-92-100>

Pronenko E.A. (2024). The construct «mental models»: its essence and use in various fields of psychology. *Innovacionnaya nauka: psikhologiya, pedagogika, defektologiya*, 7(4), 92–100. <http://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-4-92-100>

Психология индивидуального и группового субъекта (2002) Ред.: А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова. М.: ПЕР СЭ. 368 с.

Psikhologiya individual'nogo i gruppovogo sub'yekta [Psychology of individual and group subject]. (2002) Brushlinsky A.V., Volovikova M.I. (eds.) Moscow. PER SE Publ. 368 p. (In Russ.)

Ричардсон Т.Э.Д. (2006) Мысленные образы: Когнитивный подход / Пер. с англ. М.: «Когито-Центр». 175 с.

Richardson T.E.D. (2006) *Myslennye obrazy: Kognitivnyi Podhod* / Per. s angl. [Mental Images: A Cognitive approach] М.: «Kogito-Centr». 175 p.

Рубинштейн С.Л. (2002) Основы общей психологии. СПб.: Питер. 720 с.

Rubinstein S.L. (2002) *Osnovy obshei psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter Publ. 720 pp. (In Russ.)

Рубинштейн С.Л. (2003) Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер. 512 с.

Rubinstein S.L. (2003) *Bytie i Soznanie. Chelovek i mir* [Being and Consciousness. Man and the world]. St. Petersburg: Piter Publ. 512 p. (In Russ.)

- Сорокин П.А. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. Мыслители XX века. Ред. Согомонов А.Ю. М.: Политиздат. 543 с.
- Sorokin P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. Mysliteli XX veka* [Man. Civilization. Society. Thinkers of the XX century]. Moscow: Politizdat Publ. 340 p. (In Russ.)
- Социогуманитарные аспекты ситуационных центров развития (2017) Ред.: В.Е. Лепский, А.Н. Райков. М.: Когито-Центр. 417 с.
- Sociogumanitarnye aspekty situatsionnykh centrov razvitiya* [Socio-humanitarian aspects of situational development centers]. (2017) V.E. Lepsky, A.N. Raikov (eds.). Moscow: Kogito-Center. 417 p. (In Russ.)
- Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития (2018) Ред.: В.Е. Лепский, А.Н. Райко. М.: Когито-Центр. 320 с.
- Strategicheskoe Tselepolaganie v situatsionnykh centrakh razvitiya* [Strategic goal setting in situational development centers] (2018) V.E. Lepsky, A.N. Raikov (eds.). Moscow: Kogito-Center. 320 p. (In Russ.)
- Сухарев М.В. (2023) Идеоматериальные полисистемы и политика // Политическая концептология. № 1, С. 15–33. <https://doi.org/10.18522/2949-0707.2023.1.1533>
- Sukharev M.V. (2023) Ideomaterial polysystems and politics. *Politicheskaja Conceptologiya*. no. 1, pp. 15–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2949-0707.2023.1.1533>
- Турчин В.Ф. (2000) Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е М.: ЭТС. 368 с.
- Turchin V.F. (2000) *Fenomen nauki: Kiberneticheskii podhod k evoljutsii* [The phenomenon of science: A Cybernetic approach to evolution]. Moscow: ETS Publ. 368 p. (In Russ.)
- Koch C. Jones A. (2016) Big Science, Team Science, and Open Science for Neuroscience. *Neuron*, vol. 92, no. 3, pp. 612–616. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2016.10.019>
- Johnson-Laird, P. N. (1980). Mental Models in Cognitive Science. *Cognitive Science*, 4(1), 71–115. https://doi.org/10.1207/s15516709cog0401_4
- Meškelė D., Frasincar F. (2020) ALDONAR: A hybrid solution for sentence-level aspect-based sentiment analysis using a lexicalized domain ontology and a regularized neural attention model. *Information Processing & Management*. vol. 57, no. 3. 102211.
- Nonacs P., Denton K.K., Robin A.N., Helanterä H., Kapheim K.M. (2022) Editorial: Social evolution and the what, when, why and how of the major evolutionary transitions in the history of life. *Front. Ecol. Evol.* 10:1109484.
- Robin A.N., Denton K.K., Lowell H., Dulay E.S., T. Ebrahimi S., Johnson G.C., Mai D., O’Fallon S., Philson C.S., Speck H.P., Zhang X.P., Nonacs P. (2021) Major Evolutionary Transitions and the Roles of Facilitation and Information in Ecosystem Transformations. *Front. Ecol. Evol.* 9:711556.
- da Silva J. (2021) Life History and the Transitions to Eusociality in the Hymenoptera. *Front. Ecol. Evol.* 9:727124.
- Smith M.J., Szathmáry E. (1999) *The Origins of Life: From the Birth of Life to the Origin of Language*. Oxford: Oxford University Press. 192 p.
- Smuts J.C. (1927) *Holism and Evolution*. London. MacMillan and Co. 398 p.
- Strauss D. (2006) Beyond the opposition of individual and society, Part 1: Acknowledging the constitutive social function of being an individual and ‘de-totalizing’ the idea of ‘society’. *South African Review of Sociology*, 37:2. pp. 143–164.
- Sukharev M.V., Kozyreva G.B. (2019) Ideomaterial Polysystems. *Indian Journal of Science and Technology*. vol. 12(4). <https://doi.org/10.17485/ijst/2019/v12i4/139222>
- Szathmáry E., Smith J. (1995) The major evolutionary transitions. *Nature*, vol. 374. pp. 227–232. <https://doi.org/10.1038/374227a0>
- Tuomela R. (2013) *Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents*. Oxford University Press.
- Van Dijk, T.A. (1998) *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. SAGE Publications, London.

West S. A., Fisher R. M., Gardner, A., Kiers E. T. (2015) Major evolutionary transitions in individuality. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. vol. 112(33). pp. 10112–10119.

Информация об авторе

Сухарев Михаил Валентинович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела комплексных исследований Карельского научного центра РАН. Адрес: 185030, Россия, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50. E-mail: suharev@narod.ru

About the author

Mikhail V. Sukharev, Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Department of Integrated Research of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Address: 185030, A. Nevsky Ave. 50, Petrozavodsk, Russian Federation. E-mail: suharev@narod.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 29.05.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 29.08.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.11.2024

УДК 325.14

DOI: 10.31857/S0869049924060041
EDN: JBYTAT

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ MIGRATION PROBLEMS

Оригинальная статья / Original article

Нелиберальная модель регулирования нелегальной трудовой иммиграции в странах Персидского залива

© Н.А. ЖЕРЛИЦЫНА

Жерлицына Наталья Александровна, Институт Африки РАН (Москва, Россия), ns_inafr@mail.ru.
ORCID:0000-0001-8647-9419

На основе документов и статистики миграции Исследовательского центра Персидского залива, Всемирного банка, ООН и Всемирной организации труда рассмотрен подход к регулированию нелегальной трудовой миграции в странах Персидского залива. Применены системный, институциональный и сравнительный методы, а также политологический анализ. Показано, что регион Персидского залива – крупнейший рынок труда мигрантов в истории и эпицентр миграции в направлении Юг–Юг. Все шесть богатых нефтяных государств Персидского залива имеют общие черты как миграционные рантье, которые создают особую – нелиберальную – модель регулирования нелегальной иммиграции. Ее отличает всеобъемлющее сегментированное отчуждение мигрантов. Государства поддерживают режим исключительного гражданства, практически не предоставляя мигрантам возможность натурализации. Сформулирован вывод, что правительства стран Персидского залива отказались от классической интеграционной стратегии по отношению к мигрантам. Современные реалии убеждают в актуальности нелиберального подхода к управлению миграцией в других регионах мира.

Ключевые слова: Персидский залив, миграция, трудовые права, дискриминация, диверсификация миграции, национализация рабочей силы

Цитирование: Жерлицына Н.А. (2024) Нелиберальная модель регулирования нелегальной трудовой иммиграции в странах Персидского залива // Общественные науки и современность. № 6. С. 57–67. DOI: 10.31857/S0869049924060041, EDN: JBYTAT

The Illiberal Model of Regulating Illegal Labor Immigration in the Persian Gulf States

© N.A. ZHERLITSINA

Natalia A. Zherlitsina, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
ns_inafr@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8647-9419

Abstract. Based on migration statistics and documents from the Gulf Research Center, the World Bank, the UN, and the World Labor Organization, the approach to regulating illegal labor migration in the Gulf countries is studied. Systemic, institutional, and comparative methods, as well as political science analysis, are used. It is shown that the Persian Gulf region is the largest migrant labor market in history and the epicenter of South–South migration. All six rich oil states of the Persian Gulf have common features as migration rentiers, which create a special – illiberal – model of regulating illegal immigration. It is distinguished by a comprehensive segmented alienation of migrants. States maintain a regime of exclusive citizenship, practically not providing migrants with the opportunity to naturalize. It is concluded that the governments of the Persian Gulf countries have abandoned the classical integration strategy in relation to migrants. Modern realities convince of the relevance of the illiberal approach to migration management in other regions of the world.

Keywords: Persian Gulf, migration, labor rights, discrimination, diversification of migration, nationalization of labor

Citation: Zherlitsina N.A. (2024) The Illiberal Model of Regulating Illegal Labor Immigration in the Persian Gulf States. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 57–67. DOI: 10.31857/S0869049924060041, EDN: JBYTAT (In Russ.)

Под эгидой международного либерализма миграция стала третьим столпом глобализации наряду с торговлей и финансами. В 1990-х гг., когда глобализация уже приобрела черты очевидной экономической реальности, сторонники либерального пути развития выдвинули гипотезу о том, что рост незаконной или нерегулируемой миграции стал одним из многих симптомов ослабления государственного суверенитета [Menz 2011, Milanovic 2016]. Они размышляли о том, как скоро возникнет всеобщий режим, при котором международные соглашения и конвенции, а также права, приобретенные мигрантами, постепенно заменят государства в контроле за иммиграцией. Доказывая, что нелегальные мигранты должны пользоваться рядом неотъемлемых прав, правозащитники в принимающих странах на Западе начали защищать эту растущую категорию приезжих. Однако два десятилетия спустя оптимизм сменился разочарованием. Нелегальная миграция распространилась за пределы промышленно развитого мира и в настоящее время характерна практически для всех стран – как развитых, так и развивающихся. Помимо внутренней политики, нелегальная миграция оказывает влияние и на международные отношения. Сегодня большинство правительств мира солидарны в том, что международная миграция порождает множество экономических и гуманитарных проблем, угроз безопасности для принимающих государств.

В современном мире сложилось несколько моделей отношения государств к миграции – от самых либеральных, таких, например, как в Канаде, до нелиберальных, как в странах Персидского залива, которые проводят жесткую политику в отношении иммигрантов, обозначенную как «современный эквивалент кабального рабства» [Adamson, Tsourapas 2020, 855].

Специфика миграции в странах Персидского залива

Миграция в странах Персидского залива возникла в контексте особого типа государства – государства, которое распределяет нефтяную ренту между гражданами в обмен на политическую лояльность, согласие с политикой свободной торговли и невмешательства в экономику. Особенно важно, что численность трудящихся-мигрантов может превышать здесь численность граждан. В богатых нефте- и газодобывающих странах Персидского залива – Бахрейне, Кувейте, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре и Омане – проживает самое большое количество (относительно численности местного населения) иностранцев в мире. Поскольку большинство иностранных работников приезжают из развивающихся стран, государства Персидского залива стали эпицентром миграции в направлении Юг–Юг [Маценко 2019, 24]. Страны Персидского залива – заветная цель для приезжих из крупных государств Южной Азии, таких как Индия, Пакистан, Бангладеш и Филиппины, а также с Арабского Востока – из Египта, Иордании, Ливана и Йемена. Иностранцы составляют 68% рабочей силы в странах Персидского залива и 40% общей численности населения в Бахрейне, Омане и Саудовской Аравии, до 80% в Катаре, Кувейте и ОАЭ. Численность иностранной рабочей силы колеблется в пределах от 70 до 90%, причем среди занятых неквалифицированным трудом (строительство, ручной труд) около 95% составляют иностранцы. Приезжие из Индии, Пакистана и Египта, как правило, работают в строительстве и других сферах приложения низкоквалифицированного труда, а иммигранты из Юго-Восточной Азии лидируют в сфере услуг. Так, в строительстве занято до 28% иммигрантов, в оптовой и розничной торговле около 16%, в сфере производства – более 12%. Доля иммигрантов среди домашней прислуги – 30%, например, в Кувейте около 60% приезжих женщин работают горничными¹.

Учитывая эти цифры, государства Персидского залива можно назвать «странами иммигрантов», где под влиянием массовых людских потоков из других регионов возникают новые социальные реалии. Речь идет о так называемых дуальных обществах [Fargues, Bel-Air 2015, 141], в которых граждане и неграждане экономически и юридически разделены. У граждан самый низкий в мире уровень экономического участия, они почти незаметны на рынке труда за пределами государственного сектора. Неграждане, напротив, имеют самый высокий в мире уровень экономического участия и заполняют почти все рабочие места в частном секторе.

Неграждане располагают лишь ограниченным доступом к основным правам, в том числе трудовым, зачастую они не имеют права привезти с собой семью. Возможности получить гражданство через натурализацию крайне ограничены, а в некоторых странах залива вообще отсутствуют. Более того, в соответствии с местными законами дети мигрантов, родившиеся и выросшие в странах Персидского залива, остаются негражданами [Gibney 2009, 53]. Учитывая численность приезжих относительно местного населения, власти государств Залива рассматривают предоставление мигрантам гражданства как тройную угрозу. Во-первых, это угроза культурной самобытности, ведь мигранты привносят в общество чуждые ценности. Во-вторых, это риск нарушения социальной сплоченности, так как именно мигранты составляют местный рабочий класс с его потенциалом политического протеста. В-третьих, это угроза социальному благополучию местного сообщества, поскольку в случае натурализации переселенцы могли бы претендовать на социальные пособия от государства. Поэтому в странах Персидского залива никогда не ставили задачу интегрировать мигрантов, напротив, постоянная цель местных прави-

¹ Gulf Labour Markets, Migration, and Population. 2022. (<https://gulfmigration.grc.net/>).

тельств в течение последней четверти века – сокращение их численности. До сих пор эта цель не достигнута, и доля неграждан во всех шести государствах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) только растет.

Изучение процессов миграции в странах Персидского залива осложнено тем, что иностранцев в этом регионе называют «иностранными рабочими» или «экспатриантами», а не «иммигрантами». Это обозначение предполагает ограниченное время пребывания в «транзитных государствах» Персидского залива. Действительно, у мигрантов мало перспектив для формальной интеграции в этих странах из-за дискриминационных режимов гражданства в сочетании с политикой и практикой исключения [Jamal 2015, 627–629]. Государства залива, как и другие страны Ближнего Востока, не являются участниками Женевской конвенции 1951 г., которая обеспечивает защиту законным беженцам и вынужденным переселенцам. В результате палестинцы с 1949 г., эритрейцы в 1980-х гг., иракцы после 2003 г. и сирийцы с 2011 г. переезжали в страны Персидского залива, оставаясь без должной правовой защиты.

Истоки миграции и ее трансформация в XX в.

На протяжении всей своей истории благодаря стратегическому положению на перекрестке торговых и морских путей регион Персидского залива был привлекательным для переселенцев. Портовые города Манама, Кувейт и Дубай притягивали моряков и купцов с противоположной стороны Индийского океана задолго до открытия месторождений нефти. В XIX в. мигранты из Индии, Ирана и других стран Востока стекались в прибрежные города залива для торговли и добычи жемчуга. После обнаружения нефти в 1930-х гг. экономические мигранты стали составлять значительную долю городского населения портовых городов: иностранная рабочая сила была востребована в добыче нефти, на производстве и в строительстве [The Persian Gulf 2014, 259–267].

Коренные социальные, экономические и политические сдвиги в регионе начались в 1960-х и 1970-х гг. благодаря нефтяному буму, росту доходов от нефти и запуску крупномасштабных инфраструктурных проектов, которые требовали рабочей силы, превышавшей местные возможности. Численность рабочих-экспатриантов начала расти. В 1950-х и 1960-х гг. трудовые мигранты в странах Персидского залива были преимущественно арабами, но с 1970-х гг. предпочтение стали отдавать приезжим из азиатских стран. Доля арабов в рабочей силе стран Персидского залива сократилась с 72% в 1975 г. до 32% в начале 2000-х гг. [Kapiszewski 2006, 9]. Поворот к индийским, пакистанским и бангладешским работникам был обусловлен тем фактом, что нанимать азиатов дешевле, их легче увольнять и, как считалось, ими легче управлять. Не менее важно, что выходцы из азиатских стран представляют меньшую политическую угрозу для монарших династий стран залива, в то время как арабы традиционно политически активны и вовлечены во внутриарабские и региональные конфликты. Были введены более жесткие ограничения на палестинскую рабочую силу, многочисленные палестинские и йеменские мигранты были высланы из Саудовской Аравии, где доля арабов в иностранном населении сократилась с 91% в 1975 г. до 33% в 2004 г. [Kapiszewski 2006, 8]. В отличие от арабов, азиатские рабочие далеки от политики, в немалой степени из-за языковых барьеров. Они политически бесправны, их легче отделить от местного населения и заменять каждые несколько лет, что снижает политические угрозы.

К началу 1980-х гг. регион Персидского залива стал крупнейшим рынком труда мигрантов в истории. Это было связано со значительным скачком спроса на нефть в связи с модернизацией экономики развитых стран: цена на арабскую нефть возросла с 1970 по

1979 г. в 11 раз. В 1985 г. общая численность рабочей силы в странах Персидского залива составляла 7,1 млн человек, из которых 5,5 млн были иностранцами [Birks, Seccombe, Sinclair 1988, 267]. Политический кризис 1991 г. – война в Персидском заливе – способствовал ужесточению государственной политики в отношении миграции из-за опасений проникновения нелояльных элементов и последующей внутренней дестабилизации. Правительства стран Персидского залива начали строже контролировать фирмы, рекрутинговые агентства и других участников рынка труда [Van Hear 1993, 68]. Такой «суверенный поворот» привел к введению более жестких норм и законов, регулирующих миграцию в регионе. Эта тенденция стала еще более явной после революционной волны «Арабской весны», начавшейся в 2011 г. Миграционную политику стран ССАГПЗ переориентировали на диверсификацию импорта рабочей силы, чтобы уменьшить зависимость от направляющих стран и снизить риск формирования крупных и политически активных иностранных сообществ. В 2013 г. власти Саудовской Аравии, реагируя на революцию и гражданскую войну в соседнем Йемене, выслали 600 тыс. нелегальных иммигрантов-йеменцев [Tsourapas 2018, 386].

Стратегия диверсификации импорта рабочей силы была эффективной лишь отчасти, поскольку невозможно в короткие сроки полностью избавиться от нелегальных иммигрантов. В конце концов эти попытки привели к новой поляризации миграционных систем стран Персидского залива: Южная и Юго-Восточная Азия превратились в основной источник иммигрантов в регионе, начали возникать новые отраслевые зависимости для низкоквалифицированных и высококвалифицированных рабочих мест [Gardner 2008, 69]. В 2015 г. индийцы стали крупнейшим сообществом экспатриантов в ОАЭ и Катаре. Миграционный бум из Азии привел к тому, что пакистанские таксисты заменили египтян и иракцев, в большом количестве прибывали индийские специалисты по компьютерным технологиям, филиппинские медсестры пришли на место австралийских, горничные приезжали из Индонезии, а не из Эритреи или Эфиопии, а строительный сектор заполнили китайские компании [Мелкумян 2020, 48]. В странах, входящих в Совет сотрудничества стран Персидского залива, проживает около 30 млн мигрантов, которые составляют основу экономики стран региона. По оценкам программы «Рынки труда и миграция Персидского залива», потребность в мигрантах, особенно в частном секторе, чрезвычайно высока и сохранится в ближайшие годы.

Миграционная взаимозависимость монархий Персидского залива и азиатских стран исхода привела как к усилению многостороннего сотрудничества, так и к дипломатической напряженности. Диалог в Абу-Даби, начатый в 2008 г. с целью улучшить управление трудовой миграцией в коридоре Азия – Персидский залив, был организован под эгидой Международной организации по миграции и Международной организации труда². Международные НПО все активнее настаивают на принятии законодательных норм о правах мигрантов. Конфликты между отправляющими и принимающими странами участились, во многих случаях они связаны с переговорами об установлении минимальной заработной платы для иностранцев в государствах Персидского залива. Уровень заработной платы мигрантов – ключевая переменная, которая определяет объем денежных переводов, отправляемых в страны происхождения, многие из которых в значительной степени зависят от поступлений из-за рубежа. В 2000-х гг. страны Персидского залива стали крупнейшим источником денежных переводов в Индию, Пакистан, Бангладеш и на Филиппины. Из общей суммы денежных переводов в эти страны в размере 98 млрд долл. США 72 млрд

² Abu Dhabi Dialogue on Contractual Labour for Cooperation between Countries of Origin and Destination in Asia. 28 January 2008. (https://www.ilo.org/global/topics/forced-labour/news/WCMS_090660/lang--en/index.htm).

поступили из стран Персидского залива³. Азиатские государства стремятся обеспечить каналы эмиграции и денежные поступления, но также обеспокоены безопасностью своих граждан. Они неоднократно прибегали к так называемым миграционным запретам против монархий Персидского залива, чтобы заявить о недопустимости жестокого обращения с иностранными работниками и оказать давление на принимающую сторону с целью улучшить условия их труда и повысить заработную плату. Так, в 2011 г. Индонезия выразила протест против жестокого убийства индонезийской горничной, объявив о запрете на эмиграцию в Саудовскую Аравию женщин, работающих домашней прислугой. Правительство Саудовской Аравии ответило запретом на всю трудовую миграцию из Индонезии. Аналогичные кампании развернули Филиппины – против Саудовской Аравии в 2012 г. и Кувейта в 2016 г. Непал запретил миграцию женщин в страны Персидского залива (2012 г.), а правительство Индии – эмиграцию работниц моложе тридцати лет. Как правило, после подобных демаршей приступают к двусторонним переговорам с целью защитить гражданские и трудовые права мигрантов. В ходе переговоров между Кувейтом и Филиппинами после убийства филиппинской горничной в 2016 г. кувейтский парламент пошел на уступки и установил минимальную заработную плату для филиппинских горничных [*South Asian Migration* 2016, 54].

Управление миграцией через государственные и социальные институты

Управляют миграцией в странах Персидского залива различные частные и государственные учреждения. С одной стороны, государственная политика и государственные органы исторически определяли правовой контекст, препятствуя натурализации и интеграции приезжих, а в последнее время они еще и стремятся контролировать рынок труда путем национализации ключевых отраслей промышленности или фирм. С 1990-х гг. к мигрантам применяют ограничительные правовые меры и методы принуждения, такие как массовая депортация. С другой стороны, частные субъекты миграционной сферы, местные рынки труда и посредники формируют сильно сегментированные рынки труда и устанавливают иерархию между мигрантами и гражданами, а также между группами мигрантов. В странах Персидского залива эти меры создают прочные границы как между местными жителями, так и между иностранцами, поскольку они подкреплены государственной политикой.

Однако миграционное управление в Персидском заливе не исчерпывается дихотомией частного и государственного. На фоне авторитарного монархического правления важную роль играют сети покровительства, которыми управляют как этнические кланы (племена и расширенные семьи), так и торговые компании [*Joppke* 2017, 391]. Правящие элиты поддерживают свою власть благодаря государственной политике. Последняя включает освобождение от налогов и меры социального обеспечения в сочетании с идеологическим и религиозным контролем и периодическими репрессиями. Реформы, начатые в 1990-х гг., формально вовлекли государство в управление миграцией посредством полицейской практики, которая усиливает дискриминацию мигрантов, а также противоречия между различными их группами. Эти политические изменения иллюстрируют действие нелиберальных подходов в отношении миграции.

Надо сказать, что государства Персидского залива имеют общие черты как миграционные рантье, и на этой основе возникает модель управления миграцией в этом регионе. Пер-

³ Migration in the Gulf: Balancing cultural and economic needs. WorldBank. 2022. (<https://www.worldbank.org/en/search?q=migration+Gulf+¤tTab=1>).

вая общая черта – всеобъемлющее дифференцированное (сегментированное) отчуждение приезжих. Государства поддерживают режим исключительного гражданства, практически не допуская натурализацию неграждан. Мигрантов формально и неформально ущемляют при жилищном регулировании и с точки зрения доступа к программам социального обеспечения и государственным услугам. В результате их превращают в «исключенные предметы первой необходимости» [*The Global Color Line* 1999, 226], их эксплуатируют как работников, они полезны как потребители, но на них не распространена политика государства-рантье.

Вторая характерная черта отношения стран Персидского залива к миграции – парадоксальная космополитическая динамика в условиях исключения. Этнически разнообразные общины иностранцев проживают в регионе десятилетиями, формируют среду и социальные отношения в городах Персидского залива, но при этом отчуждены от граждан принимающих стран.

Третья общая черта модели миграционной политики региона – использование не только государственных мер, но и социальных институтов, регулирующих рынок труда, формирующих жизнь, практику и культуру иммигрантов. Один из наиболее характерных – система спонсорства, по-арабски кафала. Это центральный институт управления миграцией в Персидском заливе. Несмотря на некоторые различия в законодательствах стран региона, основные элементы схожи: иностранные граждане должны иметь местных спонсоров для получения вида на жительство и разрешения на работу. Спонсоры выступают в качестве гаранта и единственного работодателя. Система спонсорства стала общепринятой к концу 1960-х гг., в 1975 г. она была окончательно кодифицирована в поправке к Закону о проживании иностранцев. К 1980-м гг. все иностранцы, происходящие из государств, не входящих в ССАГПЗ, должны были находиться под опекой частного гражданина или частного или государственного учреждения. Система спонсорства задумывалась для того, чтобы численность приезжих работников не превышала количество рабочих мест, а также чтобы гарантировать, что мигранты лично связаны с национальным спонсором и останутся в стране только до тех пор, пока они работают [*Longva* 1999, 21].

Систему кафала можно описать как способ, с помощью которого государство делегирует гражданам контроль за миграцией. Иностранные предприниматели, сами спонсируемые местными жителями, могут быть спонсорами соотечественников или других иностранных граждан. С 1980-х гг. кафала эволюционировала: если прежде ее в основном контролировали отдельные работодатели, то теперь она в значительной мере связана с крупными рекрутинговыми компаниями. Это ослабило социальную солидарность, которую создавала система, и открыло простор для массовой эксплуатации [*Lori* 2012, 16]. Кафала работает как институт, нацеленный на получение ренты в политиях нефтяных рантье, что приводит к возникновению «миграционных рантье», поскольку граждане и национальная экономика поддерживают благосостояние за счет мигрантов. Эта система стала инструментом демонстрации политического превосходства граждан – численного меньшинства в большинстве стран ССАГПЗ – над иностранцами.

Систему кафалы постоянно критикуют специалисты и правозащитники, утверждая, что она противоречит основным принципам рыночной экономики, поскольку препятствует двум фундаментальным требованиям – свободной мобильности рабочей силы и свободному предпринимательству. Спонсорство создает рынок труда, который никак нельзя назвать свободным: трудящиеся-мигранты связаны с работодателями условиями пребывания в стране, которое обычно длится два года. Это способствует глубокому неравенству между работником и работодателем. В страны Персидского залива большинство мигрантов попадает легальным путем, однако стесняющие условия работы на спонсора

вынуждают их нарушать закон и становиться нелегалами [Neha Vora 2013, 64]. Работники-мигранты практически не прибегают к какой-либо защите закона. Любая жалоба на жестокое обращение со стороны работодателя или вербовщика может привести к высылке, поэтому большинство тех, кто не имеет документов, избегают контактов с государством. Рост доли нелегальных мигрантов среди приезжих во многих странах удобен для капитала, он четко коррелирует с тенденцией отхода от стабильности к гибкости в трудовых отношениях. Нелегалы максимально мобильны, лишены каких-либо социальных льгот и представляют собой «одноразовый актив».

Одна из основных практик, лежащих в основе нелегальной миграции, – продажа виз спонсорами стран Персидского залива потенциальным мигрантам, которых они не собираются трудоустроить. Эта практика широко известна как «торговля визами». Спрос на рабочие визы среди жителей направляющих стран превышает их доступное предложение. Граждане или организации, торгующие рабочими визами, привозят иностранцев в страну и спонсируют их, но не нанимают, т.е. мигранты «свободны» в поиске и смене работы при условии, что они продолжают платить взнос спонсору. Бесплатными визами легально торгуют кадровые агентства как в странах происхождения, так и в принимающих странах, но как только покупатель визы решит сменить работу, ему или ей может грозить депортация. Правовой статус владельца свободной визы – это серая зона, где правят принуждение и властные отношения [Rahman 2010]. Трудовые нормы и законы, принятые для усиления контроля над трудящимися-мигрантами и нацеленные на неформальные практики, парадоксальным образом породили нарушения. Так, жесткость системы кафала создала стимулы для ухода от контроля и повысила привлекательность «свободного работника». На незаконном или полузаконном рынке труда это обеспечивает гибкость и снижает затраты на трудоустройство как для работников, так и для работодателей. В последние годы нелегальные иммигранты в каждой стране ССАГПЗ составляли по меньшей мере 10% от общей численности населения или 15% от общей численности работников, причем, по имеющимся данным, в Саудовской Аравии их насчитывается почти 700 тыс. человек.

Правозащитники критикуют кафалу как механизм эксплуатации мигрантов, форму квазирабства или как систему, позволяющую извлекать финансовую ренту из труда мигрантов. Однако звучит и критика «справа» – в связи с ослаблением государственного контроля над иммигрантами, а не за его усиление. Все это возможно потому, что регулирование трудовых отношений государство делегировало социальным посредникам.

Правительства стран Персидского залива предприняли попытку реформировать систему кафала еще в 1990-х гг., но реформы не имели большого успеха, поскольку встретили сильное сопротивление со стороны граждан и бизнес-сектора, в частности в Катаре и Бахрейне. Эти участники рынка выигрывают в финансовом и социальном плане при системе, которая удерживает иностранцев в положении зависимости, не теряя доходы и привилегированное положение.

Перспективы решения проблемы миграции в регионе

Правительства стран Персидского залива видят решение проблемы миграции в замене иностранных работников в среднесрочной и долгосрочной перспективе. С 2011 г. Саудовская Аравия ввела программы по сокращению численности экспатриантов в частных фирмах и предоставлению субсидий на заработную плату для собственных граждан в частных компаниях [Lori 2011, 329]. В ОАЭ граждане, работающие в частных компаниях, по закону имеют право на те же пособия по социальному обеспечению, что и государ-

ственные служащие, кроме того, они получают дополнительные пособия. Правительства стран Персидского залива увеличили налоги на иностранную рабочую силу, повысив плату за вид на жительство и ужесточив получение разрешения на работу для иностранцев. На компании, которые не выполняют требования о национализации своего персонала, налагают штрафы. Политика в области заработной платы сочетает экономические стимулы с финансовыми и правовыми ограничениями. В Саудовской Аравии, например, правительство путем государственных субсидий повышает заработную плату гражданам, чтобы снизить экономическую мотивацию компаний нанимать более дешевых иностранных работников. Эта тактика не привела к полному замещению иммигрантов в частном секторе, но принесла политические выгоды, ослабив протестный потенциал граждан во время «Арабской весны».

Что касается признания трудовых прав мигрантов, то под международным давлением в сочетании с желанием государств ССАГПЗ повысить свои доходы на глобальном рынке был принят ряд соответствующих мер: ограничена максимальная продолжительность рабочего времени, введено обязательное страхование работников, ограничена плата за найм, а кое-где установлена минимальная заработная плата. В то же время эти реформы институционализировали неравенство, исключив почти 3,5 млн домашних работников из сферы действия трудового законодательства. Этот правовой пробел в сочетании с полномочиями, предоставленными работодателям и спонсорам домашнего труда, создал правовую и материальную основу для эксплуатации. Задержка, неуплата или недоплата оговоренного вознаграждения за труд, удержание паспортов в принудительных целях, отсутствие социального страхования и доступа к медицинскому обслуживанию – частые случаи нарушения прав низкоквалифицированных работников-мигрантов.

* * *

Глобальный миграционный кризис 2015 г. имел своим следствием возрастающее неприятие миграции правительствами разных стран и общественным мнением. Вследствие возросших трудностей с получением виз и продлением истекающих разрешений на пребывание нелегальная миграция стала одной из главных проблем глобальной повестки дня. Обнаружение, задержание и депортация нелегальных мигрантов – обычная практика в государствах Персидского залива. Модель регулирования нелегальной трудовой иммиграции в этом регионе кажется основанной на чрезвычайно специфических социально-экономических и политических условиях монархий-рантье, но реалии современного мира говорят об актуальности нелиберального подхода к управлению миграцией. Эту модель отличает всеобъемлющее сегментированное отчуждение мигрантов, отсутствие возможности натурализации, использование социальных институтов для регулирования приема иностранцев.

Некоторые из этих подходов востребованы либеральными демократиями в Европе и Северной Америке, поскольку разрыв между предпочтениями бизнеса и правительства или между общественным мнением и жесткой миграционной политикой сокращается, что приводит к сближению антииммигрантской политики и практики.

Подход, практикуемый ССАГПЗ в отношении трудящихся-мигрантов, преследует противоречивые цели: с одной стороны, привлечь больше местных жителей на работу в частный сектор, с другой стороны, улучшить условия труда и жизни мигрантов. Правительства стран Персидского залива не приняли модель интеграции мигрантов в условиях открытых рынков, в соответствии с которой часть вновь прибывших и их дети постепенно становятся полноправными членами принимающего общества. В настоящее время в реги-

оне поставлена цель сократить зависимость от трудящихся-мигрантов путем национализации рабочей силы. Такие меры, как полная занятость граждан, в том числе в частном секторе, налогообложение доходов и изменение системы кафалы в будущем должны привести к сдвигу в политической культуре стран Персидского залива – от государства-рантье к производительной модели.

Поощрение двустороннего подхода к управлению миграцией и более тесное сотрудничество между государствами Персидского залива и странами происхождения трудящихся-мигрантов в вопросах, связанных с миграцией и занятостью, могли бы способствовать сдерживанию нелегальной миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Маценко И.Б. (2019) Трудовой потенциал в Африке: состояние и перспективы развития // Ученые записки Института Африки РАН. № 3 (48). С. 18–29.

Matsenko I.B. (2019) Labor potential in Africa: the state and prospects of development. Scientific notes of the Institute for African Studies of the RAS, no. 3 (48), pp. 18–29. (In Russ.)

Мелкумян Е.С. (2020) Султанат Оман – КНР: стратегическое партнерство // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 46–50.

Melkumyan E.S. (2020) Sultanate of Oman – China: Strategic partnership. *Asia and Africa today*, no. 12, pp. 46–50. (In Russ.)

Adamson F., Tsourapas G. (2020) The Migration State in the Global South: Nationalizing, Developmental, and Neoliberal Models of Migration Management. *International Migration Review*, no. 53 (3), pp. 853–882.

Birks J.S., Seccombe I.J., Sinclair C.A. (1988) Labour Migration in the Arab Gulf States: Patterns, Trends and Prospects. *International Migration*, no. 26 (3), pp. 267–286.

Fargues Ph., Bel-Air F. (2015) *Migration to the Gulf States: The Political Economy of Exceptionalism. Global Migration: Old Assumptions, New Dynamics*. Ed. by Arcarazo D.A. and Wiesbrock A. Santa Barbara, CA: Praeger. Pp. 139–166.

Gardner A.M. (2008) Strategic Transnationalism: The Indian Diasporic Elite in Contemporary Bahrain. *City and Society*, no. 20 (1), pp. 54–78.

Gibney M. (2009) Statelessness and the Right to Citizenship. *Forced Migration Review*, no. 32, pp. 50–51.

Jamal M.A. (2015) The «Tiering» of Citizenship and Residency and the «Hierarchization» of Migrant Communities: The United Arab Emirates in Historical Context. *International Migration Review*, no. 49 (3), pp. 601–632.

Joppke Ch. (2017) *Citizenship in Immigration States. The Oxford Handbook of Citizenship*. Ed. by Shachar A., Baubock R., Bloemraad I., Vink M. Oxford: Oxford University Press. Pp. 385–406.

Kapiszewski A. (2006) *Arab versus Asian Migrant Workers in the GCC Countries*. Beirut: United Nations Secretariat. 25 p.

Longva A.N. (1999) Keeping Migrant Workers in Check: The Kafala System in the Gulf. *Middle East Report*, no. 211, pp. 20–22.

Lori N. (2011) National Security and the Management of Migrant Labor: A Case Study of the United Arab Emirates. *Asian and Pacific Migration Journal*, no. 20 (3–4), pp. 315–337.

Lori N. (2012) *Temporary Migrants or Permanent Residents?* The Kafala System and Contestations over Residency in the Arab Gulf States. Center for Migrations and Citizenship. Institut Francais des Relations Internationales. November. 20 p.

- Menz G. (2011) Neo-Liberalism, Privatization and the Outsourcing of Migration Management: A Five-Country Comparison. *Competition and Change*, no. 15 (2), pp. 116–135.
- Milanovic B. (2016) *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 320 p.
- Neha Vora. (2013) *Impossible Citizens: Dubai's Indian Diaspora*. Durham, NC, and London: Duke University Press. 264 p.
- Rahman A. (2010) *Migration and Human Rights in the Gulf. Migration and the Gulf*. February, 16–18. Washington, DC: Middle East Institute. 2 February.
<https://www.mei.edu/publications/migration-and-human-rights-gulf>
- South Asian Migration to Gulf Countries. History, Policies, Development*. (2016) Ed. by Prakash Jain C., Ginu Z.O. Routledge, India. 328 p.
- The Global Color Line: Racial and Ethnic Inequality and Struggle from a Global Perspective. Research in Politics and Society*. (1999) Ed. by Batur-Vanderlippe P. Greenwich, CT: JAI Press. 408 p.
- The Persian Gulf in Modern Times*. (2014) Ed. by L. Potter. New York: Palgrave MacMillan. 393 p.
- Tsourapas G. (2018) Labor Migrants as Political Leverage: Migration Interdependence and Coercion in the Mediterranean. *International Studies Quarterly*, no. 62 (2), pp. 383–395.
- Van Hear N. (1993) *Mass Flight in the Middle East: Involuntary Migration and the Gulf Conflict, 1990–1991. Geography and Refugees: Patterns and Processes of Change*. Ed. by Black R., Robinson V. London: Belhaven. Pp. 64–84.

Информация об авторе

Жерлицына Наталья Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. Адрес: 123001, Россия, Москва, Спиридоновка ул., д. 30/1. E-mail: ns_inafr@mail.ru

About the author

Natalia A. Zherlitsina, Doctor of Sciences (History), Leading Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Address: 123001, 30/1 Spiridonovka st., Moscow, Russian Federation. E-mail: ns_inafr@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 25.04.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 21.09.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.12.2024

УДК: 314.8, 314.7, 339.97

DOI: 10.31857/S0869049924060055
EDN: JBLIYW

Оригинальная статья / Original article

Депопуляция стран Балтии в условиях европейской интеграции¹

© Н.Б. КОНДРАТЬЕВА

Кондратьева Наталия Борисовна, Институт Европы РАН (Москва, Россия), nkondratieva@inbox.ru.
ORCID: 0000-0002-8801-3126

В странах зарубежной Прибалтики, ставших донорами трудовых ресурсов для благополучных стран Европейского союза, происходит депопуляция. Показано существенное и стабильное сокращение населения Латвии, Литвы и Эстонии с конца 1980-х гг. и до сегодняшних дней в сравнении с другими догоняющими странами ЕС. Невнимание к проблеме депопуляции догоняющих стран следует трактовать как крупный просчет наднационального уровня власти ЕС и испытание для основополагающего принципа европейской интеграции – свободы передвижения людей. В числе причин устойчивости отставания в развитии стран периферии от стран ядра ЕС предлагается рассматривать существенное снижение благосостояния, вызванное депопуляцией. Отсюда вытекают причины неспособности ЕС справиться с задачей сгладить территориальные диспропорции; стимулирование экономического роста догоняющих стран требует более значительного притока капиталов и трансфертов из бюджета ЕС, так как часть их направляют на компенсацию потерь от оттока населения. Особое внимание уделено дискуссии на национальном и наднациональном уровнях о перспективах ЕС. В ней намечился поворот к постановке задач демографического перехода, который имеет основание стать еще одной движущей силой трансформации ЕС наряду с зеленым и цифровым переходом.

Ключевые слова: депопуляция, страны Балтии, Европейский союз, свобода передвижения людей, европейская интеграция, территориальные диспропорции, демографический переход, Балтийско-Скандинавский макрорегион

Цитирование: Кондратьева Н.Б. (2024) Депопуляция стран Балтии в условиях европейской интеграции // Общественные науки и современность. № 6. С. 68–82. DOI: 10.31857/S0869049924060055, EDN: JBLIYW

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

Funding. The work has been carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Research topic No. FMZS-2024-0013 “Systemic Analysis of economic and political risks and opportunities of the Baltic-Scandinavian macroregion”).

Depopulation of the Baltic States in the Context of European Integration

© N. KONDRATIEVA

Natalia B. Kondratieva, Institute of Europe RAS (Moscow, Russia), nkondratieva@inbox.ru. ORCID: 0000-0002-8801-3126

Abstract. The Baltic countries, which have become donors of labor resources for the prosperous countries of the European Union, are experiencing the phenomenon of depopulation. It shows a significant and a stable decrease in the population of Latvia, Lithuania and Estonia from the late 1980s to the present day in comparison with other catching-up EU countries. The inattention to the depopulation problem of catching-up countries is interpreted as a major miscalculation of the supranational level of EU power and a test for the fundamental principle of European integration – freedom of movement of people. It is proposed to consider the loss of well-being caused by depopulation among the reasons for the steady lag in the development of the peripheral countries as compared to the core countries of the EU. Brussels is not coping with the task of smoothing territorial imbalances; stimulating the economic growth of catching-up countries requires a more significant inflow of capital and transfers from the EU Budget; part of them goes to compensate for losses from population outflow. Special attention is paid to the discussion at the national and supranational levels on the prospects of the EU. It has outlined a turn towards setting goals for demographic transition, which, taking into account depopulation, has reason to become another driving force for the transformation of the EU, along with the green and digital transition.

Keywords: depopulation, Baltic states, European Union, freedom of movement of people, European integration, territorial imbalances, demographic transition, Baltic-Scandinavian macroregion

Citation: Kondratieva N.B. (2024) Depopulation of the Baltic States in the Context of European Integration. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no 6, pp. 68–82. DOI: 10.31857/S0869049924060055, EDN: JBLYYW (In Russ.)

Свободное передвижение работников – один из основополагающих принципов Европейского союза (ЕС) – было включено в интеграционный проект сразу с подписания Римских договоров 1957 г., учредивших Европейские сообщества. С тех пор так называемые мобильные граждане, то есть внутренние мигранты, востребованы на грязных, опасных и рутинных работах в секторах сельского хозяйства, строительства, добывающей и первичной обрабатывающей промышленности, транспорта, сфере обслуживания (тогда были заложены ростки депопуляции юга Италии).

Теория интеграции утверждала, что свобода передвижения приведет к устранению территориальных деформаций рынка труда, и призвала облегчать людям перемещение из стран, где нет работы, в страны, где есть нехватка рабочей силы. Отсюда в европейстике большой пласт научных исследований посвящен мерам, которые бы исключили дискриминацию мигрантов по признаку гражданства [Schmidt, Blauburger, Martinsen, 2018]. Практики же занимались в основном решением проблем «государства всеобщего благосостояния», которому грозило увеличение социальных расходов. В частности, право на свободный въезд и проживание во всех странах ЕС изначально было дано работникам государств-членов, но не населению в целом (поскольку трудящиеся способны сами себя содержать и не быть обузой принимающим странам). К 1990 гг. благодаря многочисленным решениям Суда ЕС право на свободный въезд распространилось на неработающих граждан и постоянных жителей. По Шенгенским соглашениям (1985 и 1990 гг.) упразднены проверки паспортов на внутренних границах и введены единые правила на внеш-

ней границе ЕС. Были учреждены финансовые, правовые и технические меры содействия мобильности. Так, более 35 лет действует программа студенческой мобильности Erasmus, 30 лет – европейская служба занятости EURES, предоставляющая доступ к огромному списку вакансий и обширному набору резюме мобильных работников; почти 20 лет применяется правовая норма о мобильности пенсий; наконец, пять лет назад ЕС определил права командированных работников.

Однако, феномен депопуляции государств-поставщиков людских ресурсов подвергает свободу передвижения серьезному испытанию. Интеграционная теория, по-видимому, упустила из виду проблему депопуляции, отсюда практика регулирования единого внутреннего рынка ЕС до настоящего времени бессильна найти ответ.

Цель исследования – отталкиваясь от показателей депопуляции в странах Прибалтики в условиях их членства в ЕС, осмыслить феномен как одну из причин устойчивого отставания догоняющих стран от стран, составляющих ядро ЕС, а также обозначить разворот научной дискуссии о перспективах европейской интеграции к теме демографического перехода. В числе задач работы – сделать обзор экспертных мнений о последствиях утраты населения для страны; оценить депопуляцию зарубежной Прибалтики методом описательной статистики; понять, насколько эта проблема уникальна для ЕС и компенсируют ли ее финансовые трансферты из бюджета ЕС.

Постановка проблемы

Для цели настоящего исследования предлагаем следующее определение депопуляции – это особый демографический феномен, который возникает как результат снижения рождаемости и миграционной утраты населения и имеет значительные негативные экономические последствия, вытекающие из сокращения доли людей трудоспособного возраста на национальном рынке. Невнимание теоретиков и практиков европейской интеграции к проблеме депопуляции выглядит парадоксальным.

Относительно того, почему официальные источники практически не затрагивают тему депопуляции, можно высказать несколько гипотез. Тему либо замалчивают из соображений не нанести вреда конкретным странам, либо игнорируют из-за того, что она не укладывается в интеграционную логику активизации передвижений. Вероятно также, что на начальном этапе факт истощаемости трудовых ресурсов был попросту упущен из виду. Переходные шести- и семилетние периоды, в течение которых Брюссель налагал на новых членов ЕС ограничения на трудовую мобильность, были обусловлены не заботой о будущем направляющих стран, а необходимостью сохранить и приумножить благополучие принимающих стран. Основные усилия интеграционной мысли были направлены на создание мер, обеспечивающих свободу передвижения (разработку правовых мер, адаптирующих рынок труда к увеличенному давлению, а также коммуникационные мероприятия, объясняющие благотворное влияние притока трудовых мигрантов и новых налоговых поступлений на экономический рост и устойчивость социальных систем).

Можно отметить также, что в официальных публикациях Европейской комиссии (исполнительного органа ЕС), свобода передвижения трудящихся и последствия демографических изменений не рассматривают в комплексе, так как они относятся к ведению разных директоров; первая затрагивает интересы потребителей и рынков труда, что напрямую относится к компетенции директората, регулирующего единый внутренний рынок; вторая же затрагивает вопросы сохранения территорий (директорат по региональному развитию) либо экономической активности (директорат по занятости), а также устойчивости и стратегической защищенности государств, что лишь косвенно затрагивает компетенции ЕС.

Показательна точка зрения Европейского агентства по труду ELA (European Labour Authority) и Европейской службы занятости EURES European Employment Services) на перспективы стран Балтии применительно к проблематике свободы передвижения работников по случаю 20-й годовщины расширения ЕС: в числе трудностей проблема депопуляции не названа².

Мониторинг свободы передвижения на уровне ЕС всегда фиксировал нарастающую динамику мобильности и причины, мешающие ей, с единственной целью устранить их. Отсюда численность мобильных лиц внутри пространства единого внутреннего рынка в целом увеличивается с течением времени. В подсчет стараются включать как можно больше видов мобильности, в том числе командированных работников, студентов, членов семей (детей, следующих за своими экономически активными родителями), чтобы статистически нарастить достижения единства рынка.

Проблема депопуляции в официальных публикациях Евросоюза завуалирована статистикой возвратов с выходом людей на пенсию. Таким образом возврат населения представляет собой лишь частичное решение проблемы.

В странах исхода мобильного населения не склонны винить ЕС в депопуляции, хотя прямая связь очевидна. Акценты всегда ставили на преимуществах интеграции и свободного передвижения людей; в их числе называют снижение безработицы, повышение квалификации мобильных работников и решение проблемы бедности в том числе посредством денежных переводов. Косвенными преимуществами служат возникающие шансы расширить торговлю и предпринимательство³. Обязанные противодействовать депопуляции, власти стран-доноров трудовых ресурсов, предпочитали не квалифицировать депопуляцию как экзистенциальный риск и не предпринимали усилий по его снижению; они безусловно поддерживали свободный рациональный выбор своих граждан; интеграционная теория подсказывала им именно этот самый экономичный путь.

Противовес невниманию со стороны официального Брюсселя и отсутствию политического заказа для его мозговых центров на изучение проблемы депопуляции создает экспертиза ОЭСР и МВФ. Их документы, сигнализируют о демографических рисках и неочевидных экономических преимуществах мобильности для направляющих стран. Снижение безработицы оценивается в единицы процентов. Демографические обзоры ООН характеризуют страны Балтии и Южной Европы как регионы с самыми быстрыми темпами сокращения населения не только в ЕС, но и во всем мире⁴, призывая тем самым к учету последствий.

Существует большой интерес к демографическим проблемам догоняющих стран и депрессивных регионов ЕС со стороны науки [Оленченко 2021; Пророкович 2023; Dijk van, Brunow, Dall Schmidt 2022; Fihel, Okólski 2019; Newsham, Rowe 2023; González-Leonardo, Newsham, Rowe 2023]. На этом фоне примечательно неглубокое внимание в странах Балтии, в частности⁵, к проблеме влияния убыли населения на стратегическую стабильность

² Freedom of movement for workers and the EURES Network – the Baltic states' perspective on the occasion of the 20th anniversary of the EU enlargement in 2004. 23 may 2024 (<https://www.ela.europa.eu/en/news/freedom-movement-workers-and-eures-network-baltic-states-perspective-occasion-20th-anniversary>).

³ Müller K. (2019) The impact of the free movement of economically active citizens within the EU. European Added Value in Action. Briefing. EPRS. December. 9 p. ([https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/631742/EPRS_BRI\(2019\)631742_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/631742/EPRS_BRI(2019)631742_EN.pdf)).

⁴ UN Population Division (<https://www.un.org/development/desa/pd/>).

⁵ The causes and consequences of depopulation. Wittgenstein Centre Conference 2021 Vienna, Austria, 29.11.–01.12.2021. (<https://www.oeww.ac.at/vid/events/calendar/conferences/the-causes-and-consequences-of-depopulation>).

и темпы экономического роста, необходимые, чтобы преодолеть отставание от ядра ЕС [Berzins, Zvidrins 2011].

Последствия мобильности для направляющих и принимающих стран нуждаются в уточнении. Количественные оценки пока уступают место метафорам и интуитивным заключениям [Gebauer, Sommer 2024]. Для усиления впечатления мобильность сравнивают с бегством человеческого капитала и утечкой мозгов; на этой основе прогнозируют слабеющую отдачу для экономики от инвестиций в образование, нехватку рабочей силы для стратегических секторов, опустынивание сельской местности, сворачивание производств, эрозию налоговой базы и проблемы финансирования программ социального и пенсионного обеспечения; в свою очередь во всем этом усматривают причины, потенциально ведущие к радикализации настроений в странах исхода мигрантов [Kyriazi, Visconti 2023].

Исследователи используют разные методики для расчета влияния притока и оттока рабочей силы на ВВП. Так, в одном из докладов МВФ содержится вывод о том, что увеличение притока иммигрантов в страны с развитой экономикой на один процентный пункт относительно общей занятости увеличивает объем производства примерно на один процент к пятому году⁶. Согласно выводам другого эмпирического анализа МВФ, касающегося непосредственно стран Центральной и Восточной Европы, эмиграция приводит к снижению темпов экономического роста в них и замедлению конвергенции доходов в целом по ЕС; конкретно подсчитано, что рост реального ВВП мог бы быть в этих странах на 7% выше в отсутствие эмиграции в 1995–2012 гг.⁷

О том, что депопуляция отрицательно сказывается на оборонном потенциале стран, снижает численность вооруженных сил, приводит к закрытию оборонных предприятий, ясно и однозначно было указано в исследованиях прошлого десятилетия [Coleman, Rowthorn 2011]. Теперь же некоторые аналитики предполагают, что сокращение населения не обязательно формирует пессимистичный прогноз падения ВВП и социального благополучия [Lianos, Pseiridis, Tsounis 2023]. Однако для обоснования оптимистичного сценария они избирают конъюнктурные показатели, такие как влияние на окружающую среду и цифровые трансформации в экономике. При всей важности этих доводов для зеленого и цифрового переходов ЕС, пока рано пренебрегать классическими представлениями о признаках стратегической устойчивости государств – сильный производственный сектор и обороноспособность.

В целом же, депопуляция выступает серьезным признаком утраты стратегической устойчивости. Для стран, где наблюдается убыль населения, характерен снижающийся спрос на товары и услуги, соответственно, эти страны непривлекательны для инвесторов и предпринимателей. Происходит сокращение капитальных вложений с последующим сокращением налогооблагаемой базы и ростом дефицита государственных расходов на обслуживание объектов социальной инфраструктуры. Лишь теоретически сокращение численности населения может быть компенсировано повышением производительности труда. Вряд ли это возможно практически в случае стран, из которых уезжают самые активные граждане; вряд ли можно рассчитывать на то, что оставшееся население спо-

⁶ Engler P., MacDonald M., Piazza R., Sher G (2020) Migration to advanced economies can raise growth. June 19. (<https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2020/06/19/blog-weo-chapter4-migration-to-advanced-economies-can-raise-growth>).

⁷ Atoyan R.V., Christiansen L.E., Dozily A., Ebeke C.H., Ilahi N., Ilyina A., Zakharova D.V. (2016) Emigration and its Economic Impact on Eastern Europe. IMF Staff Discussion Note 16/07, International Monetary Fund. P. 22. (<https://doi.org/10.5089/9781475576368.006>).

собно показать значительный прирост показателей производительности. Изменения в возрастной структуре населения, выраженные в сокращении доли детей и трудоспособного населения по сравнению с пенсионерами, находят отражение в нарастающей демографической нагрузке на оставшееся трудоспособное население.

Что касается последствий для принимающих государств, то обосновано как положительное, так и отрицательное воздействие мобильности. Бонусы разлагаются на так называемые первый и второй демографические дивиденды. Первый – прямой, возникает из увеличения доли экономически активных людей в экономике. Второй – косвенный, происходит из более высоких сбережений и инвестиций в человеческий и физический капитал. Расчеты показали, что увеличение доли населения трудоспособного возраста на 1% вызывает увеличение роста ВВП на душу населения на 1,6% [Cruz, Ahmed 2018].

Обзорное исследование, богатая библиография которого включает 102 наименования источников и литературы, затронула тему выгод для стран-доноров людских ресурсов в виде получения ими денежных переводов, которые частично идут на поддержание членов семей, частично становятся прямыми и портфельными инвестициями в экономику. Его авторы приходят к выводу, что мобильность людей следует оберегать, потому что для мигрантов она служит спасательным кругом [Tagliacozzo, Guadagno, Ayeb-Karlsson 2022].

Динамика депопуляции

За 20-летний период с января 2004 г. по январь 2024 г. по данным Евростата общая численность населения ЕС увеличилась на 3,8% с 432,9 млн до 449,2 млн человек. Наибольший относительный прирост был зафиксирован в Люксембурге (48%), Ирландии (33%), на Мальте (41%) и Кипре (29%). В девяти странах ЕС (все они относятся к категории догоняющих стран) произошло сокращение численности населения: наибольшее относительное снижение наблюдалось в Латвии (–18%), Болгарии (–17%), Литве (–15%), Румынии (–12%), Хорватии (–10%).

Расчеты изменений на более длительном 35-летнем отрезке с 1989 г. вплоть до 1 января 2024 г. для 13 стран, вступивших в ЕС в 2004, 2007 и 2013 гг., представлены в таблице 1 и на рисунке 1. В течение этого периода 11 стран выступили донорами трудовых ресурсов для благополучных стран ЕС. Исключение составили только Кипр и Мальта. Как видно, для основных доноров трудовых ресурсов характерна хроническая депопуляция.

Самые негативные показатели депопуляции относятся к Балтии, учитывая низкую численность и плотность населения. В Латвии за 35 лет население сократилось на 30%. Литву можно также причислить к странам с катастрофической депопуляцией. Хотя статистика последней пятилетки свидетельствует о сломе тенденции (также слом тенденции зафиксирован в Эстонии), удастся ли закрепить рост, непонятно, так как он во многом вызван привходящими обстоятельствами (закрытие границ в период пандемии, а также приток мигрантов и беженцев с Украины и Ближнего Востока). Пока сложно оценить, насколько мощны цифровые трансформации и потенциал расширения удаленной занятости, для того чтобы быть способными вывести больше трудоспособного населения из категории мигрантов, увеличить трансграничную занятость, обратить вспять траектории сокращения численности населения. Убыль населения составила в Литве и Эстонии с учетом небольшой позитивной поправки в последние годы, соответственно, 21% и 12%.

Ситуация в странах Балтии не уникальна. В Болгарии – практически аналогичное Латвии снижение в 28%. В Хорватии и Румынии, где также происходит катастрофическая депопуляция, сокращение численности населения было лишь чуть меньшим, соответственно, 19 и 18%. Убыль населения стран Центральной Европы на этом фоне на первый

взгляд не выглядит столь же активной. Однако в Венгрии депопуляция тоже существенна, если принять в расчет, что она стартует не с конца, а с начала 1980-х гг., а именно с 1981 г. убыль населения составила 11%.

Таблица 1

Динамика численности населения стран, вступивших в ЕС в 2004–2013 гг.,
в сравнении с ЕС-27, %

Table 1

The population dynamics in the countries that joined the EU in 2004–2013
in comparison with the EU-27, %

	Изменения за период				Доля в населении ЕС		
	1989–1998	1999–2008	2009–2018	2019–2024	1989	2006	2023
ЕС-27	2,6	2,6	1,1	0,7	100,0	100,0	100,0
Болгария	–7,8	–8,7	–9,5	–3,3	2,2	1,8	1,4
Венгрия	–2,9	–2,0	–3,2	–1,2	2,5	2,3	2,1
Чехия	–0,6	0,5	1,8	2,4	2,5	2,3	2,4
Кипр	20,0	13,7	8,4	6,6	0,1	0,2	0,2
Латвия	–9,2	–8,6	–10,6	–2,5	0,6	0,5	0,4
Литва	–3,1	–9,2	–11,2	2,6	0,9	0,8	0,6
Мальта	10,1	5,5	15,6	14,3	0,1	0,1	0,1
Польша	2,0	–1,4	–0,4	–3,6	9,1	8,8	8,2
Румыния	–2,5	–8,2	–4,4	–1,8	5,5	4,9	4,3
Словакия	2,3	–0,3	1,1	–0,5	1,3	1,2	1,2
Словения	–0,6	1,6	1,7	2,1	0,5	0,5	0,5
Хорватия	–4,7	–4,8	–6,9	–2,7	1,1	1,0	0,9
Эстония	–11,0	–3,0	–1,2	3,8	0,4	0,3	0,3
Итого	–1,2	–3,6	–2,4	–1,6	26,8	24,7	22,6

Примечание: данные на 1 января.

Источник: таблица рассчитана и составлена автором на основе данных Eurostat Population change [demo_gind] 1960–2024. (https://doi.org/10.2908/DEMO_GIND).

Source: calculated and composed by the author based on Eurostat Population change [demo_gind] 1960–2024. (https://doi.org/10.2908/DEMO_GIND).

Отчасти тенденции депопуляции обусловлены общим для европейских стран снижением уровня рождаемости, но гораздо более важным фактором в течение всего этого длительного периода была миграция в другие страны Европейского союза⁸. Коэффициенты чистой миграции в расчете на 1000 человек населения (отношение численности иммигрантов за вычетом численности эмигрантов, включая граждан и неграждан, к общей численности населения) в период 1989–2023 гг. по большей части отрицательные, то есть наблюдается отток населения; для сравнения показаны средние по ЕС умеренно положи-

⁸ К примеру: в 2015 г. численность населения Латвии сократилась на 17 139 чел., из которых естественная убыль составила 6499 чел., а миграционный отток – 10 640 чел.

тельные значения коэффициента. Исключением для Балтии стали лишь последние годы, а также 1999 г. для Эстонии.

Румыны составляют 25% всех внутренних мигрантов ЕС в силу значительной доли в населении ЕС и длительной истории эмиграции, за ними следуют граждане Польши (12%) и итальянцы (10%)⁹. Более 33% мигрантов трудоспособного возраста из ЕС проживают в Германии. Мигранты из Балтии не столь заметны в принимающих странах, как мигранты из южных стран. Однако значительные показатели миграционного оттока по отношению к численности населения собственной страны создают угрозу ее устойчивости. Столь же важно то, что мигранты подкармливают своим трудом не только себя, но самую развитую страну в ЕС.

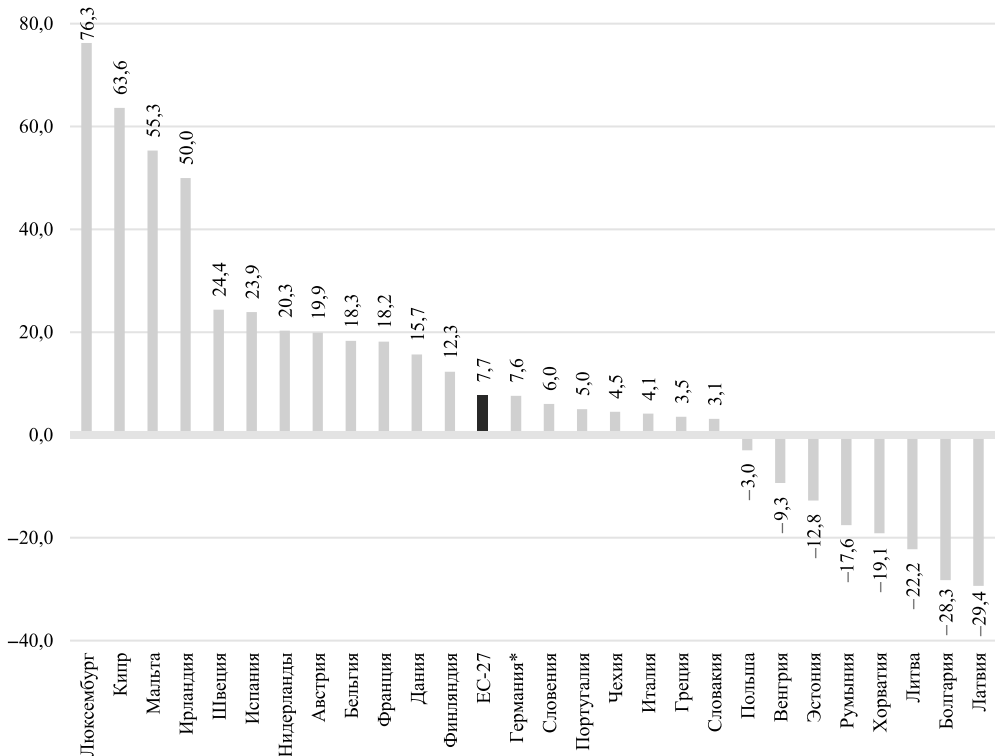

Рисунок 1. Изменение численности населения, 1989–2023, % к началу периода

Figure 1. Population changes, 1989–2023, % by the beginning of the period

Примечание: * – включая территорию бывшей ГДР.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Eurostat Population change [demo_gind] 1960–2024. (https://doi.org/10.2908/DEMO_GIND).

Source: calculated and composed by the author based on Eurostat Population change [demo_gind] 1960–2024. (https://doi.org/10.2908/DEMO_GIND).

⁹ European Commission, Hassan E., Siöland L., Akbaba B., Cinova, D. et al. (2024) Annual report on intra-EU labour mobility 2023. Publications Office of the European Union (<https://data.europa.eu/doi/10.2767/59413>).

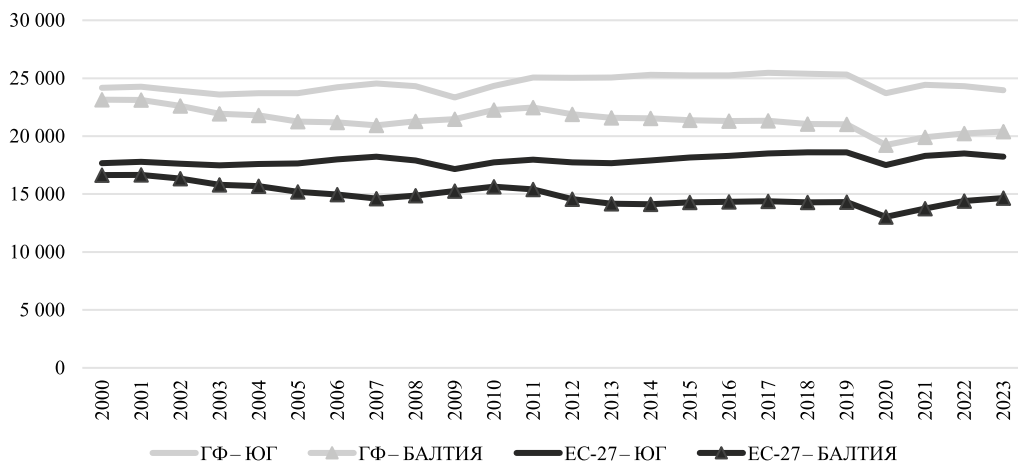

Рисунок 2. Диспропорции ВВП в расчете на душу населения в ЕС, тыс. евро

Figure 2. Disproportions of GDP per capita in the EU, thousand EUR

Примечание: представлена разница между средним уровнями ВВП в расчете на душу населения в следующих группах: ГФ (Германия, Франция); Балтия (Латвия, Литва, Эстония); Юг (Болгария, Румыния, Хорватия); ЕС-27 (все страны ЕС).

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Eurostat. Real GDP per capita [sdg_08_10]. https://doi.org/10.2908/SDG_08_10

Source: calculated and composed by the author based on Eurostat. Real GDP per capita [sdg_08_10]. https://doi.org/10.2908/SDG_08_10

Включение депопуляции в систему последствий интеграции

Известно, что для догоняющих стран характерен избыток рабочей силы; интеграционная теория предлагает решение – направлять избыточный труд в благополучные страны. Европейская интеграция, согласно пафосу теории, предоставляет населению догоняющих стран шанс вырваться из уготованной им традиционной общественной роли и шанс самим догоняющим государствам прервать традиционную отсталость. Объяснима, соответственно, направленность усилий властей ЕС содействовать свободному передвижению труда и выработать нормы, умиротворяющие принимающие государства.

Однако подход оказался далек от реальности, так как не учел углубляющееся отставание направляющих государств в связи с оттоком населения и долгосрочные негативные последствия сокращения их трудового потенциала для стратегической стабильности территорий.

Ошибка теоретических построений в защиту свободы передвижения труда заключается еще в том, что они не были системными. Теория гласит об общем положительном «системном» результате в виде прироста акторов на рынке, активизации конкуренции (выгодной потребителям), передачи знаний, идей, культурных ценностей. Однако истинный системный взгляд на проблему мобильности предполагает учет совокупности выгод и издержек причем для всех территорий ЕС, включая благополучное ядро и догоняющую периферию. Наиболее сложным видится включение в расчет шансов и рисков. Теория же игнорировала отдельные последствия, а практика в свою очередь затушевала одни эффекты и слишком акцентировала другие, смешивала

желаемое и действительное. Соответственно, подробная практика привела к непродуманным реакциям, в том числе таким, как отказ от свободы передвижения в случае с Великобританией. Исследователи метко охарактеризовали брекзит как неверный ответ на неверно поставленный вопрос¹⁰.

Затраты на поддержание устойчивости европейской интеграционной модели сегодня высоки во многих смыслах (это и социальные расходы, и расходы, связанные с ее двойным зеленым и цифровым переходом, наконец, бюрократические расходы). Однако она стала весьма затратна и с учетом необходимости перераспределительных трансфертов. Территории исхода населения впали в зависимость от этой финансовой помощи.

Финансовое перераспределение бюджета ЕС (посредством Европейского фонда регионального развития, Социального фонда, фондов развития села и сельского и рыболовного хозяйства, других финансовых инструментов) было призвано сократить отставание периферии. В таблице 2 представлены расчеты объемов трансфертов странам Балтии из бюджета ЕС относительно национального ВВП с разбивкой на периоды действия многолетних финансовых планов ЕС. Так, в плановом периоде на 2021–2027 гг. представлены расчеты за три первых года. Как видно, среднегодовые дотации практически во все периоды превышают 3% ВВП стран (2007–2013 гг. были особенно щедрыми, доходя до 4–5%), что говорит о значительной зависимости экономического роста от помощи со стороны ЕС.

Стоит заметить, что зависимость от денежных переводов мобильных работников тоже весьма ощутима. Так, в Латвии она измеряется столь же внушительными цифрами в 2–3% ВВП¹¹.

Таким образом, экономический рост Прибалтийских стран в период членства в ЕС – это иллюзия, нежели реальность, так как он зависит от различных видов помощи и трансфертов со стороны Евросоюза.

Конвергенция абсолютных показателей благосостояния стран ядра ЕС и периферии не произошла. Наш расчет, представленный на рисунке 3, это иллюстрирует. За четверть века поднялся уровень благосостояния и стран периферии, и преуспевающих стран ЕС. Соответственно, разница в уровне благосостояния ядра и периферии ЕС, практически не изменилась (линии горизонтальны). Так, Балтия не подтянулась относительно среднего уровня по двум странам-лидерам Германии и Франции, как и относительно среднего уровня по всем 27 странам ЕС. Примерно такое же стабильное отставание относительно ядра и ЕС-27 наблюдается по трем странам, представляющим догоняющий Юг (Болгария, Румыния, Хорватия).

Не уменьшая значение финансового перераспределения по линии бюджета ЕС, стоит заключить, что необходима его дополнительная коррекция в контексте депопуляции. Проматривается ли вариант исправления ситуации?

Проблема бегства населения из стран Балтии теоретически постепенно сведется к нулю по мере исчерпания трудовых ресурсов в ходе саморегуляции рынка, но с крайне негативным результатом для этих догоняющих экономик. Учитывая основополагающую цель ЕС – повысить уровень жизни, обеспечить сплочение государств-членов и сбалансированное социально-экономическое развитие территории европейской интеграции, такое решение вряд ли приемлемо.

¹⁰ Summerton P. Ending Freedom of Movement – the wrong answer to the wrong question. Cambridge Econometrics. October 10, 2018. (<https://www.camecon.com/blog/ending-freedom-movement-wrong-answer-wrong-question/>).

¹¹ Personal transfers and compensation of employees. EUROSTAT Online data code: bop_rem6 DOI:10.2908/bop_rem6 (https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/bop_rem6/default/table?lang=en).

Таблица 2

Финансовая помощь странам Балтии из бюджета ЕС

Table 2

Financial assistance to the Baltic States from the EU Budget

	Эстония	Латвия	Литва
Среднегодовая помощь, 2004–2006 гг., млн евро	250,3	351,5	651,0
Среднегодовая помощь, 2007–2013 гг., млн евро	671,7	856,2	1 562,4
Среднегодовая помощь, 2014–2020 гг., млн евро	777,8	1 060,6	1 718,5
Среднегодовая помощь, 2021–2023 гг., млн евро	1 176,4	1 372,7	2 245,1
Среднегодовой ВВП, 2004–2006 гг., млн евро	11 565,4	13 635,3	21 099,4
Среднегодовой ВВП, 2007–2013 гг., млн евро	16 555,3	20 459,6	30 790,7
Среднегодовой ВВП, 2014–2020 гг., млн евро	24 378,8	26 285,0	42 913,9
Среднегодовой ВВП, 2021–2023 гг., млн евро	35 362,3	35 820,5	65 976,0
Помощь ЕС, 2004–2006 гг., в % к ВВП страны	2,2	2,6	3,1
Помощь ЕС, 2007–2013 гг., в % к ВВП страны	4,1	4,2	5,1
Помощь ЕС, 2014–2020 гг., в % к ВВП страны	3,2	4,0	4,0
Помощь ЕС, 2021–2023 гг., в % к ВВП страны	3,3	3,8	3,4

Источник: таблица рассчитана и составлена автором на основе данных раздела «Spendig» *European Commission. EU budget spending and revenue. Data 2000–2023.* (https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/long-term-eu-budget/2021-2027/spending-and-revenue_en).

Source: *calculated and composed by the author based on EU budget spending and revenue. Data 2000–2023.* (https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/long-term-eu-budget/2021-2027/spending-and-revenue_en).

Очевидно, что возможности сократить бедность, заложенные в мобильности, не позволяют рассматривать последнюю как негативное явление, которое необходимо предотвращать. Защита мобильности по-прежнему будет оправдана. Коррекция, по всей видимости, коснется целей финансовых трансфертов.

Европейский парламент обрисовал проблему в 2021 и 2022 гг. в своих обсуждениях и резолюции¹², подчеркнув необходимость признать двойственное влияние свободы передвижения лиц на демографию и искать баланс между интересами государств-членов и общими целями европейской интеграции. Тем не менее было оговорено, что четыре свободы составляют ценностную основу ЕС и главный способ обеспечить его конкурентоспособность. Радикальные меры исправления негативных последствий или сдерживания в Брюсселе не рассматривают. Предложения должны быть сведены к тому, чтобы сохранить в силе классические инструменты регулирования, такие как фонды политики сплочения и обустройства сельской местности, которые в последнее десятилетие обеспечивают двойной зеленый и цифровой переход догоняющих территорий ЕС.

¹² Report on reversing demographic trends in EU regions using cohesion policy instruments. European Parliament. 2021. (https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0061_EN.html); Question time: Tackling depopulation through cohesion policy instruments. European Parliament. October. 2022. ([https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2022/733674/EPRS_ATA\(2022\)733674_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2022/733674/EPRS_ATA(2022)733674_EN.pdf)).

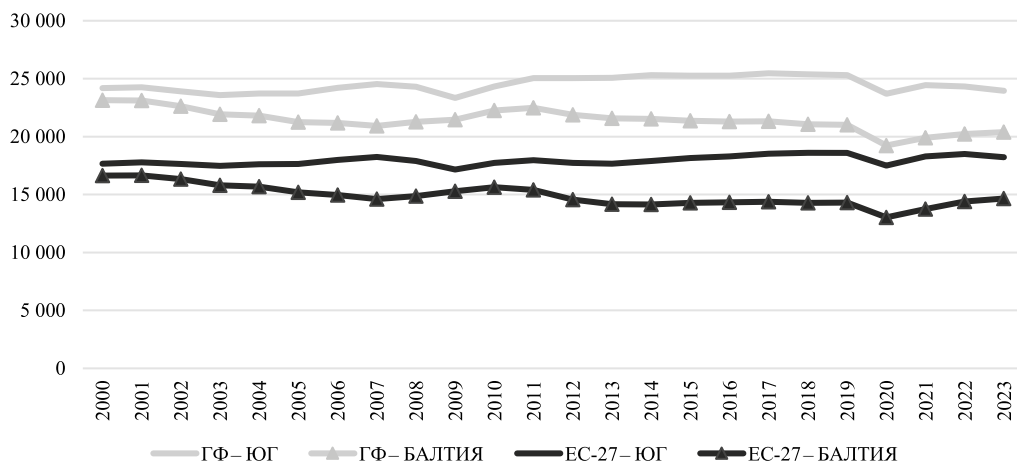

Рисунок 3. Диспропорции ВВП в расчете на душу населения в ЕС, тыс. евро

Figure 3. Disproportions of GDP per capita in the EU, thousand EUR

Примечание: представлена разница между средним уровнями ВВП в расчете на душу населения в следующих группах: ГФ (Германия, Франция); Балтия (Латвия, Литва, Эстония); ЮГ (Болгария, Румыния, Хорватия); ЕС-27 (все страны ЕС).

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Eurostat. Real GDP per capita [sdg_08_10]. https://doi.org/10.2908/SDG_08_10

Source: calculated and composed by the author based on Eurostat. Real GDP per capita [sdg_08_10]. https://doi.org/10.2908/SDG_08_10

В 2022 г., в частности, Европарламент анонсировал выдвижение Еврокомиссией программы, направленной на торможение сокращения численности населения и утечки мозгов за счет развития эндогенного потенциала догоняющих стран. В январе 2023 г. появилось соответствующее официальное сообщение Еврокомиссии¹³.

В марте 2024 г. вышел отчет о политике сплочения (так в ЕС называют политику помощи догоняющим и депрессивным регионам). На его 350 страницах слово депопуляции встречается четыре раза. Демографическому переходу отведена глава, равная по значению главам о зеленых и цифровых трансформациях. Естественная убыль населения, наблюдаемая в ЕС с 2012 г., названа одной из причин замедления экономического роста. Причем откровенно сказано, что внутренней мобильности населения недостаточно, чтобы компенсировать это замедление. Тем не менее, отчет, подготовленный Еврокомиссией, также как парламентский, не заостряет внимание на проблеме депопуляции отдельных стран и не рассматривает ее негативное влияние на экономический рост. Он более сосредоточен на фактах обезлюдения сельской местности и старения населения; ситуация, характеризующая бегство талантов, представлена в отчете в виде карты без упоминания в пояснениях конкретных стран и регионов, страдающих от этой проблемы¹⁴.

¹³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Harnessing talent in Europe's regions. Strasbourg, 17.1.2023 COM(2023) 32 final. 22 p. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023DC0032>).

¹⁴ European Commission (2024). Ninth report on economic, social and territorial cohesion. Publication Office of the European Union, Luxembourg. P. 208. DOI: 10.2776/264833

Доклад Института Делора, одного из центров исследований европейской интеграции, выполненный под руководством Э. Летты¹⁵, призвал пересмотреть логику передвижений людей, упрекнув ЕС в том, что граждане догоняющих стран по-прежнему вынуждены покидать родные места, чтобы преуспеть. Свободное передвижение, как указано – это ценный актив, но его использование должно базироваться на свободном, а не вынужденном выборе. В докладе просматривается намек на неадекватный учет проблем догоняющих регионов, который сегодня не позволяет институтами ЕС обрести моральное право на дальнейшее управление и допускает пессимистические настроения и радикализацию догоняющих стран. Соответственно, для ЕС было бы важно разработать конкретные программы, поощряющие обратный отток мобильных граждан ЕС в страны их происхождения. Согласно данным Доклада Летты, 82 региона в 16 государствах-членах (представляющих почти 30% населения ЕС) страдают от исхода населения трудоспособного возраста. Признано, что членство в ЕС наносит ущерб этим регионам, загнав их в ловушку депопуляции; в свою очередь они наносят ответный ущерб ЕС, оттягивая на себя значительную часть его ресурсов развития в виде помощи на преодоление отсталости. Внутренний дисбаланс на рынке труда, ставший драйвером мобильности, в отдельных странах усиливает структурный и макроэкономический дисбаланс, и его следует рассматривать как угрозу европейской интеграции. Рекомендовано включить вопрос о возрождении территорий с хронической депопуляцией в так называемые программы Европейского семестра (в ежегодный цикл координации экономической политики и выработки необходимых рекомендаций государствам-членам). Решения предложено искать в других сферах компетенции ЕС, таких как перераспределение капиталов, и мерах, предпринимаемых в рамках цифровой и зеленой трансформации. Важно то, что ЕС тем самым подступает к многогранной проблематике демографического перехода. И это будет третьим (равным по значению цифровому и зеленому переходам) комплексом мер, направленным на повышение экономической и политической устойчивости ЕС. Страны Балтии могут стать полигоном для обкатки политических инноваций демографического перехода. В 2027 г. подойдет к концу текущий программный период перераспределения бюджета ЕС; предстоят чрезвычайно сложные дебаты о том, как его эффективнее перераспределять в будущем.

Выводы

Свободу передвижения принято считать крупным успехом европейской интеграции. Однако проблема депопуляции догоняющих стран Европы создала серьезное испытание для концепции безбарьерного передвижения.

Основная причина депопуляции – миграция в страны ядра ЕС, затмевающая показатели естественной убыли населения. Наше особое внимание было обращено на страны Балтии, долгосрочную траекторию депопуляции которых можно назвать катастрофической (в Латвии около 30% за 35 лет), ведущую к обезлюдению. Однако ситуация в этих странах не уникальна, а весьма схожа с другими некогда густонаселенными догоняющими странами – Румынией (каждый четвертый европейский внутренний мигрант), Болгарией, Хорватией.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что официальный Брюссель близок к обозначению широкой концептуальной рамки демографического перехода

¹⁵ Letta E. (2024) Much more than a market – Speed, Security, Solidarity Empowering the Single Market to deliver a sustainable future and prosperity for all EU Citizens. 147 p. (<https://www.consilium.europa.eu/media/ny3j24sm/much-more-than-a-market-report-by-enrico-letta.pdf>).

ЕС, а также к некоей коррекции в логике единства внутреннего рынка. Посылы идеологов на заре развития европейской интеграции базировались на ложном предположении об избыточности трудовых ресурсов в догоняющих странах. Этот избыток кажущийся; он возник в относительно менее развитых странах из-за отсутствия достаточного предложения капитала и вакансий на местах. Неверной можно также назвать деятельность ЕС по обеспечению движения труда в сторону капитала, если она не сопровождается созданием адекватного встречного потока капитала к труду. Пока наднациональные власти не стремятся сбалансировать два потока, невозможна и искомая цель сглаживания территориальных социально-экономических диспропорций. Соответственно, депопуляция – это прошлое, настоящее и наиболее вероятное будущее догоняющих государств в Европейском союзе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Оленченко В.А. (2021) Страны Прибалтики в Евросоюзе: основные характеристики членства и антироссийская ориентация // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 64–76.
<https://doi.org/10.31857/S086904990016456-3>
- Olenchenko V. (2021) Baltic States in the European Union: Main Characteristics of Membership and Anti-Russian Orientation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 64–76.
<https://doi.org/10.31857/S086904990016456-3> (In Russ.)
- Пророкович Д. (2023) Депопуляция Балкан: как опустошается периферия ЕС // *Современная Европа*. № 6. С. 71–80. <https://doi.org/10.31857/S0201708323060074>
- Proroković D. (2023) Depopulation of the Balkans: how the EU Periphery is Hollowing Out. *Sovremennaya Evropa*, no 6, pp. 71–80. <https://doi.org/10.31857/S0201708323060074> (In Russ.)
- Berzins A., Zvidrins P. (2011) Depopulation in the Baltic States. *Lithuanian Journal of Statistics*, vol. 50, no 1, pp. 39–48.
- Coleman D., Rowthorn R. (2011) Who's afraid of population decline? A critical examination of its consequences. *Population and Development Review*, no 37, pp. 217–248.
<https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00385.x>
- Cruz M., Ahmed S.A. (2018) On the impact of demographic change on economic growth and poverty. *World Development*, vol. 105, pp. 95–106. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.12.018>
- Dijk van J., Brunow S., Dall Schmidt T. (2022). The long-term consequences of brain drain related to depopulation on social and territorial cohesion with a focus on the North of the Netherlands and a short comparison with Germany and Denmark: Research Report Department of Economic Geography. RUG Faculty of Spatial Sciences. 133 p. https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/250905234/Braindrain_paper_DG_REGIO_Jouke_van_Dijk_October_2022.pdf
- Fihel A., Okólski M. (2019) Population decline in the post-communist countries of the European Union. *Population & Societies*, no 567(6), 1–4. <https://shs.cairn.info/journal-population-and-societies-2019-6-page-1?lang=en>
- Gebauer C. Sommer R. (2024) Beyond Vicarious Storytelling: How Level Telling Fields Could Help Create a Fair Narrative on Migration [version 2; peer review: 2 approved] *Open Research Europe*, 3:10. <https://doi.org/10.12688/openreseurope.15434.2>
- González-Leonardo M., Newsham N., Rowe F. (2023) Understanding population decline trajectories in Spain using sequence analysis. *Geographical Analysis*, no 55, pp. 495–516.
<https://doi.org/10.1111/gean.12357>
- Kyriazi A., Visconti F. (2023) Free Movement and Welfare in the European Union: The Social Consequences of the Right to Exit. *International Migration Review*, 0(0). <https://doi.org/10.1177/01979183231185096>

Lianos T.P., Pseiridis A., Tsounis N. (2023) Declining population and GDP growth. *Humanit Soc Sci Commun* 10, 725 <https://doi.org/10.1057/s41599-023-02223-7>

Newsham N., Rowe F. (2023) Understanding trajectories of population decline across rural and urban Europe: A sequence analysis. *Population, Space and Place*, vol. 29, issue 3, e2630. <https://doi.org/10.1002/psp.2630>

Schmidt S. K., Blauberger M., Martinsen D. S. (2018). Free movement and equal treatment in an unequal union. *Journal of European Public Policy*, no. 25 (10), pp. 1391–1402. <https://doi.org/10.1080/13501763.2018.1488887>

Tagliacozzo S., Guadagno L., Ayeb-Karlsson S. (2022) How do population movements fit within the framework of systemic risk? *Progress in disaster science*, vol. 16, 100256. <https://doi.org/10.1016/j.pdisas.2022.100256>

Информация об авторе

Кондратьева Наталья Борисовна, кандидат экономических наук, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции, руководитель Центра экономической интеграции Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3. E-mail: nkondratieva@inbox.ru

About the author

Natalia B. Kondratieva, Candidate of Sciences (Economics), Scientific Secretary, Leading Research Fellow, Department of European integration studies, Head of Centre for Economic Integration Studies, Institute of Europe RAS. Address: 125009, 11/3 Mokhovaya st., Moscow, Russia. E-mail: nkondratieva@inbox.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 05.11.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.11.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.12.2024

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ PUBLIC RELATIONS

Оригинальная статья / Original article

Современные республиканские концепции демократии: общие признаки и два идеальных типа

© Н.А. ШАВЕКО

Шавеко Николай Александрович, Институт философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия), shavekonikolai@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-5481-7425

Возрождение республиканской политической традиции происходит на фоне академического спора либералов и коммунитаристов. Определены ценности современных республиканцев, а именно основанные на идее общего блага делиберативность политического процесса и гражданские добродетели. Проанализированы взгляды на демократию трех авторов республиканской ориентации – М. Сэндела, К. Санстэйна и Ф. Петтита. Показано, что существование различных направлений в рамках республиканской традиции (одно акцентирует внимание на выработке общих этических представлений, а другое – на смешанном правлении) имеет своим следствием неоднородность представлений республиканцев о демократии. Предложено выделять два идеальных типа республиканских воззрений на демократию – узкокоммунитаристский и сущностно-либеральный, а в качестве критериев для типологизации рассматривать (1) взгляды на высший социальный идеал и права человека, (2) цель демократических дискурсов, (3) роль и значимость согласия с политическими решениями, (4) роль и значимость политического участия и гражданских добродетелей. Сделан вывод о том, что к настоящему времени единая республиканская теория демократии еще не сложилась.

Ключевые слова: республиканизм, демократия, недоминирование, самоопределение, делиберация, либерализм, коммунитаризм, политическое участие, гражданские добродетели

Цитирование: Шавеко Н.А. (2024) Современные республиканские концепции демократии: общие признаки и два идеальных типа // Общественные науки и современность. № 6. С. 83–95. DOI: 10.31857/S0869049924060067, EDN: JBINRU

Contemporary Republican Concepts of Democracy: Common Features and Two Ideal Types

© N.A. SHAVEKO

Nikolai A. Shaveko, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), shavekonikolai@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-5481-7425

Abstract. The revival of the republican political tradition is taking place against the background of the academic dispute between liberals and communitarians. Common values of modern republicans, namely, deliberativeness of the political process and civic virtues based on the idea of the common good are defined. Views on democracy of three authors of republican orientation – M. Sandel, K. Sunstein and F. Pettit are analyzed. It is shown that the existence of different directions within the republican tradition (one focuses on the development of common ethical ideas, and the other – on mixed government) has as its consequence the heterogeneity of republicans' ideas on democracy. It is proposed to distinguish two ideal types of republican views on democracy – narrowly communitarian and essentially liberal, and to consider as criteria for typology (1) views on the highest social ideal and human rights, (2) the purpose of democratic discourses, (3) the role and significance of agreement with political decisions, (4) the role and significance of political participation and civic virtues. It is concluded that to date a unified republican theory of democracy has not yet been formed.

Keywords: republicanism, democracy, non-domination, self-determination, deliberation, liberalism, communitarianism, political participation, civic virtues

Citation: Shaveko N.A. (2024) Contemporary Republican Concepts of Democracy: Common Features and Two Ideal Types. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 83–95. DOI: 10.31857/S0869049924060067, EDN: JBINRU (In Russ.)

В 1980–1990-х гг. в западной политической теории на фоне кризиса неолиберализма усилилась критика либеральной теории демократии; одновременно распад СССР окончательно дискредитировал попытки совместить демократическую идею с социализмом. В результате популярность стали набирать республиканские концепции демократии. Вместе с тем авторы, возрождавшие республиканскую традицию, не были едины в своем понимании республиканизма, поэтому разными оказались и их воззрения на демократию. Цель статьи – разработать общие признаки и типологию воззрений республиканцев на демократию. В первом разделе предпринята попытка определить общие признаки современного республиканизма, а во втором – проанализировать взгляды трех авторов-республиканцев – М. Сэндела, К. Санстэйна и Ф. Петтита – на демократию.

Либерализм, коммунитаризм, республиканизм

В западной политической теории 1980–1990-е гг. преобладали споры между либералами и коммунитаристами. Либералы отстаивали приоритет права (принципов справедливости) над благом (представлениями индивидов о том, как лучше прожить жизнь). Коммунитаристы оспаривали такой приоритет, считая, что не только принципы справедливости, но и общие представления о достойной жизни могут ограничивать индивидуальную свободу [Волкова 2004, Шавекко 2020]. Коммунитаристы апеллировали к проблемам западного общества, таким как кризис легитимности, утрата чувства общности и распад социальных связей.

В рамках развернувшейся дискуссии канадский политический теоретик У. Кимлика сформулировал три основных тезиса, каждый из которых апеллирует к общим этическим представлениям (коммунитаризм в широком смысле): 1) собственно коммунитаризм (продвижение общего образа жизни, т.е. сильной и всеобъемлющей концепции блага); 2) (либеральный) национализм (ориентация на национальную идентичность); 3) (гражданский) республиканизм (утверждение гражданских добродетелей, связанных с политическим участием – слабая и ограниченная концепция блага) [Кимлика 2010, 337]. Согласно этой классификации республиканизм – часть коммунитаризма в широком смысле. Кимлика выделял два вида республиканизма: классический (самоценность политического участия) и либеральный (политическое участие как инструментальная ценность) [Кимлика 2010, 366]. Таким образом республиканизм сводится к тезису о развитии гражданских добродетелей, связанных с политическим участием, т.е. он противопоставлен не столько либерализму как таковому, сколько представлению о государстве как полностью нейтральном по отношению к подобным добродетелям (что нехарактерно для большинства либералов).

Ближних взглядов придерживается Ф. Петтит, политический философ ирландского происхождения. Он противопоставляет свою «подлинно республиканскую» концепцию свободы как недоминирования либерального (свобода как невмешательство) и коммунитаристского (свобода как самоуправление) понимания свободы. В то же время философ различает итало-атлантическую и континентальную традиции республиканизма, при этом концепция свободы как недоминирования принадлежит первой, а коммунитаристская – второй [Pettit 2012, 5–18]. И у Кимлики, и у Петтита республиканизм оказывается разделен на две части. Что характерно, лишь одна из них (та, что Кимлика называет «классическим республиканизмом», а в терминологии Петтита обозначена как коммунитаризм, или «континентальная» традиция республиканизма) придает политическому участию внутреннюю ценность. Тем самым гражданам навязывается идеал достойной жизни, связанный с самореализацией в сообществе. Вторая часть близка либерализму ибо ставит индивидуальную свободу в основу рассуждений о должном политическом устройстве, а политическому участию и гражданским добродетелям придает лишь инструментальную ценность. Тем не менее она противопоставлена некоторым версиям либерализма. Однако если у Кимлики критерием противопоставления в данном случае выступает отношение к развитию гражданских добродетелей, то у Петтита – особое понимание свободы. К тому же Петтит использует термин «коммунитаризм», чтобы обозначить идеологию продвижения общего образа жизни, связанного именно с политическим участием, а не какого-то иного образа жизни. По словам Петтита, итало-атлантическую традицию республиканизма можно считать коммунитаристской лишь в том смысле, что ключевой для нее идеал свободы как недоминирования является общественным (основан на преднамеренных взаимодействиях людей) и общим (не исключен в определенной социальной группе) [Pettit 2016, 217–225].

Теорию делиберативной демократии, отталкиваясь от четкой дихотомии либерализма и республиканизма, обосновал немецкий философ Ю. Хабермас [Хабермас 2008, 381–389]. Разграничивая либеральную и республиканскую концепции демократии, он строит следующую цепь рассуждений. Согласно «либеральным» воззрениям, демократия есть способ проведения в жизнь частных интересов индивидов; эти частные интересы признаются в силу того, что каждый индивид обладает набором неотъемлемых (личных) прав. Согласно же «республиканским» воззрениям, демократия – это способ формирования и реализации общих интересов и гражданских добродетелей (солидарность), тогда как индивидам дано лишь право участвовать в политическом процессе.

Очевидно, что подобный подход исключает существование «либерального республиканизма». Можно предположить, что в этой логике Хабермас отнес бы к либерализму и республиканизм Кимлики, и итало-атлантическую традицию республиканизма Петтита. По мнению Хабермаса, республиканскую теорию предложили именно коммунитаристы, а потому республиканизм у него, по сути, отождествлен с коммунитаризмом (предполагает некоторый приоритет блага над правом).

Можно заключить, что представление о либерализме, коммунитаризме и республиканизме в научной литературе нельзя назвать последовательным и однозначным. Если суммировать концепции трех указанных авторов (Кимлики, Петтита и Хабермаса), то республиканизм (идеология общего блага) связан с пониманием индивида как члена сообщества и с его участием в жизни этого сообщества. Этим обусловлена выработка разделяемых всеми этических представлений, т.е. концепции блага (что не противоречит либеральному тезису о приоритете права над благом).

В этом смысле республиканизм можно рассматривать как часть коммунитаризма, отстаивающего необходимость выработки и защиты общих этических представлений. Однако тогда и коммунитаризм следует понимать широко, т.е. допускать, что коммунитаристы не обязательно противостоят либерализму, рассматривая защиту общих этических представлений как инструмент достижения либеральных ценностей. Если принять такую интерпретацию, то особенность республиканизма как версии коммунитаризма будет состоять в способах, которыми он отстаивает необходимость общей концепции блага. Так, республиканизм делает акцент на инклюзивном политическом участии и связанных с ним правах, совещательных (делиберативных) практиках и гражданских добродетелях; при этом не заранее данные «каталоги добродетелей» и не дополитические представления о «достойной жизни», а сама демократическая процедура определяет то, как будет осуществляться коллективное самоуправление [Zeitgenössische Demokratietheorie 2012... 158]. Когда говорят, например, что М. Сэндел из коммунитариста превратился в республиканца [Aronovitch 2000], имеется в виду не то, что он отказался от своих убеждений, а лишь то, что он сменил некоторые акценты в обосновании коммунитаристского идеала.

Республиканизм в целом стал новым этапом в дискуссии либералов и коммунитаристов. Как отмечает У. Кимлика, если в 1970-е гг. основными понятиями англо-американской политической философии были «справедливость» и «права», то в 1980-е гг. ключевыми стали «сообщество» и «членство», а в 1990-е гг. – понятие «гражданства», одновременно в демократической теории произошел «делиберативный поворот» [Кимлика 2010, 362].

Таким образом, по-видимому, допустимо понимать современный республиканизм (в различных его вариациях) с его акцентом на инклюзивном политическом участии и связанных с ним правах, совещательных (делиберативных) практиках и гражданских добродетелях как часть коммунитаризма в широком смысле. В такой интерпретации и республиканцы в частности, и коммунитаристы в целом могут быть как либералами, так и их противниками. Ниже будет предложена точка зрения, согласно которой в рамках республиканских концепций демократии можно выделить два идеальных типа, один из которых коммунитаристский в узком смысле (понимание политического участия как способа самореализации в сообществе и выработки общего образа жизни), а второй по существу либеральный. Последний не допускает навязывания сильных концепций блага, а потому совпадает с теми версиями либерализма, которые признают необходимость развития гражданских добродетелей и поиска взаимоприемлемых решений, но противопоставлены версиям, защищающим нейтральное по отношению к ценностям государство

и понимающим демократию лишь как суммирование частных волеизъявлений. Узкокоммунитаристский вариант республиканизма в любом случае исходит из понимания свободы как самоуправления. Однако существует и альтернативный подход к разграничению другого варианта республиканизма и собственно либерализма, предложенный Петтитом: республиканизм исходит из свободы как недоминирования, а либерализм – из свободы как невмешательства.

Современный республиканизм и демократия

Из сказанного следует, что республиканизм тесно связан с демократией как с самоуправлением народа. Несмотря на это, издревле идея республики противопоставлялась демократии в том смысле, что была нацелена не на торжество частных интересов большинства, а на всеобщее благо. Отсюда проистекали внимание к гражданским добродетелям и публичным обсуждениям, а также понимание социальной жизни как реализации общих целей и ценностей. Все же самое главное – идея республики подразумевала смешанное правление, то есть сочетание элементов монархии, аристократии и демократии. Тем самым могли быть уравновешены различные социальные интересы (в Новое Время это выразилось, в частности, в идее представительства) [Даль 2003, 38–47]. Эти исконные особенности республиканской идеи определяют понимание демократии современными республиканцами.

Рассмотрим взгляды на демократию трех широко известных авторов, которые, бесспорно, принадлежат республиканской традиции, – М. Сэндела, К. Санетэйна и Ф. Петтита – и на их примере попытаемся выявить особенности современного республиканского понимания демократии.

По мнению американского философа-коммунитариста М. Сэндела, нейтралитет государства в области культурных ценностей приводит к тому, что чувство принадлежности к сообществу и моральные основания социума оказываются под угрозой; когда вопросы об общем благе отданы на откуп частной сфере, люди теряют способность к коллективному управлению [Sandel 1996, 3]. Сэндел различает две концепции свободы – либеральную и республиканскую. Либеральная исходит из того, что человек свободен, если он может выбирать те ценности и цели, которым готов следовать, а государство в его выбор не вмешивается и не навязывает индивидам моральные и религиозные взгляды. Республиканская концепция связывает свободу с участием в самоуправлении сообщества, в рамках которого на первый план выходит проблематика общего блага и судьбы сообщества, а потому требует культивирования в людях определенных гражданских добродетелей. У Сэндела это, по сути, означает возможность социума навязывать индивиду определенные представления о правильно прожитой жизни, причем Сэндел пытается доказать, что такое вмешательство неизбежно.

Таким образом, Сэндел явно симпатизирует тому, что Б. Констан в свое время называл «свободой древних», а именно прямому участию населения в политике и возможности власти определять нравы общества. (Сам Констан придерживался другой концепции свободы – «свободы современности», и поэтому критиковал Руссо, которого сегодня считают представителем республиканской традиции.) Сэндел – не консерватор, он не считает правильным сохранять дискриминационные практики прошлого, но полагает, что вопрос о допустимом должен быть решен в рамках общественных дискуссий и самоуправления, в то время как либеральная теория демократии в принципе исключает вмешательство государства в указанную сферу, а потому, по Сэнделу, несостоятельна [Sandel 1998, 333]. Сэндел придерживается точки зрения, что согласие индивида не есть неперемное усло-

вие возникновения у него обязательств перед сообществом, что некоторые обязательства возникают якобы исключительно из самого факта членства в нем [Сэндел 2013, 263–268]. В результате открытым остается вопрос о том, как защитить права меньшинств и тех, кто не согласен с навязываемыми представлениями об «общем благе» и «хорошем обществе». Кроме того, подобного рода коммунитаристские воззрения на демократию подвергаются критике, поскольку в этого рода коммунитаризме демократию трактуют как средство формирования общих этических представлений. В результате демократию перестают воспринимать как средство решения проблем [Nusser 2002].

Нельзя сказать, что республиканизм не предлагает путей выхода из указанных трудностей. Так, американский юрист К. Санстейн [Sunstein 1988] утверждает, что не существует единого подхода, который можно было бы охарактеризовать как республиканский, но при этом полагает, что различные виды республиканизма следуют одним и тем же основным принципам. Они включают в себя (1) делиберацию, (2) политическое равенство (устранение резких различий в политическом влиянии), (3) универсализм (ориентация на общие ценности и критика релятивизма) или соглашение как регулятивный идеал, (4) гражданственность (контроль над правителями и культивирование политических добродетелей).

Санстейн подчеркивает, что полное подчинение частных интересов общему благу, представление о котором вырабатывается посредством активного политического участия, характерно лишь для классических, а не современных республиканцев (равно как и милитаризм, традиционализм и принижение женщин). Нынешний нормативно более привлекательный республиканизм, по мнению Санстейна, лучше называть либеральным, поэтому противопоставление республиканизма и либерализма видится ему ложным. Правда, он тут же отмечает, что в отличие от либерализма, республиканизм признает лишь те индивидуальные права, которые связаны с политическим участием и делиберацией, тогда как остальные границы частной автономии «должны быть оправданы в общественных терминах» [Sunstein 1988, 1551]. В результате республиканизм предстает как часть либеральной традиции [Sunstein 1988, 1569], противопоставленный некоторым версиям либерализма (которые не уделяют достаточно внимания делиберации, неравенству реальных политических возможностей, достижению общих целей и гражданским добродетелям). Санстейн пишет, что «будучи правильно понятой, демократия не вступает в противоречие с [индивидуальными] правами». Дело в том, что демократия обладает собственной «внутренней моралью», которая требует конституционной защиты прав личности, «включая право на свободное выражение мнений, право голоса, право на политическое равенство и даже право на частную собственность, поскольку люди не могут считаться независимыми гражданами, если правительство неограниченно корректирует их права на имущество» [Sunstein 2001, 7].

Следует отметить, что коммунитаристы типа Сэндела считают своим идейным предшественником Аристотеля, у которого можно проследить ключевые для республиканцев идеи (самоуправление равных, стремление к общему благу, смешанное политическое устройство). Однако в Древнем мире республиканский идеал был присущ лишь сравнительно небольшим общностям, тогда как в Новое время он распространился на крупные государства. Если Руссо пытался утвердить идеал самоуправления и стремления к общему благу, который применим к небольшим сообществам, то американские федералисты сделали ставку на верховенство закона и смешанное политическое устройство, тем самым трансформировав республиканизм применительно к крупному политическому образованию. Действительно, в итало-атлантической традиции республиканизма правление закона и смешанная конституция выступают как средство пре-

одоления дисбаланса сил и сохранения стабильности республики в условиях упадка гражданской добродетели. Это порождает трудный вопрос о том, в какой мере конституционное право должно быть подчинено демократической практике. Для американских юристов-республиканцев [Michelman 1988; Sunstein 1993a; Sunstein 1993b] между этими двумя феноменами нет противоречия. Придерживаясь своего рода либерального республиканизма, они трактуют закон как волю народа, а не как внешние ограничения. Поэтому, с их точки зрения, конституционно закрепленные права имеют приоритет перед консенсусными, но не воплощенными в юридическую форму представлениями о достойной жизни. В этом новом контексте политическое участие и гражданские добродетели приобретают сугубо инструментальный характер, хотя, казалось бы, изначально они составляют сердцевину республиканизма. Например, Санстэйн не считает активное политическое участие безусловным благом, отвергая мнение, что управление государством должно строиться на основе всенародных референдумов, он отдает приоритет не прямой демократии, а конституционным структурам [Sunstein 2001, 7].

Надо сказать, что взгляды Санстэйна на делиберацию и статус индивидуальных прав довольно близки позиции Ю. Хабермаса, который в стремлении найти золотую середину между либерализмом и республиканизмом предложил концепцию «делиберативной политики». По мнению немецкого философа, если либеральное видение демократии предполагает только государство и частные интересы (рынок), то в республиканском варианте возникает третий субъект – общественность. Именно поэтому Хабермас в целом благосклонно относится к республиканскому проекту, однако видит его ошибку в «этическом сужении политического дискурса» [Хабермас 2008, 390]. По его мнению, даже при достижении согласия относительно этических вопросов (общий образ жизни), полное тождество интересов все равно невозможно, а потому для достижения баланса интересов различных индивидов необходим моральный дискурс (т.е. дискурс относительно принципов справедливости, а не концепций блага). Хабермас считает делиберативную политику эффективным компромиссом между либерализмом и республиканизмом, поскольку и права, и этические идеалы равным образом основаны в ней на дискурсе, в рамках которого все заинтересованные лица стремятся достичь консенсуса. Именно консенсус выступает в философии Хабермаса главным легитимирующим началом. Вместе с тем это означает, что политика общего блага не имеет ограничителей, как это предполагалось в либерализме. С учетом этого, а также того обстоятельства, что многие представители современного республиканизма не ограничивают демократию этическими императивами, концепция Хабермаса оказывается сложно отличимой от республиканской. Как и у многих республиканцев, права человека (и их конкретный перечень) выступают у него не предпосылкой, а продуктом демократии. Исключение могут составлять лишь права, создающие условия для делиберации.

Позицию Санстэйна можно рассматривать как дополнение к позиции Сэндела, поскольку он обращает внимание не только на этические дискурсы, но и дискурсы справедливости, придавая политическому участию и гражданским добродетелям, скорее, инструментальную ценность. Главное же отличие от доминирующих сегодня либеральных воззрений состоит в том, что Санстэйн отрицает «дополитический» характер прав человека, а потому возникает потребность каким-то иным образом защитить частную автономию, но неясно, окажутся ли делиберация и универсализм (ориентация на общеприемлемые решения) достаточными для этого. В то время как либералы в случае отсутствия согласия между гражданами относительно политических решений апеллируют к правам человека, у республиканцев, в том числе Санстэйна, в такой ситуации возникают некоторые теоретические трудности. Впрочем, приверженность большинства республи-

канцев политическому равенству, инклюзии и защите человеческого достоинства, а также поиску взаимоприемлемых решений можно рассматривать и как выражение неприсущих политическому процессу ценностей, аналогичным правам человека (хотя сами республиканцы отрицают внеполитический характер этих ценностей, за что их подвергают критике [Larmore 2001]). Акцент на защите индивида, а также на индивидуальном согласии как легитимирующем начале, характерный для Санстэйна, можно рассматривать как обоснованную корректировку позиции Сэндела. Соответственно, разногласия с либералами у Санстэйна могут возникать разве что относительно конкретного перечня прав человека и его теоретического обоснования.

Различие республиканских и либеральных взглядов можно было бы усмотреть и в том, что республиканцы принципиально допускают защиту тех или иных общих для всех членов сообщества представлений о достойной жизни. У. Кимлика, например, критикует либеральную демократию за неспособность обеспечивать блага и развивать добродетели, которые необходимы для поддержания способности людей действовать автономно. Он считает наивными предложения таких коммунитаристов, как Сэндел, наделять государство полномочиями навязывать гражданам ту или иную концепцию блага. По мнению Кимлики, Сэндел не смог доказать, что эта политика недискриминационная [Кимлика 2010, 337–342; Cohen 1993]. Критикуя «свободу древних», Кимлика полагает, что политическое участие (самоуправление) нельзя рассматривать как самоценность, поскольку это означало бы навязывание концепции блага. Таким образом, Кимлика фактически следует доминирующим трендам либерализма, считая оправданным защиту тех или иных представлений о достойной жизни лишь в той мере, в которой это соответствует либеральным ценностям [Kymlicka 1998, 136–138]. Он, например, замечает, что даже с точки зрения либерала государство может поддерживать те или иные культурные практики, во-первых, в рамках образовательной политики (формирование личностей, способных к осознанному выбору), во-вторых, защищая разнообразие культурных практик (через налоговые программы, поддержку гражданского общества и т.п.) [Кимлика 2010, 324]. Кроме того, он предлагает поддерживать «питомники гражданских добродетелей» (семья, школа, добровольные ассоциации, рынок), особенно выделяя добродетели публичной разумности и взаимного уважения. В целом подход Кимлики можно охарактеризовать термином «либеральный республиканизм», хотя и Састейн его использует для обозначения своих взглядов. Как и республиканцы, Кимлика ценит гражданские добродетели, а также считает необходимым некоторый уровень политического участия, однако, по его мнению, они не обладают самостоятельной ценностью и не должны быть свойственны каждому гражданину. Будучи либералом, Кимлика четко формулирует свою позицию: навязывание индивидам представлений о «хорошей жизни» недопустимо (соответственно, к демократии вообще не применим этический дискурс); приемлема лишь политика, направленная на формирование у граждан (необязательно у всех) известных личностных характеристик.

Наконец, Ф. Петтит, критикуя Сэндела, исходит из того, что практически все культуры осуждают недобровольное подчинение чужой воле и что борьба с наиболее вопиющими проявлениями этого зла – прерогатива государства. Государство призвано обеспечить индивидуальную свободу, понимаемую как недоминирование, и только в этих рамках удовлетворять те или иные частные интересы. Однако важно не допустить ситуации, когда частное господство сменяет социальное господство. Исходя из этого, Петтит предлагает модель конституционной демократии, основанную на верховенстве закона, разделении властей и контрмажоритаризме («смешанная конституция»), в сочетании с развитием добродетелей, связанных с гражданским контролем над государственной политикой

(«цена свободы – вечная бдительность»), взаимным доверием и приверженностью республиканским ценностям [Pettit 2016, 407–452]. Именно поэтому он инструментально обосновал гражданские добродетели, считая, что благодаря сочетанию «смешанной конституции» и гражданских добродетелей государство способно стать недоминирующим защитником равного недоминирования [Pettit 2012, 1–25].

Понимание свободы как недоминирования Петтит противопоставляет либеральному и коммунитаристскому видению свободы. Либералы исходят из понимания свободы как невмешательства: если индивид совершает выбор самостоятельно, без вмешательства извне, то его можно считать свободным. С точки зрения Петтита, здесь, однако, не учтены два обстоятельства: с одной стороны, уже сама абстрактная возможность вмешательства свидетельствует о несвободе (поэтому в недемократическом обществе граждане несвободны, даже если государство на практике не вторгается в их частную жизнь), с другой стороны, вмешательство, не связанное с чьей-то волей (например, демократического государства, основанного на «смешанной конституции»), нельзя считать покушением на свободу индивида. Коммунитаристы же («республиканцы континентальной традиции»), в трактовке Петтита, исходят из понимания свободы как политического участия (самоуправления), что он считает вульгаризированной версией взглядов Руссо и отождествляет со «свободой древних» по Констану. Оно неверно, так как сакрализует народ, пренебрегает правами индивида, отдает приоритет публичной активности перед частной жизнью и тем самым, по сути, лишь заменяет частное доминирование публичным. Соглашаясь с критикой Сэндела политической культуры США, Петтит полагает, что в современных больших и сложных обществах непосредственное самоуправление и дискуссии об общем благе затруднены [Pettit 2012, 45–47]. Поэтому только тот, кто не участвует непосредственно в самоуправлении, остается свободным (т.е. политическое участие не является безусловным благом).

Указанный подход к республиканизму акцентирует внимание не на политическом участии и гражданских добродетелях, а на ценности индивидуальной свободы, а потому, несмотря на особую интерпретацию этой ценности, очень близок либерализму. В частности, предполагается, что государство должно обеспечивать справедливость, которая состоит в равном отношении к каждому гражданину, и с этой целью защищать некоторые основные свободы [Pettit 2012, 75–129]. Однако, по мысли Петтита, социальная справедливость противостоит только частному господству, тогда как от диктата государства защищает политическая легитимность. В работе «Республиканизм» [Pettit 2016, 28, 315–350] предложена контекстаторная (основанная на оспаривании) концепция демократии, в которой основу легитимности составляет не согласие (явное или неявное) с принимаемыми властью решениями, а возможность их оспаривать, поскольку именно это позволяет людям признавать соответствующие решения «своими». Оспариваемость властных решений, согласно Петтиту, предполагает делиберативность (возможность обсуждения и аргументации с точки зрения общих интересов), инклюзивность (представительство заинтересованных групп населения в органах власти и защищенность последних от влияния могущественных групп интересов) и респонсивность (наличие легитимных формальных процедур для оспаривания, а также для сецессии или отказа от подчинения по моральным соображениям) при принятии решений. Таким образом, для Петтита важна легитимность власти в смысле одобрения ее решений гражданами, что достигается особыми процедурами, отличными от простого испрашивания согласия. В более поздней работе Петтит уточняет, что контроль над властью со стороны народа подразумевает не просто возможность влиять на нее, но и определять направление/результат такого влияния. Народный контроль должен быть индивидуализированным (предполагать равные политические

права граждан), безусловным (зависеть только от воли самих граждан) и эффективным (достаточным для того, чтобы люди не воспринимали государственное принуждение как чужую волю) [Pettit 2012, 160–179].

Исходя из принципа отношения к гражданам как к равным, Петтит отвергает моральную обоснованность единоличного контроля каждым гражданином над решениями правительства. Вместе с тем решения властей должны быть восприняты как легитимные всеми, кто разделяет принцип равенства. Подобное единомыслие кажется утопичным, но мыслитель принимает во внимание принципы совещательной демократии и полагает, что люди способны прийти к общему пониманию хотя бы тех процедур, в соответствии с которыми принимаются конкретные решения (делиберация, таким образом, служит сугубо инструментальным целям). В результате каждый гражданин, преследуя частные интересы, одновременно неосознанно выражает и общественные интересы, соблюдая общепринятые нормы выработки политики. Петтит называет это «двухаспектной моделью демократии». Соответственно, если индивид согласен с принятыми нормами формирования политики, то принуждение со стороны государства нельзя считать доминированием.

По мнению Петтита, на практике недоминирование достижимо через политические механизмы, благодаря которым государственная власть уже не ассоциируется с конкретными индивидами или их группами (разделение властей, федерализм и децентрализация, жеребьевка, права человека, конституционный надзор, ограничение полномочий законодательного органа и т.п.). Следовательно, ее нельзя рассматривать как ущемление свободы: «Если вмешательство не является произвольным, оно не является доминированием» [Pettit 2016, 457]. В целом взгляды Петтита можно рассматривать как вариацию либерализма (либеральный республиканизм) – уважение равной индивидуальной свободы и прав человека, особое значение контроля власти со стороны каждого индивида. Единственная особенность этих взглядов – понимание свободы как недоминирования.

Можно заключить, что взгляды республиканцев варьируют по четырем относительно независимым критериям.

Одни мыслители (например, Сэндел):

- (1) вообще не уделяют внимания правам человека, хотя прямо и не отрицают их;
- (2) не считают согласие индивида непременным условием возникновения у него обязательств перед сообществом;
- (3) рассматривают демократию как сугубо этический феномен;
- (4) признают политическое участие и гражданские добродетели самоценным благом (реализация свободы как самоуправления).

Другие теоретики (например, Санстэйн):

- (1) признают права человека, но лишь те, которые необходимы для делиберации и политического равенства, отрицая «дополнительный» характер каких-либо иных прав;
- (2) считают необходимым всеобщий консенсус в качестве основания политики;
- (3) указывают, что демократия не сводима к этическим дискурсам;
- (4) не признают самоценность политического участия и гражданских добродетелей.

Интересно, что взгляды Ю. Хабермаса тоже можно отнести к промежуточному варианту республиканизма. Его критика направлена против республиканизма коммунитаристского типа, тогда как другие версии этого течения не противостоят идеям Хабермаса.

Наконец, третьи авторы (например, Петтит) в сущности следуют либеральному подходу:

- (1) и права человека, и демократическую легитимность выводят из неприсущего им идеала;

(2) политические обязательства оправдывают не столько согласием, сколько легитимностью государственного устройства, признавая важность восприятия гражданами коллективных решений как «своих»;

(3) не допускают навязывания гражданам общего образа жизни, однако

(4) считают возможным во имя индивидуальной свободы поощрять ответственное политическое участие граждан и развивать соответствующие добродетели.

К либеральному типу республиканизма можно отнести взгляды Кимлики, которого обычно называют либералом, а не республиканцем.

* * *

Возрождение республиканской традиции происходило на фоне противостояния либералов и коммунитаристов. Именно поэтому следовало проанализировать республиканизм по отношению к этим политическим теориям. Было высказано предположение, что при расширительной трактовке коммунитаризма (признание «политики общего блага» как инструмента достижения либеральных ценностей) республиканизм можно рассматривать как версию коммунитаризма. Его особенность состоит в способах, которые позволяют отстаивать «политику общего блага». Так, республиканизм делает акцент на инклюзивном политическом участии и связанных с ним правах, делиберативных практиках и гражданских добродетелях; при этом не «каталоги добродетелей» и не дополитические представления о достойной жизни, а сама демократическая процедура определяет способы коллективного самоуправления. Обнаружена тесная связь республиканизма с демократией, несмотря на то что исторически республику обычно противопоставляют демократии.

Рассмотрение республиканских теорий демократии убеждает в том, что они столь же неоднородны, как и определения республиканизма. Всем им свойственно внимание к политическому участию и гражданским добродетелям, однако разные теоретики придают разный смысл и ценность этим явлениям. Упрощенно все республиканские концепции демократии можно представить в виде двух крайних идеальных типов, один из которых (коммунитаристский) представлен взглядами Сэндела и его сторонников, а второй (либеральный) – взглядами Петтита и его последователей. В свою очередь концепция Санстэйна занимает промежуточное положение между этими идеальными типами (ценность «хорошего общества» и индивидуальной свободы, права человека производны от демократии и т.д.), по ряду признаков приближаясь к либерализму (легитимирующая роль индивидуального согласия, относительная ценность политического участия и гражданских добродетелей, пристальное внимание к законности и разделению властей).

Все это заставляет усомниться в существовании какой-либо особой республиканской теории демократии. Верным представляется мнение Ф. Каннингема, согласно которому «республиканцы, позиционируя себя всецело продемократически, не формулируют уникальную демократическую теорию, но обычно поддерживают некоторую версию партиципативной или, в последнее время, совещательной демократии» [Cunningham 2002, 54]. Причина, по которой нередко говорят о некоей «республиканской теории демократии», видится, в том, что, во-первых, ключевые республиканские авторы (такие, как М. Сэндел или Ф. Петтит) выражают свои идеи через рассмотрение проблем и вызовов демократии, во-вторых, республиканизм обычно противопоставлен либерализму, который тесно связан с понятием либеральной демократии. Соответственно, ее противоположность обозначается как республиканская теория демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Волкова Т.П. (2004) Либералы и коммунитаристы: дискуссия о социальной справедливости продолжается // Вестник МГТУ. № 2. С. 200–207.
- Volkova T.P. (2004) Liberaly i kommunitaristy: diskussija o social'noj spravedlivosti prodolzhaetsja [Liberals and Communitarians: the debate on social justice continues]. *Vestnik of MSTU*, no. 2, pp. 200–207. (In Russ.)
- Даль Р. (2003) Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН. 574 с.
- Dahl R. (2003) *Demokratija i ee kritiki* [Democracy and its critics]. Moscow: ROSSPEN. 574 p. (In Russ.)
- Кимлика У. (2010) Современная политическая философия: введение. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 592 с.
- Kymlicka W. (2010) *Sovremennaja politicheskaja filosofija: vvedenie*. [Contemporary political philosophy: an introduction]. Moscow: Vishaya shkola ekonomiki. 592 p. (In Russ.)
- Петтит Ф. (2016) Республканизм. Теория свободы и государственного правления. М.: Изд-во Института Гайдара. 488 с.
- Pettit Ph. (2016) *Respublikanizm. Teorija svobody i gosudarstvennogo pravljenija*. [Republicanism: A Theory of Freedom and Government]. Moscow: Institut Gajdara. 488 p. (In Russ.)
- Сэндел М. (2013) Справедливость. Как поступать правильно? М.: МИФ. 352 с.
- Sandel M. (2013) *Spravedlivost'. Kak postupat' pravil'no?* [Justice. What's the right thing to do?]. Moscow: MIF. 352 p. (In Russ.)
- Хабермас Ю. (2008) Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука. 417 с.
- Habermas J. (2008) *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [The Inclusion of the Other]. St. Petersburg: Nauka. 417 p. (In Russ.)
- Шавеко Н.А. (2020) Предшествует ли право благу? (Спор между либералами и коммунитаристами) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 3 (98). С. 62–81. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-98-3-62-81>
- Shaveko N.A. (2020) *Predshestvuets li pravo blagu? (Spor mezhdub liberalami i kommunitaristami)* [Does the right precede the good? (A dispute between liberals and communitarians)]. *Politeia*, no. 3 (98), pp. 62–81. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-98-3-62-81> (In Russ.)
- Aronovitch H. (2000) From Communitarianism to Republicanism: On Sandel and His Critics. *Canadian Journal of Philosophy*. № 30(4), pp. 621–647. <https://doi.org/10.1080/00455091.2000.10717547>
- Cohen J. (1993) Kommunitarismus und universeller Standpunkt. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*, no. 41(6), pp. 1009–1020. DOI: 10.1524/dzph.1993.41.6.1009
- Cunningham F. (2002) *Theories of Democracy: A critical introduction*. London, New York: Routledge. 256 p.
- Kymlicka W. (1998) Liberal egalitarianism and civic republicanism: friends or enemies? *Debating Democracy's Discontent: Essays on American Politics, Law, and Public Philosophy* / Allen, Anita L. and Regan, Milton C. Jr (eds). Oxford: Oxford University Press. Pp. 131–148.
- Larmore Ch. (2001) A Critique of Philip Pettit's Republicanism. In: *Social, Political, and Legal Philosophy. Philosophical Issues*, vol. 11, pp. 229–243. <https://doi.org/10.1111/j.1758-2237.2001.tb00045.x>
- Michelman F. (1988) Law's Republic. *The Yale Law Journal*, vol. 97, no. 8, pp. 1493–1537.
- Nusser K.-H. (2002) Expansive Demokratietheorien bei Charles Taylor, Michael Walzer und Jürgen Habermas. *Zeitschrift für Politik*, no. 49(3), S. 250–266.
- Pettit Ph. (2012) *On the people's terms: a republican theory and model of democracy*. New York: Cambridge University Press. 338 p.
- Sandel M. (1996) *Democracy's Discontent: America in Search of a Public Philosophy*. Cambridge, MA: Belknap Press. 417 p.

Sandel M. (1998) Reply to critics. In: *Debating Democracy's Discontent: Essays on American Politics, Law, and Public Philosophy*. Eds: Allen, Anita L. and Regan, Milton C. Jr. Oxford: Oxford University Press. Pp. 319–335.

Sunstein C. (2001) *Designing democracy: what constitutions do*. New York: Oxford University Press. 280 p.

Sunstein C.R. (1988) Beyond the Republican Revival. *Yale Law Journal*, vol. 97, pp. 1539–1590.

Sunstein C.R. (1993a) The Enduring Legacy of Republicanism. In: *A New Constitutionalism. Designing Political Institutions for a Good Society* / Eds. Elkin S.L., Soltan K.E. Chicago, London: University of Chicago Press, 1993. Pp. 174–206.

Sunstein C.R. (1993b) *The Partial Constitution*. Cambridge, MA and London, UK: Harvard University Press. 414 p.

Zeitgenössische Demokratietheorie. Band 1: Normative Demokratietheorien. (2012) Lembcke O.W., Ritzi C., Schaal G.S. (Hrsg.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. 481 S.

Информация об авторе

Шавеко Николай Александрович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Адрес: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16. E-mail: shavekonikolai@gmail.com

About the author

Nikolai A. Shaveko, Candidate of Sciences (Law), Senior Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 620108, Sofya Kovalevskaya st. 16, Yekaterinburg, Russia. E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 29.05.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.10.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.11.2024

УДК 314.6; 317.7; 331.1(73)

DOI: 10.31857/S0869049924060079
EDN: JBDXYR

Оригинальная статья / Original article

Метаморфозы бюджета времени как проявление темпоральных трансформаций общественных отношений (опыт США)

© В.Н. МИНАТ

Минат Валерий Николаевич, Рязанский государственный агротехнологический университет имени П.А. Костычева (Рязань, Россия), minat.valera@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8787-4274

Одним из маркеров трансформации общественных отношений выступает изменение структуры бюджета времени. Преобразование приводит к пересмотру ценностной составляющей рабочего, внерабочего, свободного и досугового времени. Значимость каждого из указанных элементов определяется с позиции экономических, социокультурных, антропологических аспектов, которые влияют на общество в целом и человека труда в частности. Цель исследования – обосновать выявление метаморфоз бюджета времени, которые отражают темпоральные трансформации части американского социума, а также количественно и качественно характеризуют конкретные изменения хронопорядка трудовой и повседневной жизни. Эмпирическое подтверждение высокой корреляции макро- и микростатей бюджета времени получено на примере обширной группы американских граждан, которые связаны трудом и бытом с высокотехнологичными секторами экономики США. Исследуемый временной период характеризуется качественным переходом от классического капитализма к его когнитивной стадии. Показано, что «изъятие» из суммарного фонда все большего количества общественно полезного времени; соединение практик досуга и коммерческого потребления; мнимая свобода выбора человеком структуры рабочего времени сформировали метаморфозы бюджета времени. Изменения закрепили «колонизацию» всех форм внерабочего времени и дезориентацию человека в пространственно-временном континууме труда и досуга. Исследование фиксирует не только социально-экономическую, но и антропологическую опасность «разложения» и «аритмии» хронопорядка человека труда. В ходе анализа индивид рассматривается и как биосоциальный субъект (носитель своего времени), и как объект эксплуатации, при которой полезное время, наряду с человеческим трудом, все активнее отчуждается субъектами капитала с целью сохранения нормы прибыли.

Ключевые слова: темпоральность, когнитивный капитализм, общество постмодерна, антропологический переход, бюджет времени, рабочее время, внерабочее время, свободное время, время досуга, США.

Цитирование: Минат В.Н. (2024) Метаморфозы бюджета времени как проявление темпоральных трансформаций общественных отношений (опыт США) // Общественные науки и современность. № 6. С. 96–110. DOI: 10.31857/S0869049924060079, EDN: JBDXYR

Metamorphoses of the Time Budget as a Manifestation of Temporal Transformations of Social Relations (the US Experience)

© V. MINAT

Valery N. Minat, P.A. Kostychev Ryazan State Agrotechnological University (Ryazan, Russian Federation), minat.valera@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8787-4274

Abstract. One of the markers of the transformation of social relations is the change in the structure of the time budget, leading to a revision of the value component of its elements – working, non-working, free and leisure time. The value of each of these elements is determined from economic, sociocultural, anthropological aspects that influence society in general and the working person in particular. The purpose of the research is to substantiate the identification of time budget metamorphoses that reflect the temporal transformations of a part of American society, as well as quantitatively and qualitatively characterize specific changes in the chronological order of work and everyday life. Using the example of a large group of American citizens connected by work and life with high-tech sectors of the US economy, characterized by the maximization of creative (creative, “knowledge”) postmodern social practices, empirical confirmation of the high correlation of macro- and microitems of the time budget was obtained over a long period characterized by a qualitative transition from classical capitalism to its cognitive stage. It is shown that the “withdrawal” from the general fund of an ever-increasing amount of socially useful free time, the combination of leisure and commercial consumption practices, the imaginary freedom of a person to choose the structure of working time, formed the metamorphoses of the time budget. It consolidated the “colonization” of all forms of non-working time and the disorientation of a person through transforming social relations in the “space-time” and “work-leisure” continuums. Not only the socio-economic, but also the anthropological danger of the “decomposition” and “arrhythmia” of the chronological order of a working person is noted. As a biosocial subject – the bearer of “his” time and as an object of exploitation, in which the useful time of the individual, along with his work, is increasingly alienated by subjects of capital with the goal of maintaining the rate of profit.

Keywords: temporality, cognitive capitalism, postmodern society, anthropological transition, time budget, working time, non-working time, free time, leisure time, USA

Citation: Minat V. (2024) Metamorphoses of the Time Budget as a Manifestation of Temporal Transformations of Social Relations (the US Experience). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 96–110. DOI: 10.31857/S0869049924060079, EDN: JBDXYR (In Russ.)

Введение

Время – самый ограниченный ресурс, нехватка которого неуклонно возрастает с развитием общественных отношений; усложнением креативности и технологической оснащенности труда и быта людей; смещением ценностных ориентиров из сферы общественно полезного труда в сферу долга, обязательств, потребительства и досуга, а также необходимостью расширить пространство духовного и интеллектуального развития человека. Вза-

имосвязь и изменчивость континуумов «пространство–время» и «труд–досуг» получили всестороннюю научную интерпретацию в философском, культурологическом, социологическом, экономическом и антропологическом аспектах.

В узком смысле темпоральность общества рассматривается через систему отношений вне рабочего (ВВ), свободного (СВ) и рабочего времени (РВ), а также времени досуга (ВД), выделяемого в составе СВ. Все указанные структурные элементы времени обладают как количественными, так и качественными характеристиками временных затрат в течение суток, недели, месяца, года, которые формируют разделы соответствующих бюджетов времени (БВ)¹. В широком смысле – время подлежит изучению не просто как невозполнимый экономический ресурс или фактор, влияющий на жизнь и деятельность индивидумов и социумов, но и как экзистенциальная величина, воспринимаемая в рамках определенных эволюционных и революционных изменений. Иными словами, если в первом случае анализируется баланс жизни и труда, то во втором – порождение времени (в структурном плане) общественными отношениями на разных фазах развития: «нет такого времени, которое не зависело бы от порождающего его общества» [Корсани 2015]. Сущность многообразных изменений хронопорядка наиболее объективно раскрывается в рамках междисциплинарного подхода.

Для теории и практики исследования важно понимать, что вне зависимости от смысловой нагрузки в хронологическую ориентацию когнитивных капиталистических [Корсани 2007; Четырова 2022], культурных постмодернистских [Харви 2021; Дискин 2023] и антропологических революционно-переходных [Корсани 2015; Антониоли 2015] трансформаций неизменно включены²:

- динамичная структура времени, выраженная через БВ, – количественная составляющая темпоральных трансформаций общественных отношений (Temporal Transformations of Social Relations, TTSR)³;
- метаморфозы БВ – качественные экзистенциальные проявления темпоральности, основанные на количественно накопленных изменениях структуры времени (продолжительности, ритмах, цикличности, полезности и прочего).

Таким образом, ученые, опирающиеся в своих работах на различные категории в понимании времени как общественного явления, однозначно выделяют универсальность как главное преимущество БВ [Beutell 2010; Kelly et al. 2011]. Отмеченное свойство позволяет

¹ В рамках рассчитанного по определенной методике БВ строится эмпирическая картина разделения труда, структуры временных затрат и иных темпоральных характеристик, отражающих многообразные потребности человека и их динамику в пространственно-временном континууме.

² В частности, гипотеза когнитивного капитализма применительно к исследованию предполагает, что «на новой, когнитивной фазе капитализм преобразует отношение «капитал–труд» в отношение «капитал–жизнь». Речь идет о капиталистическом накоплении, которое отныне основано уже не только на эксплуатации труда в индустриальном смысле, но и на эксплуатации знания, жизни, здоровья, свободного времени, культуры, межличностных отношений ...» [Корсани 2007]. Парадигма постмодерна в отношении организации времени (особенно СВ) в меняющейся структуре социальных сред связана, прежде всего, с чрезвычайно высоким темпом ускорения жизни, в значительной степени разрушающим нравственно-этические основания. Заявленный некоторыми авторами антропологический переход, имеющий широкую трактовку, указывает на революционность поведения (этологию) человека по отношению к разным формам времени, используемым в изменившейся системе практик и ценностей. Человек как субъект – носитель времени, сам преобразует (метаморфозирует) его формы, субъективно меняя БВ, а потому меняется сам как биосоциальный организм, подстраиваясь под новое бытие, определяемое техническим прогрессом и нередко одновременно культурным регрессом [Антониоли 2015].

³ Под темпоральными трансформациями общественных отношений рассматривается такой переход количественных изменений, отражающих структуру времени активного человека, который формирует измененные (метаморфозированные) формы БВ, способствующие закреплению поведения личности в меняющихся условиях жизни, быта, деятельности (труда и «околотрудовой» сферы), экзистенциального восприятия времени.

оценить развитие и интерпретацию социально-экономических процессов во всем многообразии их изменения (движения), учитывая актуальные характеристики современности: рост потребления; цифровая трансформация общества и творческого труда; прекаризация и фрилансерство в сфере занятости; нарастание противоречий между временем, проводимым на работе и в семье.

Оценка БВ в данном случае будет отличаться известной субъективностью, поскольку в условиях современной «революции времени по выбору» [Антониоли 2015] субъектами труда и потребления выступают люди, воспитанные в условиях постфордистского трудового процесса. Последний характеризуется когнитивностью труда, его интеллектуализацией, «... размыванием границ между “работой” и “домом”, гибкостью, “парением” между трудом и игрой в интернете» [Четырова 2022, 26]. В социокультурном плане человеку как субъекту труда при когнитивном капитализме соответствует постмодернистская ментальность. Когнитивный труд и социальный постмодерн воздействуют на антропологию и психологию человека, усиливая противоречие формирования полезного и лишнего времени.

Указанная проблема формируется из традиционного соотношения РВ и СВ. В условиях одновременного роста потребления и сокращения необходимого РВ возникает неприглядная социальная и экзистенциальная картина: «Сокращение необходимого рабочего времени уменьшает вклад человека в общественный котел, не уменьшая, а напротив, увеличивая его вклад в карман капиталиста. Время, которое индивид дополнительно получает в свое распоряжение в результате сокращения (оптимизации) общественного труда, – ни необходимо, ни свободно» [Фатенков 2023]. Аналогичный вывод делает Д. Крэри, рассматривая СВ как человеческий ресурс, который можно дополнительно отнять в пользу работодателя [Крэри 2022]. К нему присоединяется и А. Корсани, рассуждая о «колонизации нерабочего (внеабочего, ВМ) времени, инвестировании всех типов времени в производство стоимости» [Корсани 2015]. Ученые также называют время, «колонируемое» у человека труда, лишним или лишенным как общественной, так и индивидуальной полезности во всех отношениях. В данном случае затрагивается и экономический аспект, поскольку в рамках повышения творческой составляющей трудового процесса недостаток СВ в стратегической перспективе не будет способствовать восстановлению темпов роста производительности труда.

Некоторые исследователи акцентируют внимание на том, что оплата труда подстраивается под метаморфозы БВ. Они определяют исключение из зарплат расходов работников на производственно необходимые занятия людей во ВВ («воспитание, профобразование, содержание в периоды бездействия и отдыха ..., восстановление сил, усталость, старение» [Болтански, Кьяпелло 2011, 435]) как усиление эксплуатации труда за счет его интенсификации, снижения психического и физического здоровья граждан. Современные представители критического марксизма, вслед за К. Марксом и Ж. Бодрийаром, указывают на опасность расчеловечивания и симулякризации общества посредством ценностного пересмотра тех элементов БВ, которые традиционно использовались для восстановления сил и нравственного совершенствования человека. Последователи также отмечают, что СВ и ВД неизменно коррелируются с распределением всех других элементов БВ и всевозможных благ, важнейшим из которых выступает творческое развитие личности [Бузгалин 2018]. Досуговая сфера, превращенная в индустрию, по сути выступает расширением потребления соответствующих товаров и услуг, тем самым исключая ВД из полезного времени.

Следовательно, возникает вопрос о том, какое время можно считать полезным в структуре БВ. Ответ на поставленный вопрос возможен при четком разделении сфер труда и отдыха, так как «сегодня преобладает рабочее время, заданное в качестве основного и модельного для всех остальных типов» [Корсани 2015, 51]. Это разделение должно носить

кластерный структурно-экономический характер с выделением таких сфер жизни и деятельности людей, при которых «навыки и жесты, которые раньше были ограничены рабочим местом, теперь тесно переплелись с самой тканью электронной жизни человека, включая ритм «двадцать четыре часа, семь дней в неделю» [Крэри 2022, 48]. Требуемое разделение элементов БВ позволяет выявить возможность «массового изъятия времени» [Крэри 2022], а также преобладает при выборе экономически активных и работающих граждан США в качестве объекта анализа и оценки. Трудовой потенциал, различные формы учтенной занятости и внеуродовая жизнь указанных резидентов зафиксированы в официальных статистических документах, связанных с кластером высокотехнологичных секторов экономики США⁴.

Цель исследования – выявление метаморфоз БВ, которые отражают темпоральные трансформации части (обширной статистической группы) американского социума, а также количественно и качественно характеризуют конкретные изменения хронопорядка трудовой и повседневной жизни.

На основе теоретических положений выдвинуты следующие гипотезы:

- сокращение «полезной составляющей» БВ, связанной с культурным развитием личности, достигается в современных общественных отношениях за счет «изъятия» из общего фонда все большего количества СВ и фактического перевода последнего в иные формы ВВ и даже РВ без реального увеличения доходов работника, но поддержания нормы прибыли работодателя;

- в рамках БВ когнитивные капиталистические отношения оказывают все более значительное (вплоть до тотального) воздействие на ВД, перевода указанные формы в производственную и стоимостную категории и соединяя практики досуга и коммерческого потребления в единое целое;

- определяемая в качестве антропологического перехода «революция времени по выбору», несмотря на мнимую свободу труда и отдыха, формирует качественно новый тип человека, психологически зависимого от заполнения трудом и потреблением возможно большего личного пространства СВ.

Таким образом, общим местом всех выдвигаемых гипотез выступает усиление эксплуатации человека, но уже не только в форме присвоения его труда в РВ и частично во ВВ, но и за счет навязываемого сервисного контроля над его интеллектом (знаниями) и ценностной ориентацией (посредством симулякров и виртуализации эстетического наслаждения).

Основные понятия, статистические данные и методика исследования

Чтобы выявить и эмпирическим путем установить отмеченные выше метаморфозы БВ необходимо определить понятийную структуру общего фонда времени, а также выбрать релевантную методику анализа динамики БВ и ее последствий.

На рисунке 1 представлены общетеоретические (не привязанные к конкретным показателям) рассуждения об изменении структуры БВ, вызванные сменой классического капитализма (капитал–труд) на капитализм когнитивный (капитал–знания–жизнь). Они схематично отражают ряд реально наблюдаемых тенденций, характерных для американского общества, связанного с высокотехнологичным кластером экономики США.

⁴ В выделенном кластере представлены американские компании, работающие как в сервисном, так и в производящем секторах экономики. Кластеризация отмеченных секторов состоит в том, что человеческий потенциал их компаний характеризуется высокой квалификацией трудовых ресурсов, общностью применения высоких технологий, устойчивым предложением и спросом в сферах труда и капитала, а также свободой трудового процесса, форм занятости и местоположения компаний и внутренней трудовой миграции.

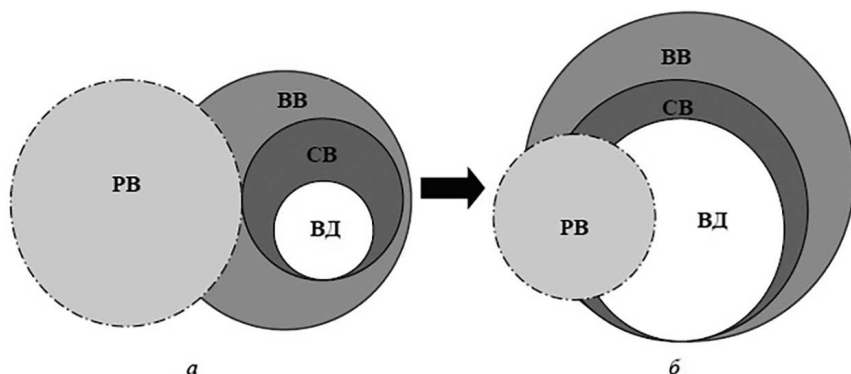

Рисунок 1. Изменение структуры бюджета времени работников высокотехнологичных секторов экономики США при переходе от классического (а) к когнитивному (б) капитализму

Figure 1. Changes in the structure of the time budget of workers in high-tech sectors of the US economy during the transition from classical (a) to cognitive (b) capitalism

Источник: *составлено автором.*

Source: *compiled by the author.*

Во-первых, оплачиваемое РВ в высокотехнологичных секторах экономики США как основополагающий модальный элемент ВВ значительно сокращается абсолютно и относительно, что подтверждается исследованиями автора [Минат 2023а]. Важно, что под РВ следует понимать оплаченные отработанные часы, оценка которых производится согласно методике Бюро трудовой статистики США [Элдридж и др. 2022]. Таким образом, технологический прогресс высвободил из кластера исследуемых отраслей миллионы оплачиваемых человеко-часов, снизив издержки работодателя, уменьшив реальный доход работника и увеличив его ВВ.

Во-вторых, в условиях повышения технологизации труда и быта наибольший прирост времени в составе ВВ пришелся на СВ, а внутри него на ВД, вовлеченного в симуляционное потребление, которое создается и воспроизводится трудом миллионов занятых в высокотехнологичной сфере. При когнитивном капитализме в структуре увеличившегося в объеме ВВ сократились временные затраты работника на трудовую деятельность. Указанные издержки никак не оплачивались в классической капиталистической модели, хотя фактически втягивались в РВ: поездки на работу; регламентированное пребывание на рабочем месте; строгий режим труда; жесткий хронометраж трудовых операций; различные личные согласования и иные «тейлористские пережитки» организации труда. За последние три десятилетия РВ занятых в высокотехнологичных секторах экономики США частично перешло из сферы регламентируемого и четко оплачиваемого за отработанные часы труда в пространство СВ, с которым раньше только граничило, а нарушение границы СВ требовало повышенной оплаты сверхнормативной работы. Наблюдаемый в США рост прекаризации труда в высокотехнологичных секторах экономики [Минат 2023б] косвенно указывает на слияние РВ и СВ значительной части занятых. Следовательно, сократившееся формально РВ метаморфизуется трижды (см. рис.1 б): 1) во взаимодействии с частью ВВ, связанной с трудовым процессом; 2) с частью СВ (например, в условиях прекарной занятости); 3) с частью ВД, путем стирания границы между потреблением

(досуговыми практиками, включая виртуальные) и трудом (работой в цифровом сетевом пространстве).

Как показывают теоретические рассуждения, изменяется не только объем разных элементов БВ (РВ – уменьшается, ВВ, СВ и ВД – увеличиваются), но и его структура. Происходит взаимопроникновение явлений трудового процесса из РВ и части ВВ в СВ и ВД. Понимание качественных изменений, выраженных в искомых метаморфозах БВ, не представляется возможным без анализа количественных характеристик динамики каждого из элементов БВ за определенный исторический период. Необходимо структурирование временного фонда не просто по единицам астрономического времени РВ, ВВ, СВ, ВД, а переход на микроуровень структуры каждого элемента БВ. Более того, требуется рассмотреть приоритетность занятий в течение дня, недели, года, а также их качественное наполнение через призму затрат полезного или лишнего времени на каждый завершённый процесс с точки зрения развития человека.

Задача эмпирической части исследования – выявить «закамуфлированное» использование тех или иных видов человеческой деятельности в качестве нерегламентированного аналога РВ, навязыванием стоимостной природы СВ и ВД через экстраполяцию творческого труда на эти сферы в условиях когнитивных капиталистических отношений.

Релевантной информационно-статистической базой для конкретизации динамики структуры БВ выступают источники данных, сгруппированные как американскими [Glenn, Glaeser 1997; Chatterji et al. 2014], так и отечественными [Растворцева, Череповская 2024] учеными. Опубликованные и общедоступные результаты применения метода статистических группировок представлены в таблице 1 в виде определенных показателей недельных БВ за ключевые годы по исследуемому кластеру высокотехнологичных секторов экономики США.

Логическим продолжением имеющихся статистических группировок выступает корреляционный анализ. Он позволяет рассчитать наиболее вероятные значения, которые должна принять та или иная затрата времени (функция x) при определенных значениях других временных затрат или основных факторов, непосредственно влияющих на x (аргументов α), а также других затрат времени, не влияющих на время–функцию (t). Через x (фактически время–функцию T) можно выразить РВ (1); часть ВВ, связанную с трудовым процессом (2); СВ, исключая ВД (3); непосредственно ВД (4) и для каждого элемента БВ провести анализ и оценку степени воздействия различных факторов на исследуемую затрату времени, количественно выраженную соответствующим коэффициентом β :

$$x = f(\alpha, t) = T_{РВ} = \beta_1 T_{ВВ_{\text{труд}}} + \beta_2 T_{СВ_{\text{безВД}}} + \beta_3 T_{ВД} + t \quad (1)$$

$$x = f(\alpha, t) = T_{ВВ_{\text{труд}}} = \beta_1 T_{РВ} + \beta_2 T_{СВ_{\text{безВД}}} + \beta_3 T_{ВД} + t \quad (2)$$

$$x = f(\alpha, t) = T_{СВ_{\text{безВД}}} = \beta_1 T_{РВ} + \beta_2 T_{ВВ_{\text{труд}}} + \beta_3 T_{ВД} + t \quad (3)$$

$$x = f(\alpha, t) = T_{ВД} = \beta_1 T_{РВ} + \beta_2 T_{ВВ_{\text{труд}}} + \beta_3 T_{СВ_{\text{безВД}}} + t \quad (4)$$

Полученные парные коэффициенты корреляции позволяют обосновать выделение наиболее существенных факторов, в соответствии с которыми можно сгруппировать количественные признаки в искомые метаморфозы БВ в зависимости от тесноты связей и дать им качественную характеристику в свете трансформационных процессов общественного развития.

Таблица 1

**Основные показатели недельного бюджета времени работников кластера
высокотехнологичных секторов экономики США в 1970–2020 гг.
(по ключевым годам), %**

Table 1

**Key indicators of the weekly time budget of workers in the cluster of high-tech sectors
of the US economy for the period of 1970–2020 (key years), %**

Элементы / разделы БВ	Основные совокупные / агрегированные показатели	Ключевые годы						
		1978	1984	1997	2005	2014	2022	
РВ*	Регламентируемые по времени виды работ (основная трудовая деятельность)	27,0	24,7	20,2	15,8	15,2	13,8	
	Затраты времени на организацию процесса труда (непосредственно на рабочем месте)	6,4	5,5	2,4	2,0	2,3	2,0	
	Итого регламентируемое РВ	33,4	30,2	22,6	17,8	17,5	15,8	
	Дистанционные формы основной и организационной деятельности	–	2,2	4,3	9,8	12,2	17,0	
ВВ, связанное с работой	Регламентируемая часть ВВ, связанная с работой, но не оплачиваемая работодателем, включая время на проезд**	7,1	5,0	4,8	5,3	5,0	2,4	
		–	–	0,7	2,0	3,2	1,8	
ВВ, связанное с работой и часть СВ	Нерегламентируемая часть ВВ, включая часть СВ, используемого для повышения профессиональной квалификации и переподготовки**	10,7	12,6	11,7	12,0	10,2	6,7	
		–	–	1,9	4,4	6,9	6,0	
Итого по разделу РВ + ВВ, связанное с работой		51,2	50,0	43,4	44,9	44,9	41,9	
СВ	Добровольная неоплачиваемая работа, волонтерство	5,3	5,9	3,2	2,8	2,3	2,6	
	Домашние дела, устройство быта, воспитание детей, культурная жизнь	12,9	9,7	6,6	5,6	5,3	4,7	
	Официально зарегистрированная свободная занятость (freelancer)	–	6,3	9,0	7,9	7,6	8,0	
СВ, связанное со здоровьем и ВД	Время для восстановления физических сил: физическая культура и спорт, лечение, личная гигиена	4,3	6,2	7,4	4,2	3,0	3,1	
Итого полезное СВ = нерегламентируемая часть ВВ + волонтерство + домашние дела и культурная жизнь + здоровье – freelancer		33,2	34,4	28,9	24,6	20,8	17,1	
ВД	Коммерческий отдых (индустрия реального досуга)***	16,9	18,8	15,0	9,7	6,1	3,9	
		–	–	4,1	3,5	2,6	1,5	
	Индивидуальный отдых	13,4	10,8	3,5	2,7	2,6	2,0	
	Индивидуальный виртуальный досуг***	–	–	11,9	11,8	13,1	16,0	
				8,6	8,9	9,4	12,2	
	Интернет вещей***	–	–	–	10,4	15,1	17,8	
				–	8,5	12,9	14,7	

Окончание таблицы 1
End of Table 1

Элементы / разделы БВ	Основные совокупные / агрегированные показатели	Ключевые годы					
		1978	1984	1997	2005	2014	2022
Итого временных затрат на досуг		26,3	21,9	30,4	34,6	36,9	39,7
Итого по разделу СВ, включая ВД		48,8	50,0	56,6	55,1	55,1	58,1
Общие затраты времени по всем показателям		100	100	100	100	100	100

В настоящем исследовании не учитывается время сна, питания и иных физиологических потребностей человека, занимающих не менее 1/3 БВ.

*согласно американскому Федеральному законодательству, в РВ включены все виды оплачиваемых работ, регламентируемые, но не нормируемые для компаний кластера высокотехнологичных отраслей США (по большей части частных);

**верхнее значение показывает общую долю затрат времени, нижнее (курсивом) – затраты времени в дистанционной форме (посредством сетей);

***верхнее значение отражает общую долю затрат времени на потребления услуг, нижнее (курсивом) – затраты времени на предоставление сервисных услуг в сфере индустрии досуга; – нет данных.

Источник: *составлено автором по данным статистики стран ОЭСР⁵ и национальной статистики США⁶.*

Source: *compiled by the author based on statistical data from OECD countries and national US statistics.*

⁵ 1) OECD Working Papers on Well-being and Inequalities. URL: <https://www.oecd.org/wise/papersandbriefs> (дата обращения: 30.01.2024); 2) Aggregated data. OECD Statistics. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=SOCX_AGG (дата обращения: 21.01.2024); 3) Обзоратель данных ОЭСР (OECD Data Explorer). URL: [https://data-explorer.oecd.org/?fs\[0\]=Topic%2C0%7CEducation%20and%20skills%23EDU%23&pg=80&fc=Topic&bp=true&snb=8](https://data-explorer.oecd.org/?fs[0]=Topic%2C0%7CEducation%20and%20skills%23EDU%23&pg=80&fc=Topic&bp=true&snb=8) (дата обращения: 15.02.2024).

⁶ 1) Бюро статистики труда США (Bureau of Labor Statistics): Alternative Measures of Labor Underutilization for States. U.S. Bureau of Labour Statistics. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=353&soid=22> (дата обращения: 26.01.2024); Characteristics of Minimum Wage Workers. U.S. Bureau of Labour Statistics. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=384&soid=22> (дата обращения: 11.02.2024); Labor Force Participation by State. U.S. Bureau of Labour Statistics. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=446&soid=22> (дата обращения: 20.02.2024); 9) Labor Force Participation by State. U.S. Bureau of Labour Statistics. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=446&soid=22> (дата обращения: 15.02.2024); 10) Unemployment in States and Local Areas (all other areas). U.S. Bureau of Labour Statistics. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=116&soid=22> (дата обращения: 2.03.2024); Labor Force Statistics from the Current Population Survey. 2020. U.S. Bureau of Labour Statistics. URL: <https://www.bls.gov/cps/cpsa2020.pdf> (дата обращения: 13.03.2024); Labor Force Participation Rate. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release/tables?rid=446&eid=784070#snid=784132> (дата обращения: 2.03.2024).

2) Бюро переписи населения США (U.S. Census Bureau): U.S. Census Bureau. Paid and worked hours by industry. URL: <https://www.census.gov/hsaforamerica.com/blog/how-to-prepare-an-employee-census-for-benefits-selection/> (дата обращения: 10.02.2024); U.S. Census Bureau. Accounted hours of free time and leisure of workers. URL: <https://www.census.gov/files/eric.ed.gov/fulltext/EJ1285760.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).

3) Бюро экономического анализа США (Bureau of Economic Analysis (BEA)): BEA. Industry Data. URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=51&step=1> (дата обращения: 3.03.2024); U.S. Bureau of Economic Analysis. Digital Economy. URL: <https://www.bea.gov/resources/learning-center/what-to-know-special-topics> (дата обращения: 3.03.2024); U.S. Digital Economy: New and Revised Estimates, 2017–2022 // U.S. Department of Commerce. The Bureau of Economic Analysis. URL: https://apps.bea.gov/scb/issues/2023/12-december/1223-digital-economy.htm?_gl=1*1kmaa8h*_ga*NDM4Njk5OTYuMTY5MDc4OTA3Mg.*_ga_J4698JNNFT*MTcwOTE5NjgwMC4yLjE5MTcwOTE5NzI4MS4xNC4wLjA (дата обращения: 11.03.2024); Alternative Measures of Labor Underutilization for States. U.S. Bureau of Labour Statistics. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=353&soid=22> (дата обращения: 7.03.2024); Characteristics of Minimum Wage Workers. U.S. Bureau of Labour Statistics. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=384&soid=22> (дата обращения: 5.03.2024).

4) Социальные индексы: List of U.S. states by American Human Development Index. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_U.S._states_and_territories_by_Human_Development_Index (дата обращения: 28.01.2024); Housing

Использование парных коэффициентов корреляции при исследовании БВ позволяет на основе фактических современных и ретроспективных данных, характеризующихся известной статистической неоднородностью, рассчитывать наиболее вероятные значения, которые сопоставимы между собой за длительный период, поскольку отражают пропорции затрат времени (математические функции) при определенных значениях других затрат БВ (математических аргументов). Точность корреляции, несомненно, зависит от репрезентативности и достоверности данных, а также от понимания тенденций усиления либо, напротив, ослабления связей между функцией и аргументом в динамике затрат времени в рамках конкретного периода. Последний имеет условный децильный охват, представленный при расчетах т.н. ключевым годом, выбранным либо ближе к концу десятилетия (1978, 1997, 2024, 2022 гг.), либо в его середине (1984, 2005 гг.).

Считаем, что в настоящей работе отмеченная «ключевая» репрезентативность достаточна для выявления пропорций и корреляционных взаимосвязей затрат времени в рамках БВ.

Обсуждение эмпирических результатов и концептуализация гипотез

Рассчитанные парные коэффициенты корреляции (табл. 2) по группам дохода и возрастным семейным группам работников исследуемого кластера (без учета гендерной принадлежности) отражают наиболее устойчивую обратную связь между сокращением регламентируемого РВ и ростом ВД, что подтверждает выдвинутую гипотезу об объединении практик досуга и коммерческого потребления в единое целое. Экономический смысл такой метаморфозы БВ, в рамках которой тотальный досуг высококвалифицированных американских граждан становится нерегламентированной работой, очевиден – перевод полезного лично развивающего времени из физической в стоимостную категорию. В таком виде работодатель легко отчуждает ВД от работников компаний исследуемого кластера экономики США, что имеет для последнего общественно вредный характер, направленный против творческого развития личности в перспективе. Дополнительным подтверждением служит изменение микроструктуры ВД работников высокотехнологичной сферы. Данное изменение наблюдается от времени, занятого коммерческим и индивидуальным отдыхом в 1970–1980 гг., в пользу виртуализации досуга и интернета вещей, охватившими к 2022 г. более 80% ВД занятого в высокотехнологичных секторах экономики американского работника.

Наиболее выраженная прямая связь к сокращению примерно вдвое прослеживается между регламентируемым РВ и той частью СВ, которая выступает в качестве полезной для духовно-нравственного и физического развития человека. Значительная часть труда в 1970–1980 гг., достаточно четко регламентированная в составе РВ, перемещается в дистанционные формы РВ (преимущественно для молодых работников с наименьшим доходом), а также в сетевые формы досуга, поглощая все больше СВ семейных американцев как с низкими, так и со средними доходами в рамках исследуемого кластера. Указанным перемещениям в немалой степени способствует достаточный уровень образования и

patterns in Metropolitan Areas. 2000. Census Bureau, Housing and Household Economic Statistics Division. URL: http://www.census.gov/hhes/www/housing/housing_patterns/excel_metro2003.html (дата обращения: 25.01.2024); Human Development Indices and Indicators. Statistical Update Briefing note for countries on the 2020. Statistical Update. United States. Available at: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/Country-Profiles/USA.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

5) Статистические обзоры: ProQuest: Statistical Abstract of the United States: the National Data Book (Статистический обзор Соединенных Штатов: Национальная книга данных).

технологических навыков, на совершенствование которых была затрачена значительная доля ВВ вплоть до начала 2020 гг. Выявленная статистикой количественная динамика (см. табл. 1) и подтвержденная рассчитанными коэффициентами (см. табл. 2) перегруппировка статей БВ эмпирически подтверждает гипотезу об «изъятии» из общего фонда все большего количества общественно полезного СВ в пользу тех элементов БВ, где высококвалифицированный сотрудник самостоятельно ведет прибыльную деятельность. Таким образом, происходит снижение издержек, связанных с организацией процесса труда, которые несет собственник средств производства в рамках РВ или части ВВ, ассоциированных с трудом. Одновременно норма прибыли работодателя как минимум поддерживается на определенном уровне, обеспечивающем эффективность профессиональной деятельности работника в процессе воспроизводства.

Таблица 2

Парные коэффициенты корреляции между элементами / разделами бюджета времени по группам дохода и семейного положения работников кластера высокотехнологичных секторов экономики США в 1970–2020 гг.

Table 2

Paired correlation coefficients between elements/sections of the time budget by income and marital status groups of workers of the high-tech sectors cluster US economy in the period of 1970–2020

Элементы / разделы БВ	$T_{РВ}$	$T_{ВВ\text{труд}}$	$T_{СВ}$	$T_{ВД}$
$T_{РВ}$		–0,128 –0,163	–0,306 –0,199	–0,169 –0,130
$T_{ВВ\text{труд}}$	–0,438 –0,373 –0,288		–0,402 –0,379	–0,372 –0,441
$T_{СВ}$	–0,250 –0,302 –0,337	–0,414 –0,390 –0,436		–0,522 –0,379
$T_{ВД}$	–0,139 –0,182 –0,206	–0,289 –0,362 –0,342	–0,084 –0,107 –0,074	

Примечания: Выше диагонали коэффициенты отражают дифференциацию групп по возрасту и семейному положению: верхняя цифра – возрастные и семейные работники, нижняя – молодые, несемейные. Ниже диагонали коэффициенты отражают дифференциацию доходов работников: три цифры сверху вниз отражают увеличение доходов работников компаний, составляющих исследуемый кластер в зависимости от исследуемого десятилетия.

Источник: *рассчитано автором на основе источников, аналогичных таблице 1.*

Source: *calculated by the author based on sources similar to Table 1.*

Однако субъективно определяемая величина полезного времени может иметь двоякую трактовку. В рамках суммы РВ и ВВ, связанных с трудовым процессом, который предполагает инновационный характер выполняемых работ (см. табл. 1), и сокращение доли в БВ на 10%, рост дистанционной формы труда до 17% к 2022 г. и профессионального совершенствования нельзя назвать бесполезным временем. В то же время снижение СВ на восстановление сил, бытовые нужды и спорт у молодых низкооплачиваемых сотрудников

практически до нулевой зависимости в дальнейшем станет фактором снижения качества человеческого потенциала в высокотехнологичных секторах экономики США. Их удел – растущая свободная занятость и виртуальный досуг. Даже среди высокооплачиваемых работников, содержащих семьи, доля общественно полезного СВ снижается в пользу ВД, где наибольшее значение приобретает интернет вещей.

Следовательно, все заявленные гипотезы системно характеризуют изменчивую (метаморфизированную) сущность БВ в условиях новых общественных отношений, которые затрагивают социально-экономическую и антропологическую природу человека труда. Работник легко приспосабливается к когнитивным изменениям сознания и сервисного досуга, а также перераспределяет время на труд и отдых в пользу нерегламентированных форм РВ, «закумуфлированного» под ВВ, СВ, и особенно ВД.

Подтверждение гипотезы о формировании качественно нового типа человека, зависимо-го от заполнения трудом и потреблением как можно большего личного пространства СВ, не может иметь четких количественных доказательств в силу оценки психологического отношения ко времени. Тем не менее, темпоральная трансформация части американского общества, связанного с высокотехнологичными секторами экономики США, гипотетически переходит от принципа «делу время – потехе час» к объединению процесса производства и потребления по сценарию Дж. Крэри. Данный процесс не может не создавать соответствующие метаморфозы БВ в исследуемых континуумах, что выступает лишь одним из заметных маркеров трансформации общественных отношений, влияющих на психологию и затрагивающих антропологию человека.

Выводы о метаморфозах бюджета времени и их опасностях

Основная метаморфоза БВ – это «колонизация» ВВ, предполагающая «инвестирование» его частей – СВ и ВД – в «производство стоимости». Отсюда, фактически уходит в тень часть РВ, видимая составляющая которого сокращается под воздействием технологического прогресса и социальной модернизации. Главным эмпирическим доказательством ее успешного формирования служит выявленная корреляция между всеми указанными элементами БВ и перераспределением статей единого временного фонда в разрезе «перетока» нерегламентируемого времени труда в сферу отдыха, восстановления сил, быта и досуга человека. Указанную трансформацию можно считать перераспределением экономического и социального назначения времени как ресурса, определяющего полезность последнего в общественном развитии. Следовательно, происходит снижение полезного времени под влиянием когнитивных капиталистических трансформаций, порождающих изменение БВ.

Не менее важной метаморфозой БВ представляется и дезориентация человека во времени. Она основана на коррелируемой тесноте обратной связи между «разрастанием» ВД и уменьшением затрат времени на все иные статьи СВ, что отражает экзистенциальный характер изменения восприятия типов времени и смены темпоральных ценностей. Пример высококвалифицированных работников США, поглощенных «технологической зависимостью» в процессе труда, отражает субъективный перенос технологизации и на сферу потребления, захватившую большую часть ВД. Окончательно укрепившийся постфордистский менталитет постепенно ведет человека творческого труда к виртуализации бытового сознания, интернету вещей, а также отдаляет его от регламентированного труда в пользу его дистанционных форм. Таким образом, метаморфозу, связанную с дезориентацией человека во времени, можно считать антропологически переходной и носящей социокультурный революционный характер,

который связан с преодолением отчуждения своего полезного времени посредством виртуализации активного досуга.

Важно отметить, что заявленные нами метаморфозы БВ носят системный концептуальный характер, в целом поддерживающий макропропорции единого временного фонда для исследуемого кластера американского общества. На протяжении всего исследуемого периода соотношение разделов РВ совместно с ВВ, которое связано с работой и затратами СВ и включает растущую долю ВД, остается в целом стабильным. В 1984 г. пропорция двух разделов составляла 50/50, а к 2022 г. соотношение изменилось всего лишь на 8% в пользу раздела «СВ, включая ВД».

Смещение приоритетов с навыков, формируемых в РВ, в пользу знаний (при несводимости когнитивного капитализма к экономике знаний), получаемых преимущественно во ВВ требует не только изменения структуры БВ, но и его хронологического порядка – приоритетов временных затрат в течение дня, недели, всей активной жизни. Следовательно, конкретизация свободы выбора в системах «пространство–время» и «труд–досуг» выражается в модуляции приспособительных типов темпоральности – самозанятости, precariousности, изменения повседневных практик. Однако указанная независимость обманчива, поскольку нарушается нормальный режим, биологический ритм, периодичность интенсивного труда и восстановительного отдыха. Время ускоряется и дробится, человек теряет над ним контроль, поддаваясь соблазну навязчивого досуга, поэтому контроль незаметно и нерегламентированно переходит от человека труда к условному капиталисту – когнитивный капитализм ожидаемо интерпретируется как надзорный [Зубофф, 2022], а в практической плоскости – платформенный [Срничек, 2021].

В данной трансформационной схеме время одновременно участвует и как изымаемый специфический ресурс, и как экзистенциальная угроза повышения эксплуатации под контролем искусственного интеллекта, способного к непредвзятому поддержанию баланса времени с целью снизить издержки работодателя и сохранить норму его прибыли в обществе тотального симуляционного потребления. Опасность метаморфоз БВ состоит в том, что они выступают материально-временной основой, на базе которой специфический фактор (время) отчуждается наряду с трудом, создавая предпосылки для поддержания нормы прибыли в капиталистическом производстве когнитивно-надзорного и платформенного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Антониоли М. (2015) Эстетическая стадия производства / потребления и «революция времени по выбору» // Логос. Т. 25. № 3 (105). С. 120–137.

Antonoli M. (2015) The Aesthetic Stage of Production / Consumption and the “Revolution of Time by Choice”. *Logos*. Vol. 25, no. 3 (105), pp. 120–137. (In Russ.)

Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011) Новый дух капитализма. Пер. с фр. М.: Новое литературное обозрение. 976 с.

Boltanski L., K'zapello E. (2011) *Novyi dukh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. Translation from French. Moscow: New Literary Review. 976 p. (In Russ.)

Бузгалин А.В. (2018) Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений // Вопросы политической экономии. № 2 (14). С. 10–39.

Buzgalin A.V. (2018) Late Capitalism and its Limits: Dialectics of Productive Forces and Production Relations. *Voprosy politicheskoy ekonomii*. no. 2 (14), pp. 10–39. (In Russ.)

Дискин И.Е. (2023) Постмодернизм: философская парадигма или социологическая объяснительная схема // Общественные науки и современность. № 1. С. 7–19. <https://doi.org/10.31857/S086904992301001X>

Diskin I.E. (2023) Postmodernism: Philosophical Paradigm or Sociological Explanatory Scheme. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 1, pp. 7–19. <https://doi.org/10.31857/S086904992301001X> (In Russ.)

Зубофф Ш. (2022) Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во Института Гайдара. 784 с.

Zuboff Sh. (2022) *Epoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhah vlasti* [The Era of Surveillance Capitalism. The Battle for the Human Future on the New Frontiers of Power]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. 784 p. (In Russ.)

Корсани А. (2007) Капитализм, биотехнология и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. № 4 (61). С. 123–143.

Korsani A. (2007) Capitalism, Biotechnoscience and Neoliberalism. Information for Thought on the Relationship between Capital, Knowledge and Life in Cognitive Capitalism. *Logos*. no. 4 (61), pp. 123–143. (In Russ.)

Корсани А. (2015) Трансформация труда и его темпоральностей. Хронологическая дезориентация и колонизация рабочего времени // Логос. Т. 25. № 3 (105). С. 51–71.

Korsani A. (2015) The Transformation of Labor and its Temporalities. Chronological Disorientation and Colonization of Working Time. *Logos*. Vol. 25, no. 3 (105), pp. 51–71. (In Russ.)

Крэри Дж. (2022) 24/7. Поздний капитализм и цели сна. Пер. с англ. М.: ИД ВШЭ. 136 с.

Kreri Dzh. (2022) *24/7. Pozdnii kapitalizm i tseli sna* [24/7. Late Capitalism and the Goals of Sleep]. Translation from English. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 136 p. (In Russ.)

Минат В.Н. (2023а) Взаимосвязанная динамика продолжительности, производительности и «бессмысленности» труда (отраслевой аспект на примере США) // Общественные науки и современность. № 5. С. 19–32. <https://doi.org/10.31857/S0869049923050027>

Minat V.N. (2023a) Interrelated Dynamics of Duration, Productivity and “Meaninglessness” of Labor (Industry Aspect using the Example of the USA). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 5, pp. 19–32. <https://doi.org/10.31857/S0869049923050027> (In Russ.)

Минат В.Н. (2023б) Реализация социальных программ в условиях нарастающей прекаризации труда: региональные аспекты на примере США // Федерализм. Т. 28. № 2 (110). С. 139–160. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-139-160>

Minat V.N. (2023b) Implementation of Social Programs in Conditions of Increasing Precarization of Labor: Regional Aspects using the Example of the USA. *Federalizm*. Vol. 28, no. 2 (110), pp. 139–160. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-139-160> (In Russ.)

Растворцева С.Н., Череповская Н.А. (2024) Кластеры как драйверы регионального экономического развития: практика США // Мировая экономика и международные отношения. Т. 68. № 2. С. 27–38. <https://doi.org/10.20542/0431-2227-2024-68-2-27-38>

Rastvorceva S.N., Cherepovskaya N.A. (2024) Clusters as Drivers of Regional Economic Development: US Practice. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 68, no. 2, pp. 27–38. <https://doi.org/10.20542/0431-2227-2024-68-2-27-38> (In Russ.)

Срничек Н. (2021) Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 128 с.

Srnichek N. (2021) *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 128 p. (In Russ.)

Фатенков А.Н. (2023) Современный капитализм в ракурсе критической теории общества // Социологические исследования. № 11. С. 157–161. <https://doi.org/10.31857/S013216250028545-2>

Fatenkov A.N. (2023) Modern Capitalism from The Perspective of a Critical Theory of Society. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 11, pp. 157–161. <https://doi.org/10.31857/S013216250028545-2> (In Russ.)

Харви Д. (2021) Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений. Пер. с англ. М.: ИД ВШЭ. 576 с.

Harvi D. (2021) *Sostoyanie postmoderna: issledovanie istokov kul'turnykh izmenenii* [The Postmodern Condition: Exploring the Origins of Cultural Change]. Translation from English. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 576 p. (In Russ.)

Четырова Л.Б. (2022) Проблема трансформации труда в постсоциалистической перспективе // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 22–33. <https://doi.org/10.31857/S0869049922010105>

Chetyrova L.B. (2022) The Problem of Labor Transformation in a Post-Socialist Perspective. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 1, pp. 22–33. <https://doi.org/10.31857/S0869049922010105> (In Russ.)

Элдридж Л., Пабилона С., Палмер Д., Стюарт Д., Варгезе Д. (2022) Уточненный метод оценки отработанных часов для измерения производительности // *Экономист*. № 11. С. 31–60.

Eldridzh L., Pabiloniya S., Palmer D., Styuart D., Vargeze D. (2022) An Improved Method for Estimating Hours Worked to Measure Productivity. *Ekonomist*. no. 11, pp. 31–60. (In Russ.)

Beutell N.J. (2010) Work Schedule, Work Schedule Control and Satisfaction in Relation to Work-Family Conflict, Work-Family Synergy, and Domain Satisfaction. *Career Development International*. Vol. 15. Issue 5. Pp. 501–518. <https://doi.org/10.1108/13620431011075358>

Chatterji A., Glaeser E., Kerr W. (2014) Clusters of Entrepreneurship and Innovation. *Innovation Policy and the Economy*. Vol. 14. Pp. 129–166. <https://doi.org/10.1086/674023>

Glenn E., Glaeser E.L. (1997) Geographic Concentration in US Manufacturing Industries: A Dartboard Approach. *Journal of Political Economy*. Vol. 105. Issue 5. Pp. 889–927. <https://doi.org/10.1086/262098>

Kelly E.L., Moen P., Tranby E. (2011) Changing Workplaces to Reduce Work-Family Conflict: Schedule Control in a White-Collar Organization. *American Sociological Review*. Vol. 76. Issue. 2. Pp. 265–290. <https://doi.org/10.1177/0003122411400056>

Информация об авторе

Минат Валерий Николаевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Рязанского государственного агротехнологического университета имени П.А. Костычева. Адрес: 390044, Россия, Рязань, ул. Костычева, 1. E-mail: minat.valera@yandex.ru

About the author

Valery N. Minat, Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Department of Economics and Management, P.A. Kostychev Ryazan State Agrotechnological University. Address: 390044, Kostycheva St. 1, Ryazan, Russian Federation. E-mail: minat.valera@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 12.05.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 27.09.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.11.2024

МЕДИЙНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ MEDIA STUDIES

Оригинальная статья / Original article

От медиаграмотности к медиафилософии: западная мысль XX–XXI вв. о жизни в информационном обществе

© Н.М. МОСКАЛЕНКО

Москаленко Наталья Михайловна, Донецкий государственный университет (Донецк, Россия), n.moskalenko@donnu.ru. ORCID: 0009-0003-1566-7975

Актуальная для современной медиалогии проблема формирования медиаграмотности рассмотрена в контексте развития западной социогуманитарной, в том числе философской, мысли последнего столетия. Показано, что проблема взаимоотношений человека и мира информации занимала авторов, которые исследовали не только СМИ и их роль в современном обществе, но и фундаментальные принципы бытия человека в ситуации кризиса его индивидуальной и общественной идентичности. Сделан вывод, что взаимоотношения человека и общества с миром информации и СМИ можно описать двумя моделями медиаповедения. Первая модель предполагает низкий уровень субъектности реципиентов информации и, соответственно, их зависимость от политики, проводимой СМИ. Вторая модель описывает сообщество с высоким уровнем медиаграмотности, а значит – менее подверженное манипулятивным технологиям со стороны СМИ. Отмечается, что повышение уровня знаний о СМИ до статуса раздела философии, медиафилософии, тем не менее оставляет неизменным главное предназначение этой новой науки – поддерживать и развивать медиаграмотность.

Ключевые слова: В. Беньямин, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, медиаграмотность

Цитирование: Москаленко Н.М. (2024) От медиаграмотности к медиафилософии: западная мысль XX–XXI вв. о жизни в информационном обществе // Общественные науки и современность. № 6. С. 111–123. DOI: 10.31857/S0869049924060081, EDN: JBCLAR:

From Media Literacy to Media Philosophy: Western Thought of the XXth–XXIst Centuries on Life in the Information Society

© N. MOSKALENKO

Natalia M. Moskalenko, Donetsk State University (Donetsk, Russia), n.moskalenko@donnu.ru.
ORCID: 0009-0003-1566-7975

Abstract. The problem of media literacy development, which is relevant for modern media studies, is considered in the context of the evolution of Western socio-humanitarian, including philosophical, thought of the last century. It is shown that the problem of the relationship between man and the world of information throughout this time has been of interest to authors who wrote not only about the media and their role in modern society, but also about the fundamental principles of human existence in a situation of crisis of individual and social identity. It is concluded that the relationship between man and society with the world of information and the media can be described by two models of media behavior. The first model assumes a low level of subjectivity of information recipients and, accordingly, their dependence on the policy pursued by the media. The second model describes a community with a high level of media literacy and therefore less susceptible to manipulative technologies of the media. It is noted that raising the level of knowledge about the media to the status of a section of philosophy, media philosophy, nevertheless leaves unchanged the main purpose of this new science, that is supporting and developing media literacy.

Keywords: W. Benjamin, M. Heidegger, H.-G. Gadamer, M. Foucault, J. Baudrillard, M. Horkheimer, Th. Adorno, H. Marcuse, J. Habermas, media literacy

Citation: Moskalenko N.M. (2024) From Media Literacy to Media Philosophy: Western Thought of the XXth–XXIst Centuries on Life in the Information Society. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6. pp. 111–123. DOI: 10.31857/S0869049924060081, EDN: JBCLAR (in Russ.)

Медиаграмотность как элемент философской повестки

К настоящему времени вышел весьма солидный объем исследований, в которых рассматривается феномен медиаграмотности, то есть комплекс представлений о нормативном поведении человека в информационном обществе. Этот феномен получил самые разные определения, которые сводятся к тем или иным конфигурациям трех компетенций, а именно: умение находить в СМИ необходимые сведения, способность адекватно их воспринимать и интерпретировать, а также навыки самостоятельно создавать медийную продукцию [Казаков 2017]. Медиаграмотность рассматривают и как комплекс компетенций более высокого уровня, которые сводятся к «пониманию природы и основных принципов деятельности СМИ» [Варпанова 2018] или даже к герменевтической по своей природе и универсальной мультиграмотности, то есть обладанию широким диапазоном навыков работы с текстами [Galaktionova, Kazakova 2022].

На Западе медиаграмотность воспринимают точно так же – как субъект-объектные отношения человека с миром информации. Истоком медиаграмотности называют античную риторику, поскольку ораторское мастерство и способность к критическому мышлению она трансформировала в навыки публичной политики. Возникновение современного понимания этого свойства образованной личности относят ко второй половине XX в. –

времени стремительного наращивания коммуникационного опыта в индивидуальных и общественных практиках [Hobbs, Jensen 2009]. Поэтому эволюция представлений о медиаграмотности в западной социально-философской мысли XX в. естественным образом происходила в тесной взаимосвязи с вехами развития самого гуманитарного знания. Проследить динамику такой взаимосвязи важно для понимания того, как менялись представления о нормативном медиапотреблении с межвоенной эпохи и до начала XXI в. Этой проблемой – связью представлений о медиаграмотности с основными философскими и социокультурными трендами разных периодов современности (то есть примерно эпохи последнего столетия) – занимается современная американская исследовательница Р. Хоббс. Она считает медиаграмотность «незавершенным проектом, который каждое поколение должно заново изобретать» [Hobbs 2016]. Хоббс прослеживает, как в системе культурно-смысловых координат того или иного этапа современности отражалось понимание медиаграмотности. Из российских авторов на эту тему пишет Н.Б. Кириллова, которая рассматривает медиаграмотность несколько шире – как медиакультуру, то есть «совокупность информационно-коммуникативных средств», а также «материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа» (привнесение в понятие аксиологического измерения и позволяет подниматься с уровня «грамотности» на уровень «культуры»). Такая совокупность стала возможной в результате «синтеза технической революции и культуры модерна» [Кириллова 2006]. Указанные наработки обозначают направление дальнейших исследований темы на стыке философии и медиакommunikаций. Научная новизна такой фокусировки будет заключаться в более детальном исследовании взаимосвязей философских повесток разных хронологических отрезков XX–начала XXI вв. и современных им представлений о медиаграмотности.

От межвоенного модернизма к феноменологии и постмодернизму: констатация данности

Опосредованно родоначальником современных подходов к пониманию медиаграмотности можно считать немецкого философа и теоретика культуры В. Беньямина. Этого мыслителя трудно отнести к приверженцам какого-то определенного философского направления: он работал в широких рамках модернистских представлений первой половины XX в. Такие подходы изложены в его основополагающем труде «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Эта работа не о СМИ, а о различных новых видах искусства, в том числе фотографии и кино. Между тем проблематика медиа подается в контексте их новой роли в противостоянии фашизма и коммунизма: ответом на фашистскую «эстетизацию политики» стала коммунистическая «политизация искусства» [Беньямин 2012]. Иными словами, искусство, чтобы быть не имитационным, постановочным, а подлинным, должно иметь обратную связь с аудиторией, на которую оно рассчитано. То же самое можно сказать и об «искусстве» подачи информации. СМИ должны стать своего рода коммуникационными площадками, а не закрытыми кастами. Если развить далее эту мысль Беньямина, можно заключить, что медиаграмотность достигается соучастием, сотворчеством аудитории и медийных работников.

Первый феноменологический подступ к медийности предпринял немецкий философ М. Хайдеггер также еще в межвоенное время в работе «Бытие и время». Он утверждал, что «проговоренное» всегда содержит в себе как «понимание», так и одновременно «толкование», и отмечал, что обычно «не столько понимают сущее, о котором речь», сколько воспринимают исключительно «проговариваемое». На данном основании философ заключал: «Проговоренное как таковое описывает все более широкие круги и принимает

авторитарный характер». Так «конституируются толки», представляющие собой «возможность все понять без предшествующего освоения дела». Собственно, эти утверждения можно воспринимать как общую схему воздействия СМИ на потребителя информации. Важным для понимания природы медиа стало объяснение Хайдеггером феномена любопытства, которое создает «непокой и возбуждение через вечно новое и смену встречающего» и «озабочивается знанием, однако исключительно для сведения». Оба этих феномена взаимосвязаны: «Толки правят и путями любопытства, они говорят, что человек должен прочесть и увидеть». Любопытство же, в свою очередь, «изобретает новости» [Хайдеггер 1997]. Указанная Хайдеггером траектория от «проговоренного» до «новостей» представляет собой определенный вызов, на который и должна отреагировать медиаграмотность, которая только и способна сделать человека более субъектным в его взаимоотношениях с информационным пространством.

Спустя несколько десятилетий соотечественник Хайдеггера, Х.-Г. Гадамер, в своем труде «Истина и метод» развил феноменологический подход Хайдеггера к процессу понимания, важному для характеристики поведенческих мотивов человека информационного общества. Фактически вся система Гадамера строится на рассмотрении с разных точек зрения того, как такой процесс происходит. Достаточно привести в пример хотя бы предлагаемую им модель «герменевтического разговора», в ходе которого между акторами происходит «коммуникация, превышающая простое приспособливание друг к другу», когда сам предмет коммуникации принимает текстовой формат, а результативность подобного общения зависит от интерпретаций этого текста [Гадамер 1988]. Данное предельно отвлеченное суждение фактически реконструирует взаимоотношения человека и медиасферы, при котором имеются потребитель, определенный структурированный месседж (текст) и его интерпретаторы (СМИ). Правда, здесь, в отличие от утверждений Хайдеггера, в которых субъектность потребителя информации выглядит весьма условной, у второй стороны «герменевтического разговора» предполагается наличие определенного уровня подготовленности к этому общению, то есть медиаграмотности.

В постмодернизме тематика медиа выглядит более многоаспектной. Сюда можно отнести концепцию управления через дискурсы французского философа М. Фуко, в частности, введенное им понятие «дискурсивные сообщества», которые производят и сохраняют дискурсы, а через это обеспечивают собственную избранность [Фуко 1996]. Сообразно установке таких «дискурсивных сообществ» определяются и задачи противостояния им, в том числе посредством взращивания того, что понимают под медиаграмотностью. Французский социологи и философ Ж. Бодрийяр более радикален: он обвиняет современные СМИ в том, что они служат «антипроводником», считает их антикоммуникативными, если под коммуникацией подразумевать обмен. Словом, СМИ «являют собой то, что навсегда запрещает ответ, что делает невозможным процесс обмена», разве что кроме его «симуляции» [Бодрийяр 1999]. Вместе с тем даже такие, казалось бы, веские аргументы в пользу переформатирования взаимоотношений индивида и СМИ вполне вписываются в совершенный постмодернистами фундаментальный разворот философской мысли от онтологии к гносеологии, точнее, к ее множественным практикам, преподносимым как равноценные. В этом смысле прав британский социолог Ф. Уэбстер в своем критическом разборе постмодернистского подхода к информации. Он отметил, что и применительно к этой проблеме приверженцы данного философского течения предпочитают специфическую гносеологию онтологии и утверждают: «...мы живем не в мире, о котором у нас есть какая-то информация. Напротив, мы обитаем в мире, созданном информацией» [Уэбстер 2004].

В поисках нормативности и ее критериев

Естественно, уже сама по себе изначальная установка медиаграмотности – постулировать некую нормативность – не могла не прийти в непримиримый конфликт с основополагающим постмодернистским принципом нецеленаправленных интерпретаций и переинтерпретаций субъективных восприятий действительности. Французский теоретик литературы Р. Барт констатировал «смерть автора», то есть субъекта, утверждающего правильность понимания его произведения. Барт свидетельствовал об открывающихся перспективах «контртеологической, революционной по сути своей деятельности» по ничем не ограниченному и предельно субъективному объяснению мира [Барт 1989].

Однако в такой системе координат неизбежно возникает противоречие с основополагающей целью медиа (и медиаграмотности как определенной квалификации, требующейся для восприятия СМИ) – информировать не хаотично и бессистемно, а целенаправленно, создавать для потребителя информации определенную картину. Вместе с тем заданный социогуманитарный мейнстрим все же требовал от послушного и управляемого западного общества адаптации к релятивистской моде. В результате бесконечные и неконтролируемые интерпретации для подавляющего большинства приняли форму не индивидуальных практик, а своего рода коммуникативных поведенческих установок.

Так, развивая хайдеггеровское истолкование феномена «болтовни», итальянский семиолог П. Вирно указывает на «выдающуюся роль социальной коммуникации», на ее «автономию» от «предписанных целей», от «обязательств честного воспроизведения истины» [Вирно 2013]. Тем самым коммуникации перетянули на себя главные функции медиа – информировать и объяснять – и при этом сохранили «верность» постмодернистским ценностным установкам, а также подготовили общество к уходу в Сеть, где каждый оказывается одновременно и потребителем, и производителем медиаконтента.

Немецкий философ в области медиа Ф. Хартман идет еще дальше и отмечает, что в настоящее время коммуникология берет на себя те функции, которые прежде выполняла философия. (Правда, в данном случае под философией понимается именно постмодернистское мировоззрение, которое сводится к игре с дискурсами и неограниченным интерпретациям). Мыслитель утверждает: «Мы не привыкли к этим культурным изменениям с их сочетанием дискурсов и не развили соответствующие навыки интерпретации, что, в свою очередь, привело к буму в коммуникативных науках и, прежде всего, в теории медиа» [Hartmann 2000]. Такое наблюдение и позволяет Хартману констатировать появление феномена «медиафилософии». Вместе с тем Хартман понимает всю условность причисления «медиафилософии» к области рационально верифицируемого знания и призывает рассматривать ее как «медиально генерированный символический порядок», который остается «незавершенным, но открытым для тех или иных целей» [Хартман 2013] – то есть для тех же множественных переинтерпретаций, о которых говорили постмодернисты в 1960–1980-х гг.

Однако философское знание немыслимо без универсалий. Что в таком случае можно считать универсалиями для медийных коммуникаций? На этот вопрос дают самые разные ответы. С. Мюнкер из Гейдельбергского университета видит в «медиафилософии» прежде всего «рефлексию основ научных дискурсов о медиа» [Мюнкер 2013]. Д. Мерш (Потсдамский университет) признает, что у знания, относимого к «медиафилософии», отсутствуют два ключевых для любого системного знания параметра – «онтология» и «хронологическая определяемость». Однако он считает, что сам по себе этот феномен возможно уловить в его трансформациях [Мерш 2013]. Заведующий кафедрой теории изображения Йенского университета Л. Визинг вообще отказывается рассматривать «медиафилософию»

в качестве «академической дисциплины» [Визинг 2013]. Таким образом, теоретические наработки в области медиа с большой натяжкой можно идентифицировать как имеющие отношение к области знания, оперирующего универсалиями.

В ситуации спада интереса к «классическому» постмодернизму и одновременно стремительного погружения человека в цифровую реальность проявился запрос на социализацию. Он неизбежно реабилитировал и нормативность, хотя бы рамочную, обеспечивающую смыслы коммуникативного полилога. Между тем сетевая медийная среда – это пространство не полилога, а какофонии индивидуальных саморепрезентаций, при которых потребление и производство информационного продукта оказываются единым процессом. Поэтому сама постановка вопроса о том, что собой должна представлять в таком пространстве какая-либо общепринятая норма, оказывается неправомерной. В крайнем случае вопрос можно свести к апофатике – выявлению недопустимых способов ограничения медиапотребления. Жесткая констатация немецкого философа, историка искусства и антрополога Д. Кампера такова: «...теперь, в ситуации автономности и самореферентности медиа, ключевым условием становится строгая логика принуждения» [Кампер 2013]. Пока он выражает позицию крайне немногочисленного сообщества.

Медиасферу весьма косвенно изучали в рамках феноменологического и постмодернистского направлений, хотя анализировали и в близком приближении. Например, немецкий социолог, теоретик кинематографа З. Кракауэр, уделяя много внимания изучению современной ему массовой культуры, утверждал, что капиталистической системе присуща тяга к абстракции, к «ложной конкретике». Однако такой процесс рано или поздно завершается протестным запросом человека капиталистического общества на рациональность [Кракауэр 2019]. Нетрудно экстраполировать взгляд Кракауэра и на медиа. Если официально, сверху аудитории навязывают имитацию, подделку – абстракцию, то альтернативой этому может стать только подлинность.

Для формулирования запроса на медиаграмотность много сделали основатели Франкфуртской философской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно. В их изображении публично декларируемые цели и установки индустрии культуры всегда носят имитационный характер. Однако чтобы эту имитационную по своей сути установку не раскрыли, индустрия предпочитает говорить с потребителем ее продукции на предельно отвлеченном языке, «практикует схематизм в качестве самой первой услуги клиенту». По мере усиления зависимости такого клиента от предлагаемого ему набора услуг индустрия становится с ним все более строгой и дисциплинирующей. Тем не менее подобный процесс подчинения общества «культуриндустрией» все же конечен: чем дальше она уходит в схематизм от запросов реальной жизни, тем более примитивными смыслами начинает оперировать [Хоркхаймер, Адорно 1997]. Такая девальвация при всей ее управляемости делает неминуемым запрос на выстраивание новых взаимоотношений с реальной действительностью, в рамках которых медиаграмотность становится необходимой.

Коллега Хоркхаймера и Адорно по Франкфуртской школе, Г. Маркузе, не ограничился лишь критической констатацией разрушительного потенциала «культуриндустрии». Он стал подталкивать современного человека к тому, чтобы тот отказался от «чрезмерного развития», от мер по «поддержанию деструктивного процветания», чтобы обрести новую рациональность для «умиротворенного существования» [Маркузе 1994]. Понятно, что никаких практических рекомендаций, как именно следует отказаться, Маркузе не дал, но предлагаемое им самоограничение в качестве своего рода отрезвления вполне можно рассматривать применительно к медиасфере в виде избирательности, аккуратности, целевого использования медийных ресурсов вместо их превращения в жизненное пространство.

Безусловно, для понимания феномена медиаграмотности исключительно важна концепция публичной сферы Ю. Хабермаса, представителя второго поколения Франкфуртской школы. Мыслитель пытается сопротивляться современным трансформациям рыночного общества и ностальгирует по буржуазной публичной сфере, которая в Новое время стала средой взращивания частного интереса как такового, а следовательно, способствовала превращению публики в субъект политического действия. По мнению Хабермаса, буржуазная публичная сфера выходит из недр «литературной публичной сферы», представленной в том числе периодическими изданиями. Однако в настоящее время, как считает философ, медиа выродились точно так же, как и буржуазная публичная сфера [см. Юдин 2017]. Следовательно, для преодоления этого нового монополизма – теперь медийного – требуется новая критичность, прежде всего оценочная и в целом интеллектуальная. Собственно, медиаграмотность и выполняет функции такой критичности.

В Новом Свете подступы к теоретической разработке медиаграмотности прослеживаются у канадских исследователей – экономиста, исследователя культуры и средств коммуникации Г. Инниса и культуролога Г. Маршалла Маклюэна.

Иннис разрабатывал теорию коммуникации и в этом контексте рассматривал СМИ и их место в культурном пространстве современного общества. Он считал, что коммуникационные инновации зарождаются на периферии, вступают в конфликт с официальными, существующими в центре, и постепенно замещают собой эти последние. Так происходит сдвиг в развитии коммуникаций, а следовательно – и общества в целом [Архангельская 2007]. Такой коммуникационный конфликт периферии с центром можно вполне спроецировать на критическое восприятие господствующих медиа теми структурами и сегментами общества, в которых вызревает запрос на СМИ без фейков, манипуляций и дезинформации.

Гораздо ближе к проблематике медиаграмотности подошел младший коллега Инниса – Маклюэн. В его картине коммуникаций больше структурных дефиниций. Среди них, например, противопоставление «холодных» (телевидение и телефон) и «горячих» (кино и радио) средств коммуникации, из них «холодные» охватывают всю свою аудиторию, а «горячие» – нет, поскольку задействуют не весь психоэмоциональный каркас личности, а лишь какие-то выборочные чувства. Любопытно заключение, что «горячее» средство оказывается деструктивным для «холодной» (бесписьменной) культуры, а «холодное» – для «горячей». Значимым для тематики, связанной с медиаграмотностью, выглядит обнаружение у СМИ некой исповедальной функции, которая обуславливает их тягу копаться в самых разных вопросах – невзирая на морально-этические ограничения, а у их читателей и зрителей – узнавать близкие и понятные им сюжеты и примерять их на себя [Маклюэн 2003]. Если исходить из нарисованной Маклюэном картины, то смысл медиаграмотности может сводиться к тому, что потребитель медийной продукции становится рациональным и отказывается следовать эмоциональной перенасыщенности, которую навязывают медиаресурсы.

Ф. Киттлер, немецкий историк литературы, теоретик электронных медиа, вообще воспринимает пришествие техники и технологий в мир медиа как естественный процесс, который начался еще в древности и сполна заявил о себе в раннее Новое время. Поэтому в его построениях отсутствует уже само антропологическое измерение пространства медиа. Так, например, говоря об истории фотографии, мыслитель просто свидетельствует о наступлении эпохи «фотографического мировоззрения» [Киттлер 2009]. При таком подходе нет необходимости в медиаграмотности, что понятно, если из процесса потребления медиапродукции удалить потребителя как такового.

Совершенно другой взгляд на проблему медиаграмотности – правда, опосредованно – дает создатель бессубъектной социологии Н. Луман, который видит в «массмедийных развлечениях» способ «работы над собственной “идентичностью”», чему способствует очевидный зазор между «фиктивной реальностью и реальной реальностью» [Луман 2005]. Таким образом, медиаграмотность по Луману – категория, не детерминирующая некую систему ценностей, а поисковая, вариативная. Философ даже не произносит само это понятие – оно угадывается по своему функционалу, который сводится к направленной селекции того, что необходимо индивиду из всего медийного пространства.

Говоря о запросе на критическое восприятие медийной реальности, нельзя обойти труды испанского социолога-постмарксиста М. Кастельса, современного классика изучения информационного общества. По его мнению, при выпадении из сети прекращается социальность как таковая. Еще одна характерная особенность настоящего времени – это совмещение функций создателей и пользователей. Кастельс считает, что Интернетом управляют именно пользователи. Он утверждает, что «впервые в истории человеческая мысль стала непосредственной производительной силой, а не просто решающим элементом производственной системы» [Кастельс 2000]. Подобная неклассическая ситуация, естественно, чревата тем, что присущие любой мыслительной деятельности неопределенность и недетерминированность со временем будут усиливать манипуляционную функцию медиа. Поэтому реальность, описанная Кастельсом, вынуждает искать надежное критическое «противоядие» в виде тех или иных практик воспитания у общества селективности при погружении в информационный процесс.

Можно было бы не останавливаться на труде леворадикального французского диссидента Г. Дебора «Общество спектакля» в силу его гиперкритического взгляда на современное западное общество и его инструменты, в том числе медиа. Однако можно исходить из задачи очертить некое проблемное поле, в пределах которого может сформироваться практика независимой – насколько это возможно – оценки и экспертизы медийной продукции. Тогда сочинение Дебора способно дать некоторые подсказки. Например, автор характеризует современные СМИ как инструменты мгновенной и при этом односторонней коммуникации. В данном случае чтобы ускользнуть от такого медийного воздействия, требуется иная ритмика восприятия информации и вообще окружающего мира – протяженная и диалоговая. Суть происходящего ныне перерождения критически мыслящего субъекта заключается, по Дебору, в превращении потребителя информации из зрителя «спектакля» в его участника. Отсюда следует, что задачи воспитания медиаграмотности должны сводиться к восстановлению субъект-объектных отношений в сообществе потребителей медийной продукции. Это тем более так, что сам «спектакль», по мысли философа, представляет собой «банальную отрывку, излишек, вырабатываемый СМИ». Может оказаться полезным и указание Дебора на тот факт, что в «обществе спектакля» только лишь медийные работники имеют право (пусть и ограниченное) выступать с его частной и управляемой критикой. Поэтому все попытки взглянуть на проблемы изнутри, из самого средоточия манипулятивной индустрии, следует изучать и каталогизировать. Требуется всемерно содействовать возрождению в общественных коммуникациях любых форм диалогичности – чтобы изжить «лень» представителей тех кругов, которые должны вырабатывать смыслы [Дебор 2020]. Словом, побег из пространства «спектакля» любой ценой – вот к чему должны сводиться приемы медиаграмотного мировосприятия.

По-оруэлловски звучит название эссе американского социального философа С. Фуллера «Постправда: знание как борьба за власть». Суть такого современного состояния общества (разумеется, речь идет об обществе западном или подражающих ему развивающихся обществах) – состояния постправды, или постистины, – сводится к тому, что

политический (в широком смысле этого слова) актер одновременно играет и определяет правила той игры, в которую он играет. В данном случае обращает на себя внимание уже сама категория игры, которая в структуралистско-постструктуралистских построениях, основанных на ценностном релятивизме и целевой неопределенности, стала восприниматься как антитеза «неповоротливой» и детерминированной разными «условностями» серьезности. Иными словами, игра – это уже само по себе пространство профанаций и манипуляций. У Фуллера игра к тому же превращается в бесконечный корректируемый изнутри процесс, где смысл сводится именно к участию, а не к результату [Фуллер 2021]. Релятивизм все больше превращается в категорию установочную, не терпящую никаких альтернатив. Истина сама по себе уже не интересует акторов подобной игры, она – всего лишь одна из возможных версий происходящего, и современные медиа это сполна демонстрируют.

Думается, что для корректировки установок медиаграмотности в контексте «антиутопии» Фуллера следует отталкиваться как раз от тезиса о самонастройке. Именно он разрушает всякие основания субъектности, в то время как субъектность-то и является базовой «гравитационной» величиной, компасом, системой жизненных координат. Если игру по перманентно меняющимся правилам можно будет возратить к ситуации правил константных и разделяемых всеми играющими, то это уже будет существенный шаг в направлении «исцеления» СМИ. Однако для такой фундаментальной корректировки требуется соответствующее целеполагание, которое разделяли бы основные политические субъекты. Между тем, если говорить о западном обществе, то там ничего подобно невозможно. По мнению левого французского философа А. Бадью, современные медиа – величина, производная от господствующего на Западе социально-политического и ценностного консенсуса как инструмента управления. Соответственно, «именно консенсус заставляет терпеть монотонную посредственность и скудость информации, предоставляемой медиа» [Бадью 2013].

Две модели медиаповедения

Таким образом, взаимоотношения человека с миром информации и СМИ с межвоенного периода XX в. и вплоть до настоящего времени западная мысль регулярно рассматривала в философском измерении. Описания этих взаимоотношений можно свести к двум моделям медиаповедения, определяемого, в свою очередь, уровнем медиаграмотности. Модели суммируют представления о двух подходах выше указанных мыслителей к существованию человека и общества в медиапространстве. Первый подход – констатирующий, он обозначает проблему, причем подчас предельно критически, но при этом не содержит в себе какой-либо практической рекомендации. Второй подход – нормативный, он как раз сводится к предложению способа, с помощью которого возможно преодолеть проблему, на которой сфокусировано внимание в первом подходе.

Первая модель медиаповедения показывает, что информация, поступающая в некое сообщество, порождает в нем свои множественные и разнонаправленные интерпретации. СМИ в этой ситуации выступают в качестве регулятора и модератора таких интерпретаций и тем самым обеспечивают собственный монополизм в медиапространстве. Данный порядок философы и подвергали критике. Подобное медиаповедение соответствует невысокому уровню медиаграмотности.

Вторая модель медиаповедения соответствует уже более или менее сформировавшейся медиаграмотности. Информация, которая приходит извне в сообщество, провоцирует уже не собственные хаотичные интерпретации, а коммуникации по возникшему информаци-

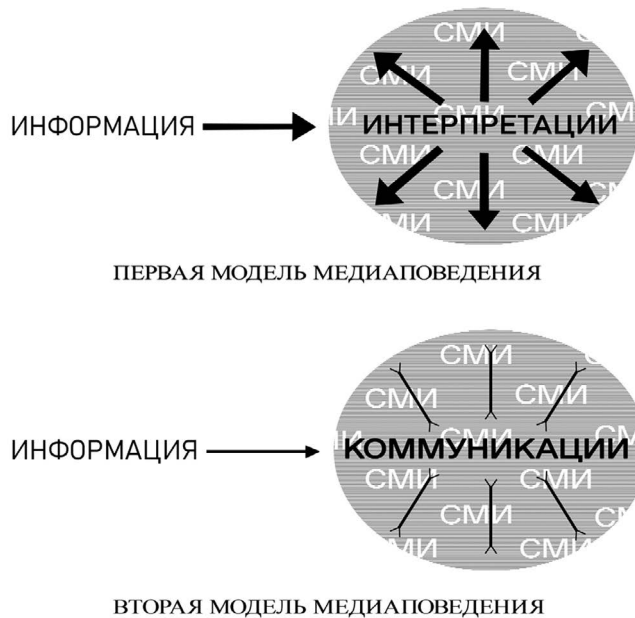

Рис. 1. Модели медиаповедения

Figure 1. Models of media behaviour

Источник: *составлено автором.*
 Source: *compiled by the author.*

онному поводу. При таком раскладе возможности СМИ навязывать выгодные им мнения существенно ограничены, и возникают условия для конструктивного диалога между масс-медиа и их адресными группами.

В идеале соотношение моделей нестатическое: первая модель развивается до уровня второй. Такая динамика предполагает совершенствование медиаграмотности и проецируется в трансформацию представлений об инфраструктуре потребления информационного продукта из области специальных знаний о медиаграмотности в более широкое смысловое поле медиафилософии. Однако даже в этом случае основной повесткой медиафилософии остается именно формирование компетенций для потребления информации, а значит – совершенствование приемов медиаобразования, которое формирует медиаграмотность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Архангельская И.Б. (2007) Теория коммуникации в трудах Х.-А. Инниса и Г.-М. Маклюэна // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». № 3 (8). С. 148–153.
- Arkhangelskaya I. (2007) Communication Theory in the Works of H.-A. Innis and G.-M. McLuhan. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya "Social'nye nauki"*. no. 3 (8), pp. 148–153. (In Russ.)
- Бадью А. (2013) Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Институт общегуманитарных исследований. 192 с.

- Badiou A. (2013) *Filosofiya i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiyu Alena Bad'yu* [Philosophy and Event. Conversations with a Brief Introduction to the Philosophy of Alain Badiou]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. 192 p. (In Russ.)
- Барт Р. (1989) Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. 616 с.
- Barthes R. (1989) *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress. 616 p. (In Russ.)
- Беньямин В. (2012) Учение о подобии: медиаэстетические произведения. М.: РГГУ. 288 с.
- Benjamin W. (2012) *Uchenie o podobii: mediaesteticheskie proizvedeniya* [The Doctrine of Similarity: Media Aesthetic Works]. Moscow: RGGU. 288 p. (In Russ.)
- Бодрийяр Ж. (1999) Реквием по масс-медиа // В: Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. С. 193–226.
- Baudrillard J. (1999) Requiem for the Mass Media. In: *Poetika i politika. Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii RAN*. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; Saint Petersburg: Aleteiya. Pp. 193–226. (In Russ.)
- Вартанова Е.Л. (2018) Медиаграмотность школьников и учителей в условиях цифровизации российского образования // В: Медиа в образовательной среде: коммуникации и безопасность детей. Ред.: Вартанова Е.Л., Фролова Т.И. М.: Факультет журналистики МГУ. С. 5–22.
- Vartanova E.L. (2018) Media Literacy of Schoolchildren and Teachers in the Context of Digitalization of Russian Education. In: *Media v obrazovatel'noj srede: kommunikacii i bezopasnost' detej*. Eds: Vartanova E.L., Frolova T.I. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU Publ. Pp. 5–22. (In Russ.)
- Визинг Л. (2013) Шесть ответов на вопрос «что такое медиафилософия?» // В: Антология медиафилософии. Ред.-сост.: Савчук В.В. СПб.: Издательство РХГА. С. 219–225.
- Wiesing L. (2013) Six Answers to the Question “What Is Media Philosophy?”. In: *Antologiya mediafilosofii*. Ed.: Savchuk V.V. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RHGA. Pp. 219–225. (In Russ.)
- Вирно П. (2013) Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс. 176 с.
- Virno P. (2013) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni* [A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life]. Moscow: Ad Marginem Press. 176 p. (In Russ.)
- Гадамер Х.-Г. (1988) Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс. 704 с.
- Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod. Osnovy filosofskoj germeneviki* [Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress. 704 p. (In Russ.)
- Дебор Г. (2020) Общество спектакля. М.: Опустошитель. 280 с.
- Debord G. (2020) *Obshchestvo spektaklya* [Society of the Spectacle]. Moscow: Opustoshitel'. 280 p. (In Russ.)
- Казаков А.А. (2017) Медиаграмотность в контексте политической культуры: к вопросу об определении понятия // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 4. С. 78–97.
- Kazakov A. (2017) Media Literacy within the Context of Political Culture: Revisiting the Definition of the Term. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. no. 4, pp. 78–97. (In Russ.)
- Кампер Д. (2013) Двуликий Янус медиа. Эстетизация действительности. Возмущение чувств // В: Антология медиафилософии. Ред.-сост.: Савчук В.В. СПб.: Издательство РХГА. С. 201–203.
- Kamper D. (2013) Two-Faced Janus of Media. Aestheticization of Reality. Outrage of Feelings. In: *Antologiya mediafilosofii*. Ed.: Savchuk V.V. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RHGA. Pp. 201–203. (In Russ.)
- Кастельс М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.
- Castells M. (2000) *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: GU VShE. 608 p. (In Russ.)
- Кириллова Н.Б. (2006) Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический Проект. 448 с.

- Kirillova N.B. (2006) *Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu* [Media Culture: From Modernity to Postmodernity]. Moscow: Akademicheskij Proekt. 448 p. (In Russ.)
- Киттлер Ф. (2009) Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 года. М.: Логос/Гнозис. 271 с.
- Kittler F. (2009) *Opticheskie media. Berlinskie lekcii 1999 goda* [Optical Media. Berlin Lectures 1999]. Moscow: Logos/Gnozis. 271 p. (In Russ.)
- Кракауэр Э. (2019) Орнамент массы. Веймарские эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж». 240 с.
- Kracauer S. (2019) *Ornament massy. Vejmarskie esse* [Ornament of the Mass. Weimar Essays]. Moscow: Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva "Garazh". 240 p. (In Russ.)
- Луман Н. (2005) Реальность массмедиа. М.: Практикс. 256 с.
- Luhmann N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The Reality of Mass Media]. Moscow: Praxis. 256 p. (In Russ.)
- Маклюэн Г.М. (2003) Понимание медиа. Внешние расширения человека. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. 464 с.
- McLuhan G.M. (2003) *Ponimanie media. Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media. The Extensions of Man]. Moscow; Zhukovskij: KANON-press-C, Kuchkovo pole. 464 p. (In Russ.)
- Маркузе Г. (1994) Одномерный человек. М.: REFL-book. 368 с.
- Marcuse H. (1994) *Odnomernyj chelovek* [One-Dimensional Man]. Moscow: REFL-book. 368 p. (In Russ.)
- Мерш Д. (2013) Мета / Диа. Два различных подхода к медиальному // В: Антология медиафилософии. Ред.-сост.: Савчук В.В. СПб.: Издательство РХГА. С. 204–218.
- Mersh D. (2013) Meta / Dia. Two Different Approaches to the Medial. In: *Antologiya mediafilosofii*. Ed.: Savchuk V.V. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RHGA. Pp. 204–218. (In Russ.)
- Мюнкер С. (2013) После медиального поворота. Семь тезисов о медиафилософии // В: Антология медиафилософии. Ред.-сост.: Савчук В.В. СПб.: Издательство РХГА. С. 243–247.
- Münker S. (2013) After the Medial Turn. Seven Theses on Media Philosophy. In: *Antologiya mediafilosofii*. Ed.: Savchuk V.V. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RHGA. Pp. 243–247. (In Russ.)
- Уэбстер Ф. (2004) Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс. 400 с.
- Webster F. (2004) *Teorii informacionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow: Aspekt Press. 400 p. (In Russ.)
- Фуко М. (1996) Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь. 448 с.
- Foucault M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works from Different Years]. Moscow: Kastal. 448 p. (In Russ.)
- Фуллер С. (2021) Постправда: знание как борьба за власть. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 368 с.
- Fuller S. (2021) *Postpravda: znanie kak bor'ba za vlast'* [Post-Truth. Knowledge as a Power Game]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. 368 p. (In Russ.)
- Хайдеггер М. (1997) Бытие и время. М.: Ад Маргинем. XI, 451 с.
- Heidegger M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Ad Marginem. XI, 451 p. (In Russ.)
- Хартман Ф. (2013) «10 тезисов» к дискуссии о возможностях теории медиа в эпоху информационного общества // В: Антология медиафилософии. Ред.-сост.: Савчук В.В. СПб.: Издательство РХГА. С. 289–291.
- Hartmann F. (2013) "10 Theses" for a Discussion on the Possibilities of Media Theory in the Age of Information Society. In: *Antologiya mediafilosofii*. Ed.: Savchuk V.V. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RHGA. Pp. 289–291. (In Russ.)

Хоркхаймер М., Адорно Т. (1997) Дialeктика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента. 312 с.

Horkheimer M., Adorno Th. (1997) *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments]. Moscow; Saint Petersburg: Medium, Yuventa. 312 p. (In Russ.)

Юдин Г.Б. (2017) Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества (2016) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. I. № 1. С. 123–133. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2017-I-1-123-133>

Yudin G. (2017) Book Review: Habermas J. 2016. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. Vol. I, no. 1, pp. 123–133. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2017-I-1-123-133> (In Russ.)

Galaktionova T., Kazakova O. (2022) Multiliterate Person: The View of Students and Teachers // Media Education (Mediaobrazovanie). Vol. 18. Issue 2. Pp. 221–231. <https://doi.org/10.13187/me.2022.2.221>

Hartmann F. (2000) Medienphilosophie. Wien: WUV. 343 S.

Hobbs R. (2016) Epilogue // In: Exploring the Roots of Digital and Media Literacy through Personal Narrative. Ed.: R. Hobbs. Philadelphia (Pennsylvania): Temple University Press. Pp. 233–236.

Hobbs R., Jensen A. (2009) The Past, Present, and Future of Media Literacy Education // Journal of Media Literacy Education. Issue 1. Pp. 1–11. <https://doi.org/10.23860/jmle-1-1-1>

Информация об авторе

Москаленко Наталия Михайловна, старший преподаватель кафедры журналистики и помощник ректора Донецкого государственного университета. Адрес: 283001, Россия, ДНР, Донецк, ул. Университетская, 24. E-mail: n.moskalenko@donnu.ru

About the author

Natalia M. Moskalenko, Senior Lecturer at the Department of Journalism and Assistant to the Rector of Donetsk State University. Address: 283001, Universitetskaya St. 24, Donetsk, Russia. E-mail: n.moskalenko@donnu.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 02.09.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.11.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 17.12.2024

УДК 327:355/359

DOI: 10.31857/S0869049924060096
EDN: JBBEIW

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original article

«Смена эпох» в оборонной политике ФРГ: основные шаги, ограничения и риски

© А.Е. ПАВЛОВ

Павлов Александр Евгеньевич, Центр международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва, РФ), alexander.e.pavloff@yandex.ru. ORCID: 0009-0009-6549-7111

Провозглашение «смены эпох» в оборонной политике ФРГ в 2022 г. поставило вопрос о направлениях, проблемах и перспективах милитаризации Германии. Автором исследованы основные доктринальные новации и структурные изменения в вооруженных силах ФРГ, систематизированы приоритеты новой программы вооружения, выделены ключевые социально-экономические и политические препятствия на пути модернизации бундсвера. Сделан вывод о том, что объявленная «смена эпох» противоречива и может быть пересмотрена, однако реализуемые меры несут риски для российских военно-политических интересов и безопасности в Европе.

Ключевые слова: Германия, бундсвер, европейская безопасность, оборонная политика, военная реформа, стратегическая культура

Цитирование: Павлов А.Е. (2024) «Смена эпох» в оборонной политике ФРГ: основные шаги, ограничения и риски // Общественные науки и современность. № 6. С. 124–137. DOI: 10.31857/S0869049924060096, EDN: JBBEIW

The “Zeitenwende” in German Defence Policy: Major Steps, Limits and Risks

© A.E. PAVLOV

Alexander E. Pavlov, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO) (Moscow, Russia), alexander.e.pavloff@yandex.ru. ORCID: 0009-0009-6549-7111

Abstract. The “Zeitenwende” (times-turn) declared by chancellor Olaf Scholz in February 2022 presents a major shift in the German defence policy in recent decades. Berlin is now pursuing an ambitious aim of becoming a military leader in Europe after years of neglecting and defunding its army. The change in Germany’s military doctrine based on its newly published National Security Strategy and Defence Policy Guidelines are analyzed along with the current restructuring of the Bundeswehr and the procurement activities under the 100 bln euro special fund. The research shows that, although large, the provided investment is unlikely to eliminate deep-rooted deficits of the German army, especially when it comes to lacking equipment, infrastructure, munitions and personnel. While Germany’s new core concept of “integrated security” implies militarization of its foreign and security policies, the continuity of the “Zeitenwende” is far from being guaranteed in the years to come. The author underscores that mounting economic problems, institutional limits and Germany’s special strategic culture of restraint can massively hinder the military build-up. Another point is that a strong anti-Russian stance embedded in its new defence posture makes Berlin less flexible in terms of strategic autonomy. Reviving its Cold War role model of a “frontline state” Germany makes it even more difficult to find some common ground on a future security architecture in Europe. Some of its steps like equipping its nuclear-capable air component with F-35As, deploying and developing mid-range missiles or consolidating a multinational ground-based air defence (European Sky Shield Initiative) could further destabilize European security.

Keywords: Germany, Zeitenwende, Bundeswehr, European security, defence policy, military reform, strategic culture

Citation: Pavlov A.E. (2024) The “Zeitenwende” in German Defence Policy: Major Steps, Limits and Risks. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 124–137, DOI: 10.31857/S0869049924060096, EDN: JBBEIV (In Russ.)

В феврале 2022 г. руководство ФРГ провозгласило «смену эпох» (нем. *Zeitenwende*) в оборонной политике. Берлин поставил цель превратиться в гаранта безопасности для ЕС и НАТО, будучи долгое время ее потребителем. Германия резко активизировала модернизацию вооруженных сил (бундесвера), в нарушение собственных табу стала вторым крупнейшим поставщиком помощи Украине после США [Евтодьева 2023]¹ и заметно наращивает военное присутствие в российском приграничье. Можно утверждать, что форсированная милитаризация ФРГ станет весомым фактором изменения баланса сил в Европе, тем более что она адресована России как главной угрозе.

Цель статьи: рассмотреть направления, трудности и возможные перспективы изменений оборонной политики Германии в части развития бундесвера. Особое внимание уделено доктринальным изменениям в ключевых стратегических документах ФРГ по вопросам безопасности и обороны, динамике и структуре инвестиций, а также закупочной политике Минобороны ФРГ. Систематизированы ключевые «узкие места» и противоречия *Zeitenwende*.

¹ Ukraine Support Tracker. Kiel Institute for the World Economy. Update October 10, 2024. (<https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/>).

Новые акценты оборонной доктрины

Магистральные положения новой оборонной доктрины и облика бундесвера были сформулированы еще до 2022 г. под влиянием украинского кризиса и последовавших изменений в военном планировании НАТО [Трунов 2021; Coticchia et al. 2023, 14–11]; Ломакин 2023]. В программных документах по вопросам безопасности, обороны и развития вооруженных сил уже с 2016 г. прослеживаются новая оценка угроз со стороны России и КНР, переориентация бундесвера с экспедиционных операций на задачи территориальной обороны, соответствующие решения по структуре вооруженных сил, инвестициям, а также приоритетам в закупках и развитии вооружения и военной техники (ВиВТ)². Однако именно с 2022 г. Германия инициировала и/или ускорила выполнение этих решений³. Доктринальным выражением «смены эпох» стали новые стратегические документы в области безопасности и обороны: в 2023 г. была принята Стратегия национальной безопасности (далее – СНБ)⁴, в том же году обновлены Директивы по оборонной политике (далее – Директивы)⁵.

В отличие от предыдущего рамочного документа, «Белой книги по вопросам безопасности» 2016 г., СНБ⁶ сосредоточена на бундесвере, а ее принципиальные положения идут вразрез с доминировавшим ранее нарративом о «культуре сдержанности» и «гражданской державе», который символизировал опору на ценности и право, а не военную силу [Fix 2024, 38, 48]. В основе СНБ лежит концепт «интегрированной безопасности», который расширяет категорию обороноспособности с бундесвера на общество и его институты в целом. Примеры тому – активное вовлечение в военную деятельность сил по борьбе с чрезвычайными ситуациями, а также усиление информационной работы военных с населением, в том числе в школах⁷.

Согласно новой оборонной доктрине, Германия должна стать лидером конвенционального сдерживания и коллективной обороны⁸. Сценарий войны высокой интенсивности против равного по силе противника вернулся в центр военного планирования⁹.

² Weißbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. Bundesministerium der Verteidigung. Juni 2016. (<https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf>); Konzeption der Bundeswehr. Bundesministerium der Verteidigung. 20 Juli 2018. (<https://www.bmvg.de/resource/blob/5261478/9ceddf6df2f48ca87aa0e3ce2826348d/konzeption-der-bundeswehr-data.pdf>); Eckpunkte für die Bundeswehr der Zukunft. Bundesministerium der Verteidigung. Mai 2021. (<https://www.bundeswehr.de/resource/blob/5092728/7059f0f9af27786b4eac7118e0c5ca23/eckpunkte-final-data.pdf>); Operative Leitlinien des Heeres zur Zukunft deutscher Landstreitkräfte 2030+. 2021. (<https://www.bundeswehr.de/resource/blob/5292344/b7f7159a4e8779854b275e1a6579f1e2/vorlaeufige-operative-leitlinien-des-heeres-data.pdf>).

³ Еще в конце 2021 г. выраженный интерес правительства к военной активизации не прослеживался. См. Koalitionsvertrag 2021 – 2025 zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, BÜNDNIS 90 / DIE GRÜNEN und den Freien Demokraten. S. 148–150. (https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf).

⁴ Integrated Security for Germany. National Security Strategy. 2023. (<https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf>).

⁵ Verteidigungspolitische Richtlinien. 2023. (<https://www.bmvg.de/resource/blob/5701724/eacb54dfc428b6808c9088402de91836/broschuere-verteidigungspolitische-richtlinien-2023-data.pdf>).

⁶ См. критический разбор СНБ в [Белозёров 2023].

⁷ 65. Jahresbericht der Wehrbeauftragten. Deutscher Bundestag. 12.03.2024. S. 13–14, 46 (<https://dserver.bundestag.de/btd/20/105/2010500.pdf>).

⁸ Verteidigungspolitische Richtlinien. Op. cit., S. 6.

⁹ Ibid., S. 17, 27.

Крупнейшей и долгосрочной угрозой в Евroatлантике названа Россия¹⁰ (ранее подобная прямолинейность не встречалась в официальных документах). Руководство ФРГ ожидает длительной конфронтации с Москвой¹¹, а военные распространяют тезис о том, что у бундесвера есть 5–8 лет – за это время Россия якобы будет готова начать войну с НАТО¹². Директивы отсылают к забытой ролевой модели холодной войны, понятию «фронтовое государство»¹³, однако теперь территория Германии мыслится не как поле боя, а как центральный логистический узел НАТО (эта функция давно закреплена в стратегических документах и отрабатывается на специальных учениях).

Берлин намерен развивать потенциал комбинированного высокоточного поражения в различных средах в соответствии с концепцией многосферных операций (*Multi-Domain Battle*). Так, в июле 2024 г. Германия и США анонсировали размещение в 2026 г. на немецкой территории американских ракет средней и меньшей дальности, включая гиперзвуковые. Параллельно Германия и ряд других европейских стран подписали письмо о намерениях в части разработки крылатых ракет наземного базирования с оценочной дальностью 1–2 тыс км¹⁴. Сроки и масштабы выполнения этих решений пока не прояснены, но они будут представлять очевидную угрозу для России и ее союзников.

Опасаясь ослабления американских гарантий безопасности, некоторые лидеры «семафорной» коалиции (она распалась в ноябре 2024 г.) пытались ввести в политическую дискуссию тему возможного обладания ядерным оружием¹⁵. Пункт о создании совместного потенциала ядерного сдерживания с Францией и Великобританией также был включен в программу главной оппозиционной силы и наиболее вероятного лидера следующей коалиции – партии ХДС¹⁶.

Нормативы оперативного развертывания задает новая модель сил НАТО (*NATO Force Model*), принятая в 2022 г. В случае нападения альянс должен в течение 10 дней развернуть более 100 тыс. военнослужащих, 30 дней – около 200 тыс., 180 дней – не менее 500 тыс. Германия с 2025 г. обязалась в течение 30 дней ввести в действие около 35 тыс. военнослужащих, более 200 самолетов и кораблей, а в случае дальнейшей необходимости – практически весь бундесвер¹⁷.

¹⁰ Integrated Security for Germany. Op. cit., pp. 11–12.

¹¹ Speech by Federal Chancellor Olaf Scholz at the Munich Security Conference. 17.02.2024. (<https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/speech-by-federal-chancellor-olaf-scholz-at-the-munich-security-conference-2260378>); Speech by Federal Minister of Defence Boris Pistorius at the Munich Security Conference. 17.02.2024. (<https://www.bmvg.de/en/news/keynote-speech-delivered-by-boris-pistorius-at-the-msc-24-5749178>).

¹² Bundeswehr-Generalinspekteur fordert raschen Aufbau von Raketenabwehr. Die Zeit. 22.03.2024. (<https://www.zeit.de/politik/2024-03/bundeswehr-generalinspekteur-carsten-breuer-raketenabwehr>).

¹³ Verteidigungspolitische Richtlinien. Op. cit., S. 9.

¹⁴ Wright T., Barrie D. The return of long-range US missiles to Europe. International Institute for Strategic Studies. 07.08.2024. (<https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2024/08/the-return-of-long-range-us-missiles-to-europe/>).

¹⁵ Lindner plädiert für Gespräche mit Macron über atomare Abschreckung. Spiegel.de. 14.02.2024. (<https://www.spiegel.de/politik/atomwaffen-in-europa-christian-lindner-plaedierte-fuer-gespraech-mit-emmanuel-macron-a-e3d36412-151b-4964-a811-d3b96ea4ba27>).

¹⁶ Grundsatzprogramm der CDU Deutschlands. 2024. S. 29. (https://www.grundsatzprogramm-cdu.de/sites/www.grundsatzprogramm-cdu.de/files/downloads/240507_cdu_gsp_2024_beschluss_parteitag_final_1.pdf).

¹⁷ NATO North Atlantic Treaty Organization Force Model: Wie Deutschland sich ab 2025 in der Allianz engagiert. Bundesministerium der Verteidigung. 09.07.2024. (<https://www.bmvg.de/de/aktuelles/nato-force-model-wie-deutschland-sich-ab-2025-engagiert-5465714>).

Подход Германии к безопасности в Европе полностью синхронизирован со стратегией НАТО, в которой России отводится роль главной угрозы¹⁸. Перспектива диалога о новой архитектуре европейской безопасности и восстановления контроля над вооружениями видится туманной [Загорский и др. 2023].

Состояние бундесвера и меры повышения боеготовности

После окончания холодной войны Германия, ранее обладавшая крупнейшими сухопутными силами среди европейских стран НАТО и входившая в число лидеров по оборонным расходам [Coticchia 2023, 22], в полной мере воспользовалась мирными дивидендами. В 1990–2023 гг. численность бундесвера сократилась с 459 тыс. до почти 182 тыс. человек¹⁹. Последовательное сокращение военных расходов, по оценкам, принесло почти 400 млрд евро экономии [Röhl et al. 2023, 6]. В немецком обществе стало доминировать неприятие военной силы как инструмента внешней политики и службы в армии как призвания [Helferich 2023].

Противоречивые процессы оптимизации и реорганизации бундесвера под экспедиционные задачи [Трунов 2021; Coticchia 2023, 89–119] привели к деградации системы материального и кадрового обеспечения, а также нарушению ритмов технологического перевооружения [Moser 2022]. В разные годы накануне 2022 г. в неудовлетворительном техническом состоянии находилось около трети наличного парка бронетехники, значительная часть военно-транспортной и истребительной авиации, подводного флота [Burilkov, Rieck 2023, 53]²⁰. Зачастую подразделения, перебрасываемые за рубеж, вынужденно комплектовались снаряжением и техникой других подразделений [Burry et al. 2023, 31].

Сегодня бундесвер испытывает серьезный дефицит запасных частей, современных систем связи и управления, предметов экипировки, боеприпасов. По некоторым сведениям, наличного запаса боеприпасов хватит на два дня интенсивных боевых действий [Helferich 2023, 91]. Военные ФРГ и эксперты констатировали, что к 2022 г. бундесвер утратил способность вести конвенциональную войну высокой интенсивности [Nelson 2024, 76]²¹. Такая оценка представляется адекватной при всей ее вероятной тенденциозности и лоббистских мотивах.

Среди шагов по укреплению бундесвера важно выделить следующие. В июле 2022 г. был принят закон об ускорении поставок ВиВТ за счет упрощения бюрократических процедур и правил обоснования закупок (ситуация с закупками подвергается наибольшей критике). Оценки эффективности закона пока отсутствуют, но в 2023 г. он затрагивал уже треть контрактов²².

¹⁸ NATO 2022 Strategic Concept. 29.06.2022. (https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf).

¹⁹ Personalbestand der Bundeswehr 1959 bis 2023. Statista.com. 12.03.2024. (<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/495515/umfrage/personalbestand-der-bundeswehr/>).

²⁰ Bericht zur materiellen Einsatzbereitschaft der Hauptwaffensysteme der Bundeswehr II/2021. Bundesministerium der Verteidigung. (<https://www.bmvg.de/resource/blob/5325364/11a1d50cce70b7b1a8307adc16991f4d/download-bericht-zur-materiellen-einsatzbereitschaft-2-2021-data.pdf>).

²¹ Heeresinspekteur kritisiert deutsche Verteidigungspolitik: „Bundeswehr steht mehr oder weniger blank da“. Tagesspiegel. 24.02.2022. (<https://www.tagesspiegel.de/politik/bundeswehr-steht-mehr-oder-weniger-blank-da-5420455.html>).

²² 18. Rüstungsbericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten, Teil 1. Januar 2024. S. 12. (<https://www.bmvg.de/resource/blob/5732214/3f8c7f23d3f69757aeab2de445901275/18-ruestungsbericht-data.pdf>).

С 2023 г. ускорен перевод сухопутных сил на новую структуру²³ в соответствии с моделью сил НАТО. К 2030 г. планируется свести сухопутные соединения в три категории на базе трех существующих дивизий: «легкие силы» (быстро развертываемые аэромобильные и легковооруженные подразделения ВДВ, горных стрелков и спецназа), «средние силы» (аналог американских бригад *Stryker*; пехотные подразделения на колесных боевых машинах, способные к самостоятельной переброске на большие дистанции в европейской зоне ответственности НАТО) и «тяжелые силы» (танковые и мотопехотные подразделения на гусеничных боевых машинах с тяжелой артиллерией, требующие более длительной переброски). В случае нападения легкие и средние силы должны быть оперативно развернуты на восточном фланге НАТО, чтобы сдерживать противника до подхода тяжелых соединений.

К концу 2027 г. Германия планирует развернуть в Литве танковую бригаду численностью 5 тыс. человек²⁴. Там под ее оперативным командованием уже находятся многонациональные силы расширенного передового присутствия НАТО (*enhanced forward presence*) численностью около 1,5 тыс. человек. Для Берлина «литовский проект» – это вопрос престижа и лидерства в альянсе [Трунов 2024]²⁵.

В апреле 2024 г. Минобороны ФРГ утвердило концепцию реструктурирования вооруженных сил²⁶, которая, среди прочего, предусматривает централизацию управления операциями на базе единого командования. Отметим, что ранее за территориальную оборону и зарубежные операции отвечали разные штабные структуры. Силы и средства кибер- и информационной безопасности выделены в отдельный вид войск (теперь их будет четыре вместе с тремя традиционными). Годом ранее полноценно заработало Космическое командование бундесвера, что подчеркивает растущую роль космического пространства с точки зрения немецких военных.

Минобороны ФРГ активно прорабатывает варианты возвращения ко всеобщей воинской обязанности, приостановленной в 2011 г.²⁷

Ключевой вопрос смены эпох – финансирование и закупки. Канцлер О. Шольц пообещал, что в 2020–2030-х гг. Германия будет тратить на оборону 2% своего ВВП²⁸. С июня 2022 г. функционирует внебюджетный Специальный фонд бундесвера (нем. *Sondervermögen Bundeswehr*) на 100 млрд евро, что сопоставимо с двумя годовыми военными бюджетами ФРГ последних лет. Он финансируется за счет кредитов и рассчитан на пять лет. Положение о фонде закреплено в Основном законе (конституции) ФРГ²⁹, что позволяет и в будущем прибегать к такой схеме финансирования,

²³ Operative Leitlinien des Heeres... Op. cit.

²⁴ Bundeswehr in Litauen: In großen Schritten zur deutschen Kampfbrigade. 2023. (<https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/meldungen/bundeswehr-litauen-grosse-schritte-deutsche-kampfbrigade>).

²⁵ Перенос приоритета с экспедиционных операций на задачи территориальной обороны и наращивание группировки в Прибалтике сопровождаются сокращением военного присутствия Германии за пределами зоны ответственности НАТО. С окончанием миссий в Афганистане (2021) и Мали (2023) германский контингент за пределами стран НАТО впервые за десятилетия сократился до менее чем 1 тыс. человек. 65. Jahresbericht der Wehrbeauftragten. Op. cit., S. 16.

²⁶ Bundeswehr der Zeitenwende: Kriegstüchtig sein, um abschrecken zu können. Bundesministerium der Verteidigung. 04.04.2024. (<https://www.bmvg.de/de/aktuelles/bundeswehr-der-zeitenwende-kriegstuechtig-sein-um-abzuschrecken-5765386>).

²⁷ Ibid.

²⁸ Speech by Federal Chancellor Olaf Scholz at the Munich Security Conference. Op. cit.

²⁹ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland Art 87a Absatz 1a. (https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_87a.html).

обходя конституционный запрет наращивать госдолг свыше 0,35% ВВП ежегодно. Фонд предназначен для закупки приоритетных ВиВТ, в то время как обычный военный бюджет покрывает преимущественно текущие затраты на обслуживание и эксплуатацию, поддержание инфраструктуры, личный состав. По состоянию на конец апреля 2024 г. из спецфонда выделено или предварительно согласовано к выделению 86,6 млрд евро³⁰.

В 2024 г. совокупные расходы по линии Минобороны ФРГ составят 71,7 млрд евро³¹. При их сопоставлении с показателями ВВП в текущих ценах можно сделать вывод, что Германии по-прежнему не удастся достичь 2%-го порога НАТО (рис. 1).

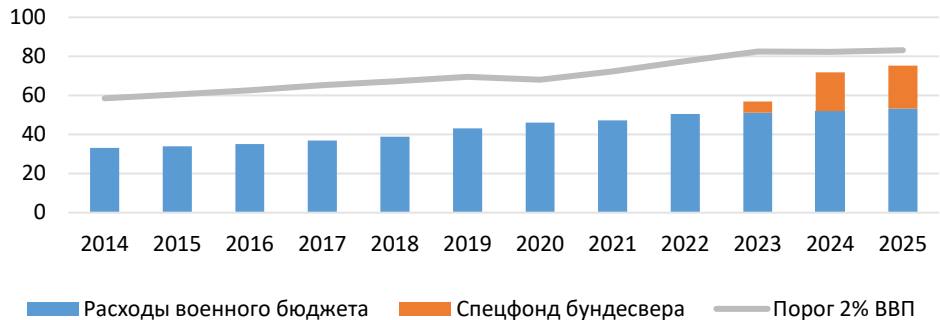

Рисунок 1. Динамика военных расходов ФРГ, млрд евро (в текущих ценах)

Figure 1. FRG Military Expenditure (in current prices)

Источник: *рассчитано автором*³².
Source: *calculated by the author*.

В программе оснащения бундесвера приоритетными являются воздушно-космический и сухопутный домены, а также сфера связи и управления (табл. 1).

³⁰ 19. Rüstungsbericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten, Teil 1. Juli 2024. S. 5 (<https://www.bmvg.de/resource/blob/5732214/3f8c7f23d3f69757acab2de445901275/18-ruestungsbericht-data.pdf>).

³¹ Entwurf eines Gesetzes über die Feststellung des Bundeshaushaltsplans für das Haushaltsjahr 2025. Berlin, 16. August 2024. (<https://dserver.bundestag.de/btd/20/124/2012400.pdf>).

³² На графике учтены «оборонные разделы» (Einzelplan 14) планов исполнения бюджетов, подготовленных правительством ФРГ на 2016–2025 гг. (<https://www.bundeshaushalt.de/DE/Download-Portal/download-portal.html>). За 2014–2023 гг. приводятся фактические расходы, далее – оценочные. 2%-я планка рассчитана по длинным рядам Федерального ведомства статистики Германии (<https://www.destatis.de/EN/Themes/Economy/National-Accounts-Domestic-Product/Tables/lrvgr02.html#242544>) с поправкой на прогноз Минэкономики ФРГ в октябре 2024 г. (<https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Artikel/Wirtschaft/Projektionen-der-Bundesregierung/projektionen-der-bundesregierung-herbst-2024.html>). Важная оговорка: расчет произведен в текущих ценах, не учтены расходы, связанные с оборонной проблематикой (например, поддержка ВС стран-партнеров, включая Украину, развитие инфраструктуры и т.п.), которые проходят по другим статьям бюджета и не относятся непосредственно к бундесверу, но засчитываются в Германии как оборонные, в т.ч. по престижным соображениям. Так, по данным НАТО (методы расчетов альянса могут не совпадать с национальными), в 2024 г. оборонные расходы ФРГ составят более 90 млрд евро в текущих ценах, а в ценах 2015 г. превзойдут 2%-ю планку. См. Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024). NATO. June 2024. (https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2024/6/pdf/240617-def-exp-2024-en.pdf).

Таблица 1

Закупочные приоритеты Специального фонда бундесвера

Table 1

Bundeswehr procurement priorities

Воздушно-космический домен (33,4 млрд евро)	<ul style="list-style-type: none"> Самолеты: истребители РЭБ <i>Eurofighter ECR</i>; транспортные <i>Airbus A400M</i>; истребители <i>F-35A Lightning II</i> (США), противолодочные <i>P8 Poseidon</i> (США) Вертолеты: многоцелевые <i>NH 90</i>, ударные <i>Tiger</i> (модернизация), легкие <i>H145M</i>, транспортные <i>Boeing CH47F Chinook</i> (США) ЗРК: <i>Arrow 3</i> (Израиль, США), <i>Patriot</i> (США), <i>IRIS-T SLM</i>, <i>Skyranger 30</i> БПЛА: <i>Heron TP</i> (Израиль) и <i>Eurodrohne</i> Модернизация инфраструктуры освещения воздушной и космической обстановки, в т.ч. система ДРЛО <i>Pegasus</i> и НИОКР по СПРН космического базирования <i>Twister</i> НИОКР <i>Future Combat Air System</i> по самолету 6-го поколения (Франция, Испания)
Управление и связь/цифровизация (20,7 млрд евро)	<ul style="list-style-type: none"> Система связи и управления боем (<i>D-LBO</i>) и широкополосный Интернет (<i>TaWAN LBO</i>) Интеграция системы обмена тактическими данными в систему НАТО (<i>German Mission Network</i>) Модернизация инфраструктуры защищенной спутниковой связи <i>SATCOMBw</i> Расширение инфраструктуры ЦОД Средства радиосвязи <i>AN/PRC-160 HF</i> и <i>PRC-117G</i> (США)
Сухопутный домен (16,6 млрд евро)	<ul style="list-style-type: none"> ББМ: <i>Puma</i>, <i>GTK Boxer</i>, вездеходы <i>BvS10</i> (Великобритания/Швеция) Аэромобильные внедорожники <i>Caracal</i> НИОКР по проекту танка <i>Main Ground Combat System</i> (совместно с Францией)
Морской домен (8,8 млрд евро)	<ul style="list-style-type: none"> Фрегаты <i>F126 Saarland</i> (совместно с Нидерландами) Корветы <i>K130 Braunschweig</i> (2-я очередь) Подводные лодки <i>212 CD</i> ПКР <i>Naval Strike Missile</i> (Норвегия) Гидроакустическая система <i>Sonix</i> НИОКР по ЗРК <i>IDAS</i>
Униформа и снаряжение (1,9 млрд евро)	<ul style="list-style-type: none"> Шлемы с радиосвязью и приборы ночного видения Цифровизованная экипировка <i>Infanterist der Zukunft</i>
НИОКР и ИИ (0,4 млрд евро)	<ul style="list-style-type: none"> Помехоустойчивые системы навигации <i>LaSeRoNN</i> и <i>MobiRoNN</i> Системы наблюдения на основе ИИ

Примечание: в скобках указаны суммы планируемых закупок по состоянию на начало 2024 г., в скобках после наименований – страны-партнеры или особенности, полужирным выделены приоритетные системы.

Сокращения: РЭБ – радиоэлектронная борьба; ЗРК – зенитно-ракетный комплекс; РЛС – радиолокационная станция, СПРН – система предупреждения о ракетном нападении; БМП – боевая машина пехоты; ББМ – боевая бронированная машина; ПКР – противокорабельная ракета.

Источник: *составлено автором*³³.

Source: *compiled by the author*.

³³ 18. Rüstungsbericht. Op. cit.; Gesetz zur Finanzierung der Bundeswehr und zur Errichtung eines „Sondervermögens Bundeswehr“. 01.07.2022. (<https://www.gesetze-im-internet.de/bwfinvermg/BJNR103010022.html>); Einzelplan 14 Bundeshaushaltsplan 2024. Bundesministerium der Finanzen. (<https://bundeshaushalt.de/static/daten/2024/soll/epl14.pdf>); Das Sondervermögen der Bundeswehr. Informationsstelle Militarisierung e.V. 15.11.2023. (<https://www.imi-online.de/2023/11/15/das-sondervermoegen-der-bundeswehr/>).

В воздушно-космическом сегменте акцент сделан на закупку истребителей-бомбардировщиков *F-35* на смену устаревшим *Tornado* в совместных ядерных миссиях НАТО, а также наращивание транспортной мощности авиации всех типов. Германия намерена быть технологическим лидером и координатором в усилении европейского потенциала ПВО/ПРО, о чем свидетельствует закупка американско-израильских комплексов *Arrow 3* и инициатива по совместным закупкам (*European Sky Shield Initiative*)³⁴. К ней уже присоединились более 20 государств, включая европейских нейтралов Австрию и Швейцарию. Из спецфонда будет профинансирован ряд проектов по развитию и модернизации систем связи, управления и разведки в различных звеньях, включая системы освещения воздушно-космической обстановки.

В сухопутном сегменте приоритетность боевых бронированных машин продиктована необходимостью обеспечить мобильность и огневую мощь на восточном фланге НАТО.

В военно-морском сегменте запланирована большая программа обновления флота с акцентом на новейшие фрегаты типа *F126* (крупнейшие корабли в истории бундесвера для действий в океанической зоне), корветы типа *K130*, дизель-электрические подводные лодки типа *212 CD*.

Основная часть поставок ожидается в 2025–2030 гг.³⁵ Системы ПРО *Arrow-3* начнут поступать с 2025 г., самолеты *F-35* – с 2026 г., первые надводные корабли – с 2025 г., тяжелые вертолеты *Chinook* – с 2027 г., подводные лодки – с 2029 г., разведывательно-ударный БПЛА *Eurodrohne* – с 2030 г. Не исключено, что сроки будут сдвигаться.

Ключевыми партнерами в перевооружении бундесвера выступают США (авиация, связь, ЗРК), Израиль (БПЛА, ЗРК, РЛС), Нидерланды (надводные корабли), Франция (авиация, электроника), Норвегия (подводные лодки и ракеты морского базирования). Несмотря на декларированное стремление усиливать национальный и европейский оборонно-промышленный комплекс (ОПК), приоритет отдается системам, которые можно быстро приобрести на рынке³⁶ – преимущественно американским. По оценкам, около 20% специального фонда будет потрачено на американскую продукцию³⁷, а с учетом противоракетной системы *Arrow 3*, совместной разработки Израиля и США, эта доля будет еще выше. В целом по состоянию на май 2024 г. портфель немецких заказов американскому ОПК насчитывал 380 контрактов на сумму 23 млрд евро³⁸.

Закупочная программа бундесвера ослабляет стимулы к военно-техническому сотрудничеству в ЕС [Moser 2022]. Так, европейские проекты авиаплатформы *FCAS* (совместно с Францией и Испанией) и танка *MGCS* (совместно с Францией) с 2017 г. остаются на начальных стадиях разработки. Продвижение по ним задерживается из-за конфликтов вокруг лидерства, технологических приоритетов и экспортной политики [Möhrling 2023]. По оптимистичным оценкам, *FCAS* и *MGCS* поступят в войска не ранее 2040–2045 гг.

³⁴ European missile defence – right questions, unclear answers? The International Institute for Strategic Studies. 10.02.2023. (<https://www.iiss.org/online-analysis/military-balance/2023/02/european-missile-defence-right-questions-unclear-answers/>).

³⁵ 18. Rüstungsbericht. Op. cit.

³⁶ Verteidigungspolitische Richtlinien. Op. cit., S. 32.

³⁷ Das Sondervermögen der Bundeswehr. Op. cit.

³⁸ Pistorius trifft Amtskollegen Austin in Washington: HIMARS High Mobility Artillery Rocket System für die Ukraine. Bundesministerium der Verteidigung. 10.05.2024. (<https://www.bmvg.de/de/aktuelles/pistorius-verkuendet-in-washington-himars-fuer-die-ukraine-5778634>).

Препятствия и проблемы

Перспектива превращения ФРГ из потребителя в гаранта безопасности исследователи оценивают скептически [Fix 2024; Matlé 2024; Mello 2024; Burilkov, Rieck 2023; Helferich 2023]. Они указывают на отсутствие гарантий достаточного и долгосрочного финансирования, кадровый голод, «демилитаризованную» стратегическую культуру. По некоторым оценкам, подготовка бундесвера к высокоинтенсивным конфликтам может потребовать до 15 лет [Mölling et al., 2023].

Главная проблема – финансы. Специальный фонд не способен обеспечить комплексную модернизацию [Helferich 2023; Burilkov, Rieck 2023; Mölling et al., 2023] – для этого его объем следовало бы увеличить в разы. Только на закупку боеприпасов и ремонт казарм может потребоваться 70 млрд евро [Matlé 2024, 5]. Более того, уже в 2023 г. покупательная способность фонда оценивалась в 70–80 млрд евро из-за инфляции и выплаты процентов по кредитам [Matlé 2024, 5]. Есть вероятность, что значительные средства фонда будут отвлекаться не на наращивание возможностей, а восполнение ВиВТ, переданных Украине (в 2024 г. 500 млн евро).

Есть проблемы и у штатного военного бюджета: больше половины его текущего объема расходуется не на инвестиции, а на личный состав и содержание бюрократического аппарата (табл. 2).

Таблица 2

Объемы и структура военных расходов Германии в 2023–2024 гг., млрд евро
(без учета Специального фонда бундесвера)

Table 2

FRG defence expenditure and its structure in 2023–2024, bln euro
(without the Special Fund for the Bundeswehr)

	2023	2024*
Всего ассигновано, в т.ч. на:	50,1	51,9
Личный состав, включая подготовку и социальное обеспечение	16,8	18,8
Текущие расходы, включая боеприпасы, ремонт, логистику	7,7	10,1
Центральный аппарат, учебные заведения, организации и службы Минобороны, включая военную контрразведку	9	10
Жилую инфраструктуру	4,3	5,3
Закупки ВиВТ	7,7	2,7
Субсидии в НАТО, др. международные организации и миссии	1,3	1,5
НИОКР и испытания	1,7	1,1

* Оценочно.

Источник: *составлено автором*³⁹.

Source: *compiled by the author*.

Чтобы поддерживать планку 2%, с 2028 г. военный бюджет необходимо резко увеличить – не менее чем на 20–30 млрд евро, что трудно осуществить из-за институциональных ограничений госбюджета и ожесточенной политической борьбы за его статьи. Свое

³⁹ Einzelplan 14. Op. cit.

воздействие оказывают и сугубо экономические факторы: слабый экономический рост и перспектива деградации ключевых промышленных отраслей на фоне противоречивой энергетической политики.

Германия сталкивается с трудными дилеммами и в вопросах развития ОПК. Для наращивания производственных мощностей необходимо активнее вмешиваться в работу предприятий, корректировать жесткую антимонопольную и экспортную политику⁴⁰, что чревато политическими издержками. Берлину также придется выстраивать сложный баланс закупочных приоритетов между быстрыми доступными решениями и развитием европейских программ. Первое усиливает зависимость от США в ущерб своим и европейским производителям, второе – дороже, дольше и требует достижения компромиссов с партнерами в ЕС [Röhl 2023; Mölling, Hellmonds 2023, 18–23].

Другая серьезная проблема – острая нехватка кадров. Численность бундесвера долгие годы стагнирует на уровне около 180 тыс. человек⁴¹, и официальные лица признают⁴², что им не удастся довести ее до целевого показателя – 203 тыс. к 2031 г. Карьера военного не пользуется популярностью среди молодежи. Более того, резкое наращивание набора в войска затруднено из-за нехватки инфраструктуры⁴³. В 2023 г. в рядовом звене были вакантными 24% должностей (около 11 тыс.), в сержантском и офицерском звеньях – 17,6% (почти 21 тыс.). Объективная нехватка людей усугубляется сложной системой ротации кадров. Дефицит частично покрывается за счет военнослужащих, временно исполняющих обязанности без соответствующего повышения, а также военнослужащих добровольной службы (они служат до двух лет), но это не позволяет формировать устойчивый профессиональный костяк и вызывает недовольство в войсках. К тому же кадры бундесвера стареют: в 2022–2023 г. средний возраст военнослужащего увеличился с 33,5 до 33,8 лет⁴⁴.

Следует также подчеркнуть исторически обусловленную сдержанность Германии в применении военной силы или, по выражению некоторых исследователей, «культуру избегать стратегию вместо стратегической культуры» [Moser 2022]. В немецкой политической элите пока не сложилась устойчивая и достаточно влиятельная группа [Burry et al. 2023, 30], которая смогла бы надолго закрепить военную повестку среди общенациональных приоритетов⁴⁵.

Неполной каденции кабинета Шольца недостаточно, чтобы зафиксировать долгосрочный выбор Берлина в пользу милитаризации, большинство немцев пока считают ее временным явлением [Fix 2024, 48–49]. Заявления руководителей блока ХДС/ХСС⁴⁶, главного

⁴⁰ В отношении экспорта ВиВТ можно наблюдать признаки смягчения ограничительного подхода, но о тенденции говорить пока рано. Так, формулировки в СНБ и Директивах размывают приоритет гуманитарных соображений в пользу военно-стратегических и экономических интересов даже при несовпадении в ценностях со страной-покупателем. В 2024 г. Германия возобновила поставки вооружений в Саудовскую Аравию и Турцию (несмотря на членство в НАТО, ВТС с этой страной было ограничено), идет борьба за индийский контракт на строительство дизель-электрических подводных лодок для Индии. Integrated Security for Germany. Op. cit., pp. 15, 45, Verteidigungspolitische Richtlinien. Op. cit., S. 32, Speech by Federal Minister of Defence Boris Pistorius at the Munich Security Conference. Op. cit.

⁴¹ Personalbestand der Bundeswehr. Op. cit.

⁴² 65. Jahresbericht der Wehrbeauftragten. Op. cit., S. 10.

⁴³ Ibid. S. 41, 131.

⁴⁴ Ibid. S. 9, 38–39.

⁴⁵ См. альтернативную точку зрения в: Трунов Ф.О. Ремилитаризация ФРГ: политическая нацеленность. Международная жизнь. 19.06.2024. (<https://interaffairs.ru/news/show/46454>).

⁴⁶ Klare Ansage an Wagenknecht. Tagesschau. 27.10.2024. (<https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/berichtsaus-berlin-merz-100.html>).

претендента на лидерство в будущем правительстве после распада «светофорной» коалиции в ноябре 2024 г., свидетельствуют о готовности и далее наращивать военные расходы. Однако выравнивание позиций внутри новой коалиции неизбежно, поскольку камнем преткновения предыдущей стали противоречия по финансово-экономическим вопросам, включая расходы на оборону. К тому же необходимость решать первостепенные социально-экономические проблемы может отодвинуть *Zeitenwende* на второй план.

* * *

Предпосылки для изменений в оборонной политике ФРГ были заложены еще до 2022 г. Новейшие события вокруг Украины оказались не столько отправной точкой, сколько катализатором этого процесса. Тем не менее провозглашение *Zeitenwende* маркирует принципиально новые реалии.

Стратегическая культура Германии, особенно восприятие угроз и отношение к военной силе, меняется: Россия официально назначена главным противником, нормализуется роль вооруженных сил как инструмента политики, пересматриваются давние табу – происходит милитаризация логики внешнеполитических и инфраструктурных решений. Оборонная доктрина ФРГ снова фокусируется на сценарии высокоинтенсивного конфликта в Восточной Европе.

Обращают на себя внимание противоречия нового курса. Акцент на ускоренном перевооружении бундсвера усиливает технологическую и политическую зависимость Германии от США, снижая ее интерес к военно-технической кооперации внутри ЕС (под вопросом отношение Германии к стратегической автономии объединения). А стремление реализовать лидерские амбиции внутри евроатлантического сообщества, заставляет Германию играть подчиненную роль щита против сконструированной «русской угрозы».

«Смена эпох» в германской оборонной политике не завершена и, вероятно, будет менять траекторию. Большинство текущих мер по перевооружению принесут ощутимые результаты не ранее 2030 г. Претензия Берлина превратиться в военного лидера требует испытания несколькими электоральными циклами и разными конфигурациями правящих коалиций. Налицо разрыв между заявленной целью создать «мощнейшую конвенциональную армию в Европе» и стагнирующими социально-экономическими возможностями.

Структурные слабости германской военной машины – низкая боеготовность из-за повсеместных материальных дефицитов, кадровый голод, бюрократическая инерция, неэффективное распоряжение средствами – требуют долговременного инвестирования значительно больших, чем сейчас, финансовых и организационных ресурсов. С учетом противоречий вокруг государственного бюджета это сопряжено с непопулярными политическими решениями, раскалывающими любую потенциальную правительственную коалицию.

Каковы бы ни были перспективы *Zeitenwende*, нельзя не учитывать риски для российских интересов: 1) укрепляется враждебный подход к России, что затруднит любой диалог о новой архитектуре безопасности в Европе (так, формула «безопасность с Россией» уже трансформировалась в «безопасность против России»); 2) отдельные направления *Zeitenwende* могут нести прямую угрозу: модернизация авиакомпонента для совместных ядерных миссий НАТО, координация ПВО/ПРО European Sky Shield, усиление военного присутствия в российском приграничье, а в перспективе – развитие и размещение высокоточных ударных комплексов; 3) растущая конкуренция со стороны Германии на интересующих Россию рынках вооружений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Белозёров В.К. (2023) Германия конструирует стратегическую культуру // *Россия в глобальной политике*. Т. 21. № 5. С. 166–177.
- Belozerov V.K. (2023) Germany Constructs Strategic Culture. *Rossiya v global'noi politike*. vol. 21. no. 5. pp. 166–177. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177> (In Russ.)
- Евтодьева М.Г. (2023) Западная военная помощь и передачи вооружений Украине в 2022 – начале 2023 г.: ключевые тенденции // *Пути к миру и безопасности*, № 1 (64), С. 11–30.
- Yevtodyeva M.G. (2023) Western Military Assistance and Arms Transfers to Ukraine in 2022 – early 2023: Key Trends. *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 1 (64), pp. 11–30. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2023-1-11-30> (In Russ.)
- Загорский А.В., Ознобищев С.К., Богданов К.В. (2023) Новый раскол Европы: военно-политические аспекты // В: *Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция* (2023) / Отв. ред. А.Г. Арбатов и др. М.: ИМЭМО РАН. С. 229–246.
- Zagorski A.V., Oznobishchev S.K., Bogdanov K.V. (2023) New Divide in Europe: military-political aspects. In: *Mezhdunarodnaya bezopasnost': novyi miroponyadok i tekhnologicheskaya revolyutsiya* (2023) / Ed (s). A.G. Arbatov et al. M.: IMEMO, pp. 229–246. (In Russ.)
- Ломакин А.С. (2023) Всеобъемлющая концепция модернизации бундесвера (Перспективы реализации «Профиля возможностей») // *Мировая экономика и международные отношения*. № 5 (67). С. 69–79.
- Lomakin A.A. (2023) Comprehensive Concept for Modernization of the Bundeswehr (Perspectives on the «Capability Profile» Implementation). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 5 (67), pp. 69–79. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-5-69-79> (In Russ.)
- Трунов Ф.О. (2021) К вопросу схемы структурных реформ современных вооруженных сил: пример ФРГ // *Политическая наука*. № 2. С. 187–206.
- Trunov F.O. (2021) On the Issue of the Modern Armed Forces Structural Reforms Scheme: The Example of FRG. *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 187–206. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.02.07> (In Russ.)
- Трунов Ф.О. (2024) Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х – начале 2020-х годов: военные и политические аспекты // *Балтийский регион*. Т. 16. № 1. С. 61–80.
- Trunov, Ph.O. (2024) Military and political cooperation between Germany and Lithuania in the late 2010s to early 2020s. *Baltic region*, vol. 16, no. 1, pp. 61–80. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4>
- Burilkov A., Rieck C. (2023) Vorbereitet auf die Zeitenwende?: Die Einsatzbereitschaft der Bundeswehr offenbart große Defizite // *Sirius*, vol. 7, no. 1, pp. 51–71. <https://doi.org/10.1515/sirius-2023-1001>
- Burry B. et al. (2023) The Future of NATO's European Land Forces: Plans, Challenges, Prospects // *The International Institute for Strategic Studies*. 42 p. <https://www.iiss.org/research-paper/2023/06/the-future-of-natos-european-land-forces/>
- Coticchia F., Dian M., Moro F. (2023) *Reluctant Remilitarisation: The Transformation of Defence Policy and Armed Forces in Germany, Italy and Japan*. Edinburgh. Edinburgh University Press. 272 p.
- Fix L. (2024) The End of Civilian Power // In: *Atomic Zeitenwende?* Kühn U. (ed.). Routledge, 1st ed. Pp. 38–57.
- Helferich J. (2023) The (false) promise of Germany's Zeitenwende // *European View*, vol. 22 (1), pp. 85–95. <https://doi.org/10.1177/17816858231157556>
- Nelson Amy J. (2024) Technological Change, Innovation, and German National Security // In: *Atomic Zeitenwende?* Kühn U. (ed.). Routledge, 1st ed. Pp. 58–83.
- Matlé A. (2024) Deutschlands Zeitenwende in der Sicherheits- und Verteidigungspolitik: The good, the bad, and the ambiguous // *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*. 2024, vol. 17, pp. 1–10. <https://doi.org/10.1007/s12399-023-00975-3>

Mello P.A. (2024) Zeitenwende: German Foreign Policy Change in the Wake of Russia’s War Against Ukraine // *Politics and Governance*, vol. 12. <https://doi.org/10.17645/pag.7346>

Möhring J. (2023) Troubled Twins: The FCAS and MGCS Weapon Systems and Franco-German Co-operation // *Etudes d’Ifri*. 52 p. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_mohring_fcas_mgcs_weapon_systems_2023.pdf

Mölling C. Hellmonds S. (2023) Security, Industry, and the Lost European Vision // *Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik*. https://dgap.org/system/files/article_pdfs/DGAP%20Report%20No-10_November-2023_62pp_0.pdf

Mölling C., Schütz T., Hellmonds S. (2023) Zeitschleife statt Zeitenwende: Die Bundeswehr bleibt in der strukturellen Unterfinanzierung // *Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik*. https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/87679/ssoar-2023-molling_et_al-ZeitschleifestattZeitenwendeDieBundeswehr.pdf

Moser C. (2022) Die Zeitenwende: viel Zeit, wenig Wende? // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, vol. 82, Ss. 741–755. <https://doi.org/10.17104/0044-2348-2022-4-741>

Röhl K.-H., Bardt H., Engels B. (2023) // A new era for the defense industry? Security policy and defense capability after the Russian invasion of Ukraine. *IW-Policy Paper*, no. 1/2023, Institut der deutschen Wirtschaft (IW), Köln. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/270725/1/1839958197.pdf>

Информация об авторе

Павлов Александр Евгеньевич, младший научный сотрудник Центра международной безопасности, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, РФ, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: alexander.e.pavloff@yandex.ru

About the author

Alexander E. Pavlov, Junior Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 117997, 23 Profsoyuznaya St., Moscow, Russia. E-mail: alexander.e.pavloff@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 04.07.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 24.10.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.11.2024

УДК 316.422

DOI: 10.31857/S0869049924060107
EDN: JATTXN

Оригинальная статья / Original article

Социальный кризис в ЕС: признаки анонии¹

© Д.И. КОЛЕСОВ

Колесов Денис Иванович, Институт Европы РАН (Москва, Россия), deniskolesov@gmail.com.
ORCID: 0000-0001-8713-2492

Множественность внутренних и внешних кризисов поднимает в Евросоюзе вопросы о векторе развития интеграционного объединения. Трансформация роли ЕС в условиях перестройки мировой политики и экономики неизбежно отражается в социальной сфере. В этом контексте развитие Евросоюза, с одной стороны, требует значительных социальных ресурсов и потенциала общественной мобилизации, с другой – представляет социальное изменение, которое предполагает преобразование социальной структуры и ценностей европейского общества. В связи с этим, актуальным становится вопрос, приводит ли совокупность кризисов к социальному (в значении социетального) кризису, охватывающему все европейское общество, институты и нормы. Социальный кризис рассмотрен на основе анонии. В качестве критериев для определения ее наличия как фактора социального развития выбраны политическое участие и социальная мобильность. Сделан вывод об особенностях протекания кризисных процессов в государствах – членах ЕС. В результате исследования выделены страны, в которых наиболее выражены признаки анонии.

Ключевые слова: социальный кризис, анония, Евросоюз, политическое участие, социальный лифт, социальная мобильность

Цитирование: Колесов Д.И. (2024) Социальный кризис в ЕС: признаки анонии // Общественные науки и современность. № 6. С. 138–152. DOI: 10.31857/S0869049924060107, EDN: JATTXN

¹ Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Funding. The article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

Social Crisis in the EU: Features of Anomie

© D. KOLESOV

Denis Kolesov, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), deniskolesov@gmail.com. ORCID: 0000-0001-8713-2492

Abstract: The multiplicity of internal and external crises in the European Union raises questions about the possible vector of its development. The transformation of the EU's role amid the restructuring of world politics and economy is inevitably reflected in the social sphere. In this context, the development of the EU, on the one hand, requires significant social resources and the potential for social mobilisation, on the other hand, represents a social change, which implies the transformation of the social structure and values of the society. In this context, the question becomes relevant whether the aggregate of crises leads to a social (in the sense of societal) crisis in the European Union, encompassing the entire European society, institutions and norms. The social crisis on the basis of anomie is considered. Political participation and social mobility are chosen as criteria to determine its presence as a factor of social development. It is concluded that there are differences in the perception of the situation as a crisis in different EU countries. The study identified countries in which features of anomie are most pronounced.

Keywords: social crisis, anomie, European Union, political participation, social elevators, social mobility

Citation: Kolesov D. (2024) Social Crisis in the EU: Features of Anomie. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 138–152. DOI: 10.31857/S0869049924060107, EDN: JATTXN (In Russ.)

Социальный кризис представляет собой острую форму социальных противоречий, в результате которых невозможно развитие общества. Вместе с тем понятие «кризис», как и «социальный кризис», в силу повсеместного использования приобретает характер иллюзорной очевидности, становится размытым и теряет значение [Амоненко 2022].

Общей для большинства современных подходов к определению кризиса выступает идея изменения (позитивного или негативного) как переломного периода или события в общественном развитии, «связанного с дезинтеграцией ключевых социальных институтов, обусловленного процессами делегитимации актуального социального порядка и возникновением новых форм социальной практики» [Колядко 2018, 92]. Другая схожая черта – это сочетание объективных характеристик общественного развития и понимания членами социума ситуации или процесса как кризисного [Локосов, 2008; Alexander 2018; Walby 2022].

В российской европеистике социальный кризис в основном рассматривают в узком смысле, тем самым сводя его к таким темам, как протестная активность и социальное размежевание. Исследователи анализируют кризис социальной Европы², кризис стоимости жизни [Говорова 2023], социальное отторжение [Дериглазова, Чепчугова, Менх 2021], социальное неравенство [Лункин 2023], социальные протесты [Ланина 2023].

Ключевой характеристикой социального кризиса выступает состояние аномии³, т.е. систематическое отклонение от социальных норм; антисоциальное поведение, вызванное

² Сергеев Е.А., Воротников В.В. Социальная Европа и глобальный институциональный кризис: конец эпохи? Москва. 2023. 18 с. (<https://clck.ru/3EG9UB>).

³ Данный термин как категорию социологии ввел Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда».

несоответствием целей и интересов индивидуумов и нормативных путей их осуществления, «состояние, при котором значительная часть общества сознательно нарушает известные нормы этики и права» [Кара-Мурза 2012, 272]. Классические проявления аномии – это девиантное поведение: самоубийство (Э. Дюркгейм) и преступность (Р. Мертон). Несмотря на то что понятие «аномия» было предложено в 1893 г., актуальной исследовательской задачей остаются построение и совершенствование моделей и методов измерения аномии⁴ и выбор значимых критериев [Мещерякова 2014]. К последним относятся членство в религиозной организации, соотношение разводов и браков, электоральное поведение [Chamlin, Cochran 1995], бессмысленность существования, чувство недоверия, моральный упадок [Bashir, Bala 2019]. Однако в силу кризисного развития ЕС [Ferrera, Kriesi, Schelkle 2024] необходимо учитывать изменения нормативного поведения и рутинизацию практик, которые раньше считались девиантными («нормальную аномию») [Кравченко 2014; Катерный 2023].

Множественность внутренних и внешних кризисов в Евросоюзе поднимает вопросы о возможном векторе развития интеграционного объединения [Кавешников 2023], который предполагает не только институциональную, но и социальную трансформацию. Цель статьи – проанализировать состояние аномии в Евросоюзе и его государствах-членах как проявление социального кризиса. Статья не претендует на создание новой модели исследования аномии, а предлагает в качестве критериев для определения последней политическое участие на основе колебаний явки и социальную мобильность⁵. В силу трудности количественного измерения аномии и установления индикаторов в первую очередь рассмотрено нарастание «болезненных явлений» [Кара-Мурза 2013, 16].

Институциональное политическое участие и электоральное поведение

С точки зрения электорального поведения (например, в теории рационального избирателя) обычно предполагается, что высокое институциональное участие гарантирует стабильность демократии. Именно явка на выборы выступает условием для функционирования государства и гражданского общества, обеспечивает стабильность управления. В таком случае абсентеизм является формой девиантного политического поведения, обусловленного кризисом политической системы или ее трансформацией, падением политического доверия, кризисом электоральных или демократических институтов, несоответствием политических спроса и предложения [Бирюков и др. 2018; Kapsa 2020].

Падение явки на выборах выступает глобальным трендом⁶. Согласно исследованию Международного института демократии и содействия выборам 2016 г. (*International Institute for Democracy and Electoral Assistance, International IDEA*), высокий уровень явки в 1940-е–1980-е гг. сменился значительным падением (на 20%) во многом за счет электорального поведения в посткоммунистических государствах. Снижение затронуло и устоявшиеся демократии (на 10%). Абсентеизм свидетельствует не только о политической апатии, а об изменении каналов политического участия (развитии таких форм, как массовые протесты

⁴ К примерам моделей исследования аномии относятся институциональная теория аномии [Rosenfeld, Messner 2006], модель “don’t know anomie” («я не знаю – аномия») [Swader, Kosals 2013].

⁵ Эти показатели часто используются для измерения аномии, наряду с преступностью и уровнем самоубийств. См., например: [Bernburg 2019].

⁶ Kostelka F., Blais A. Global voter turnout has been in decline since the 1960s – we wanted to find out why. The Conversation. 22.09.2021. (<https://theconversation.com/global-voter-turnout-has-been-in-decline-since-the-1960s-we-wanted-to-find-out-why-167775>).

и социальные медиа) [Solijonov 2016]. Кроме того, политическое участие может зависеть от культурных факторов и восприятия выборов в обществе или семье [Митрополитски 2016].

В докладе 2017 г. Объединенного исследовательского центра (JRC) при Европейской комиссии об участии в выборах в Европарламент (ЕП) в 1999, 2004, 2009, 2014 гг. представлены параметры, влияющие на электоральное поведение. Фрагментированность партийно-политического ландшафта, неравенство, неудовлетворенность государственными институтами и степень доверия к институтам ЕС обуславливают более активное политическое участие [Fiorino, Pontarollo, Ricciuti 2017]. Однако отсутствует прямая зависимость между показателем явки и отношением населения к Евросоюзу и его институтам, а «оптимистичный взгляд жителей на будущее ЕС также не всегда способствует высокой явке» [Кузнецов 2019, 22]. Рост участия в выборах в ЕП 2019 г. отражал развитие кризисных явлений: миграционный и экономический кризисы, обострение глобальной конкуренции и т. д. [Гуселетов 2020а]. Выборы 2024 г. продемонстрировали схожие тенденции, включая высокую явку, фрагментацию партийной системы, усиление евроскептиков и правых популистов⁷.

Таблица 1

Явка на выборы в Европарламент по странам, 2004–2024 гг., %⁸

Table 1

Turnout in European Parliament elections by country, 2004–2024, %

	2004	2009	2014	2019	2024		2004	2009	2014	2019	2024
ЕС	45,47	42,97	42,61	50,66	50,74	Швеция	37,85	45,53	51,07	55,27	53,39
Бельгия	90,81	90,39	89,64	88,47	89,01	Венгрия	38,50	36,31	28,97	43,36	59,46
Германия	43,00	43,27	48,10	61,38	64,74	Кипр	72,50	59,40	43,97	44,99	58,86
Италия	71,72	66,47	57,22	54,50	48,31	Латвия	41,34	53,70	30,24	33,53	33,82
Люксембург	91,35	90,76	85,55	84,24	82,29	Литва	48,38	20,98	47,35	53,48	28,97
Нидерланды	39,26	36,75	37,32	41,93	46,18	Мальта	82,39	78,79	74,80	72,70	72,98
Франция	42,76	40,63	42,43	50,12	51,49	Польша	20,87	24,53	23,83	45,68	40,65
Дания	47,89	59,54	56,32	66,08	58,25	Словакия	16,97	19,64	13,05	22,74	34,38
Ирландия	58,58	58,64	52,44	49,70	50,65	Словения	28,35	28,37	24,55	28,89	41,80
Греция	63,22	52,54	59,97	58,69	41,24	Чехия	28,30	28,22	18,20	28,72	36,45
Испания	45,14	44,87	43,81	60,73	46,39	Эстония	26,83	43,90	36,52	37,60	37,64
Португалия	38,60	36,77	33,67	30,75	36,47	Болгария	29,22	38,99	35,84	32,64	33,78
Австрия	42,43	45,97	45,39	59,80	56,25	Румыния	29,47	27,67	32,44	51,20	52,40
Финляндия	39,43	38,60	39,10	40,80	40,38	Хорватия	—	20,84	25,24	29,85	21,35

Источник: *European elections 2024: all you need to know* (<https://elections.europa.eu/en>).

Source: *European elections 2024: all you need to know* (<https://elections.europa.eu/en>).

⁷ Арбатова Н. Чуда при голосовании в Европарламент не произошло. Независимая газета. 16.06.2024. (https://www.ng.ru/dipkurer/2024-06-16/9_9028_voting.html); Камкин А. Выборы в Европарламент – ожидаемый результат с долгосрочными последствиями. РСМД. 21.06.2024. (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/vybory-v-evroparlament-ozhidaemyy-rezultat-s-dolgosrochnymi-posledstviyami/>).

⁸ Выборы в состав Европарламента 2004–2009 гг. в Болгарии и Румынии состоялись в 2007 г., в состав Европарламента 2009–2014 гг. в Хорватии – в 2013 г.

Как следует из табл. 1, сильное изменение электорального поведения, которое может свидетельствовать о признаках аномии, характерно для Германии, Венгрии, Кипра, Польши, Словакии, Румынии, Чехии. Менее значительные изменения произошли во Франции, Австрии, Швеции, Словении.

Выборы в ЕП вторичны по сравнению с национальными и региональными и соответствуют общим характеристикам партийно-политического пространства государств-членов. Ниже рассмотрены выделенные страны с высокими колебаниями явки. С точки зрения изменения электорального поведения, евровыборы в большинстве стран схожи с парламентскими и президентскими. Например, в ФРГ явка после падения в 2009 г. (с 77,65 до 70,78%) возросла к 2021 г. до 76,58%⁹. Учитывая результаты выборов в ландтаги в 2024 г., политическое участие, скорее всего, продолжит усиливаться. Причинами будут политическая поляризация (как между традиционными и протестными партиями, так и восточными и западными немцами); недовольство правящей коалицией; актуальность антимиграционной и антивоенной проблем.

Во Франции явка падала с 71,07% в 1997 г. во втором туре парламентских выборов до 42,64% в 2017 г. Однако в 2024 г. политическое участие возросло до 66,63%. Явка увеличилась вследствие роспуска Э. Макроном Национального собрания из-за победы консерваторов-евроскептиков на евровыборах и накопившихся проблем в социальной сфере. Парламентские выборы стали актом доверия президенту и его коалиции [Рубинский, Синдеев 2024]. Президентские выборы показывают схожие тенденции: падение явки с 83,77 в первом и 83,97% во втором туре в 2007 г. до 73,69 и 71,99% в 2022 г. соответственно, поэтому, с высокой долей вероятности, президентские выборы 2027 г. продемонстрируют рост явки на евровыборы и парламентские выборы. В целом национальные выборы во Франции с временным отставанием следуют за тенденциями, заложенными выборами в ЕП, а также ярко демонстрируют рост политической активности при наличии кризисных явлений.

В Венгрии пик электоральной активности пришелся на 2002 г. – 70,52%. С 2002 г. по 2014 г. явка упала до 61,84% затем стабилизировалась на уровне 69,67% в 2018 г. и 69,59% в 2022 г., но учитывая временное отставание и значительный рост участия в выборах в ЕП, можно прогнозировать увеличение явки. Кроме того, политическое участие возрастет из-за укрепления оппозиции и слабых результатов партии ФИДЕС на евровыборах¹⁰. Похожая ситуация характерна для Кипра, где выборы в ЕП соотносятся с национальными, однако более значительный временной разрыв между голосованиями может не привести к росту явки.

В Австрии явка остается стабильной (75,59% в 2019 г. и 76,25% в 2024 г.). В Швеции падение и рост явки полностью соотносились с национальными и европейскими. При этом колебания с 1991 по 2022 гг. составили всего лишь 7%. Это свидетельствует о стабильном электоральном поведении в обеих странах.

Для Польши характерен значительный рост явки на национальных выборах с 2015 г. Участие в парламентских выборах возросло с 50,92 в 2015 г. до 74,38% в 2023 г., в президентских с 48,96 в 2015 г. до 64,51% в 2020 г. в первом туре и с 55,34 до 68,18% во втором туре. В Словении явка возросла на президентских выборах с 44,24 в первом туре и 42,13% во втором в 2017 г. и до 51,74 и 53,6% в 2024 г., явка на парламентских выборах возросла

⁹ Здесь и далее показатели явки на национальных выборах приводятся на основе базы данных Международного института демократии и содействия выборам. Voter Turnout Database. International IDEA (<https://www.idea.int/data-tools/data/voter-turnout-database>).

¹⁰ Эксперт считает, что выборы в Венгрии показали, что правящей ФИДЕС требуется обновление. ТАСС. 10.06.2024. (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21063383>).

с 52,64 в 2018 г. до 70,97% в 2022 г. Схожая ситуация в Словакии, однако усиление политической активности на выборах более равномерное: участие в парламентских выборах выросло с 59,11 в 2012 г. до 68,52% в 2023 г. В Чехии также наблюдается рост явки, однако он незначителен на парламентских (с 59,48 в 2013 г. до 65,39% в 2021 г.), а на президентских составляет около 10% (в 2013 г. в первом туре – 61,27, во втором – 59,08%; в 2023 – 68,24 и 70,25% соответственно).

В Румынии на национальных выборах зафиксировано падение явки. Участие в парламентских выборах снизилось с 79,69 в 1990 г. до 39,20% в 2008 г. После того как явка возросла в 2012 г. до 41,76%, она продолжила падать и достигла 31,95% в 2020 г. Участие в президентских выборах после роста в 2009 г. с 58,02 во втором туре до 64,11 в 2014 г. во втором туре упало до 54,86% в 2019 г. Явка снизилась в условиях антиправительственных демонстраций, коррупционных скандалов, тяжелой пандемийной ситуации и смены правящей партии в 2020 г., что свидетельствует о разочаровании общества в политической элите и выборах. Низкое политическое участие на парламентских выборах 2020 г. также было вызвано пандемией COVID-19 [Гуселетов 2020b].

Показательна ситуация в Литве, где наблюдаются очень высокие колебания электорального поведения на евровыборах. Однако низкая явка в 2024 г. – 28,97% – может объясняться психологической усталостью: выборы в ЕП стали третьими в году – после парламентских и президентских, которые проходили в два тура. В 2014 и 2019 гг. высокий уровень явки на евровыборах – 47,35 и 53,48% – был обусловлен тем, что выборы в Европарламент и второй тур президентских выборов проходили в одно время. В 2009 г. явка составила 20,98%. Выборы, как и в 2024 г. проходили после парламентских и президентских. При этом одновременно с первым туром парламентских выборов состоялся референдум о продлении работы Игналинской АЭС, а второй тур президентских выборов не состоялся.

Несмотря на то что в целом политическое участие на наднациональном уровне соответствует национальному с отложенным эффектом, синхронность в электоральном поведении менее характерна для стран Восточной Европы. В целом, политическая апатия мало соотносится с идеей как политического, так и социального кризиса. Более того, ситуация в странах, где явка поступательно снижается (например, в Италии), соответствует глобальным тенденциям, а значит не может трактоваться как кризисная. В итоге, аномия в политическом поведении связана не столько с абсентеизмом, сколько с мобилизацией, сменой электорального поведения и различными случайными факторами (например, психологическая усталость и даты выборов).

Таким образом, исходя из институционального политического участия признаки анонии наблюдаются в следующих странах: ФРГ, Франция, Польша, Словения. Потенциально аномия может быть характерна для обществ Португалии, Австрии, Венгрии, Кипра (если явка на национальных выборах возрастет), Словакии, Чехии, Румынии.

Электоральное поведение в странах Восточной Европы может объясняться разочарованностью в интеграционных процессах, конфликтом ряда стран (например, Польши, Венгрии, Болгарии, Чехии, Румынии) с Брюсселем по вопросу интеграции беженцев, украинского зерна, верховенства права. Кроме того, при рассмотрении общественных трансформаций важным отличием выступает положение среднего класса как социальной среды, способной «генерировать наиболее универсальные решения для общества» в условиях кризисов [Мартьянов 2016, 58]. Если фрагментарность и поляризация политического пространства в странах Западной Европы может быть следствием расслоения среднего класса, то в странах Восточной Европы он находится в стадии формирования¹¹.

¹¹ См., например о среднем классе в Польше: [Котулевич-Вишиньска 2019].

Социальная мобильность и социальные лифты

В качестве второго параметра для оценки признаков аномии была выбрана социальная мобильность. В контексте аномии недоступность социальных лифтов должна способствовать эскапизму, социальному и гражданскому отторжению.

Проблема социальной мобильности тесно связана с социальным неравенством. Большая мобильность обусловлена меньшим социальным неравенством и высоким уровнем доступности социальных лифтов. Однако, согласно докладу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 2018 г., ряд европейских стран (Австрия, Франция, Германия, Венгрия) не вписываются в эти параметры. В этих странах высокий уровень равенства доходов сочетается с низкой социальной мобильностью¹². В целом для стран ЕС характерен высокий уровень социальной мобильности, доступа как к образованию и профессиональным возможностям – основным социальным лифтам. Согласно докладу Всемирного экономического форума (ВЭФ) 2020 г., самый высокий уровень социальной мобильности фиксируется в европейских странах (особенно в странах Северной Европы)¹³. Это подтверждают и данные ОЭСР: «Детям из нижнего дециля по заработкам потребуется всего около двух поколений, чтобы достичь уровня среднего заработка в странах Северной Европы, но от четырех до шести поколений в странах континентальной Европы и гораздо больше в странах с развивающейся экономикой»¹⁴. Ключевыми препятствиями для социальной мобильности выступают равенство в оплате труда, недостатки в охвате и ограниченное финансирование механизмов социальной защиты, низкое предложение программ обучения на протяжении всей жизни¹⁵. В рейтинге социальной мобильности ВЭФ 11-е место занимает Германия, 12-е место – Франция. Страны Восточной Европы находятся ниже Западной Европы, но с некоторыми исключениями (см. табл. 2). Словения следует за Францией, а Италия занимает 34-е место. Самые низкие позиции в рейтинге занимают Хорватия, Венгрия, Болгария, Румыния и Греция.

Согласно табл. 2, в сфере доступности образования наиболее низкий показатель среди стран ЕС у Болгарии, Румынии, Греции, Хорватии, а качества и равенства – Италии и Румынии. Наихудшие результаты в области профессиональных возможностей характерны для Испании, Греции, Италии, а распределения заработной платы – для Литвы, Латвии, Португалии, Эстонии, Ирландии.

Однако взятый в отдельности показатель недоступности социальных лифтов необязательно порождает аномию и не свидетельствует о потенциале социального изменения. Аноμία в контексте мобильности предполагает, что институты не приводят к продвижению по социальной лестнице, а достижение социальных позиций – к улучшению условий жизни. Что касается вопроса профессиональной мобильности, то сильный разрыв между возможностями работы и справедливым распределением заработной платы наиболее характерен для Германии. В большинстве стран Европы наблюдается высокий уровень безработицы при высоком уровне распределения трудовых доходов.

¹² OECD. A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. OECD Publishing, Paris. 2018. P. 16. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264301085-en>

¹³ The Global Social Mobility Report 2020. Equality, Opportunity and a New Economic Imperative. January 2020. (http://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf).

¹⁴ OECD. A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. OECD Publishing, Paris. 2018. P. 16. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264301085-en>

¹⁵ The Global Social Mobility Report 2020. Equality, Opportunity and a New Economic Imperative. January 2020. World Economic Forum (http://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf).

Таблица 2

Индекс социальной мобильности по государствам-членам ЕС на 2020 г.¹⁶

Table 2

Social Mobility Index by EU Member States 2020

	Индекс социальной мобильности	Доступ к образованию	Качество и равенство образования	Профессиональные возможности	Справедливое распределение заработной платы
Дания	85,2	85,0	86,1	82,1	80,7
Финляндия	83,6	82,2	83,8	70,5	85,1
Швеция	83,5	84,6	87,4	74,7	74,0
Нидерланды	82,4	88,1	77,0	81,9	68,9
Бельгия	80,1	80,6	77,3	75,1	88,4
Австрия	80,1	85,3	85,4	79,2	61,1
Люксембург	79,8	78,3	82,2	80,1	64,8
Германия	78,8	85,4	75,8	84,0	59,7
Франция	76,7	78,5	72,6	68,4	74,9
Словения	76,4	77,0	77,3	77,7	78,9
Мальта	75,0	71,1	75,2	79,7	74,1
Ирландия	75,0	78,4	78,8	74,9	53,8
Чехия	74,7	82,2	73,5	76,6	74,3
Эстония	73,5	75,2	76,5	77,4	53,9
Португалия	72,0	69,0	76,9	73,8	50,2
Литва	70,5	79,3	83,2	67,4	48,7
Испания	70,0	72,3	74,4	50,4	59,9

¹⁶ Индекс глобальной социальной мобильности строится на основе 55 индикаторов, разделенных по пяти областям и 10 компонентам: здоровье, образование (доступ к образованию, качество образования и равенство образовательных возможностей, обучение на протяжении жизни), доступ к технологиям, труд (профессиональные возможности, справедливое распределение заработной платы, условия труда), социальная защита и инклюзивные институты. Ранжирование стран по компоненту индекса «доступ к образованию» строится на основе следующих показателей: охват дошкольного образования (%); качество профессионального обучения (оценка от 1 до 7); процент молодежи вне занятости и обучения от 15 до 24 лет; процент детей, не посещающих школу; индекс образования с учетом неравенства (оценка с 0 до 100). По компоненту «качество и равенство образования» – процент детей, владеющих языком ниже минимального уровня (%); доля учеников на одного учителя в дошкольном образовании (%); в начальном образовании (%); в среднем образовании (%); гармонизированные результаты обучения (баллы); социальное разнообразие в школах (баллы); нехватка учебных материалов у детей из неблагополучных семей (%). По компоненту «профессиональные возможности» – безработица среди рабочей силы с базовым образованием (%), со средним образованием (%), с высшим образованием (%), в сельской местности (%), соотношение уровня участия женщин и мужчин в рабочей силе, доля работников с нестабильной занятостью (%). По компоненту «справедливое распределение заработной платы» – распространенность низкой оплаты труда (% работников), соотношение трудовых доходов между четырьмя нижними децилями и верхним децилем (%), соотношение трудовых доходов нижних 50% к верхним 50% (%), средний доход нижних четырех децилей (% от среднего национального дохода), скорректированная доля трудового дохода (%). Более подробно о методологии исследования, определениях индикаторов и источниках см.: The Global Social Mobility Report 2020. Equality, Opportunity and a New Economic Imperative. January 2020. World Economic Forum. pp. 205–214. (http://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf).

Окончание таблицы 2
End of Table 2

	Индекс социальной мобильности	Доступ к образованию	Качество и равенство образования	Профессио- нальные возможности	Справедливое распределение зарботной платы
Кипр	69,4	66,2	76,7	68,5	56,0
Польша	69,1	66,2	81,8	75,2	60,0
Латвия	69,0	74,5	83,4	67,9	51,1
Словакия	68,5	69,2	65,4	64,0	77,8
Италия	67,4	68,0	79,1	61,2	65,2
Хорватия	66,7	60,7	78,9	63,8	72,9
Венгрия	65,8	67,2	72,6	79,6	66,3
Болгария	63,8	55,8	70,9	71,2	61,2
Румыния	63,1	54,2	64,0	75,1	68,5
Греция	59,8	60,2	74,6	36,6	60,6

Источник: *The Global Social Mobility Report 2020. Equality, Opportunity and a New Economic Imperative. January 2020. World Economic Forum. 217 p.* (http://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf).

Source: *The Global Social Mobility Report 2020. Equality, Opportunity and a New Economic Imperative. January 2020. World Economic Forum. 217 p.* (http://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf).

О социальном кризисе свидетельствует понимание в обществе отсутствия равенства и недоступности социальных лифтов. Согласно исследованиям Евробарометра 2017 г.¹⁷ и 2022 г.¹⁸ в серии «Справедливость, неравенство и межпоколенческая мобильность», восприятие равенства в ЕС снизилось на 9% (общая доля согласных с ответом на вопрос «в настоящее время (в вашей стране) у вас есть равные возможности для достижения успеха в жизни, как и у всех остальных (%)»). Меньше половины согласны с этим мнением (47%). Эта тенденция не коснулась только Румынии (с утверждением согласилось на 2% больше, а не согласились на 10% меньше, чем в 2017 г.). Самый высокий показатель разницы между 2017 и 2022 гг. в Нидерландах: на 36% меньше респондентов согласны с наличием равенства. Наибольшие изменения в положительном восприятии равенства и справедливости произошли на Мальте (–20%), в Ирландии (–20%), Дании (–18%), Германии (–17%), Швеции (–16%). При этом этот показатель значительно различается между Западной и Восточной Европой: в Словении (–12%), Латвии (–9%), Польше (–8%). Исключением из этой тенденции стала Франция (падение только на 5%)¹⁹.

¹⁷ Special Eurobarometer 471. Fairness, inequality and intergenerational mobility. December 2017. Report. April 2018. DOI: 10.2760/288550

¹⁸ Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Report. 2023. DOI: 10.2767/175902; Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Data annex. February 2023. (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2652>).

¹⁹ Special Eurobarometer 471. Fairness, inequality and intergenerational mobility. December 2017. Report. April 2018. T5. DOI: 10.2760/288550; Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Data annex. February 2023. P. 4. (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2652>).

Что касается представлений о социальных лифтах, оно не сильно поменялось с 2017 по 2022 гг. Наибольшие изменения произошли в представлениях о семье, т. е. о неприобретенных характеристиках. В области отношения к труду на 2% меньше европейцев стали считать работу важным фактором социальной мобильности, как и в целом опрошенные в разных странах ЕС. Наибольшая разница в восприятии между 2017 и 2022 гг. наблюдалась в Словении (–7%), Португалии (–6%), Германии (–5%), Нидерландах (–4%) (показатели «необходимый» и «важный»). Несмотря на кризисные явления в социальной сфере, пандемию, развитие украинского конфликта, эта область показывает высокую степень устойчивости. Бóльшая вера в возможность вертикальной мобильности через труд стала характерна для Чехии (5%), Болгарии (4%), Латвии (4%). В отношении к образованию наибольшие изменения коснулись респондентов в Венгрии (рост на 11%), Болгарии (5%) и Литве (5%). Показатель отношения к образованию как самому важному социальному лифту упал в Австрии (–10%), Дании (–9%), Германии (–7%), Люксембурге (–7%), Румынии (–7%)²⁰.

Недоверие к социальным лифтам стало также одной из тенденций для ряда стран, однако в целом в ЕС-27 доля опрошенных, считающих рождение в благополучной семье важным для социальной мобильности, упала на один процент. Наибольшее падение произошло в Чехии на 11% и Словакии на 7%. Происхождение из богатой семьи стало более важным для жителей Люксембурга (16%), Мальты (16%) и Нидерландов (11%)²¹. В целом, изменение отношения к равенству и восприятия приобретенных и неприобретенных качеств, необходимых для восходящей мобильности, свидетельствует о том, что граждане государств-членов ЕС меньше верят в социальную справедливость. В странах Западной Европы стали больше осознавать наличие неравенства и недоступность социальных лифтов. В странах Восточной Европы стали больше ценить образование и труд как возможность продвижения в социальной иерархии.

В отношении восприятия межпоколенческой мобильности значительно увеличилась доля людей, считающих себя более образованными по сравнению с родителями, во всех странах ЕС, кроме Португалии. Незначительный рост (менее 10%) произошел в Эстонии (1%), Франции (9%), на Кипре (6%) и в Швеции (4%) по сравнению с отцами, а также в Бельгии (7%), Болгарии (9%), Дании (3%), Германии (9%), Греции (6%) по сравнению с матерями²². Это свидетельствует о том, что опрошенные в перечисленных странах воспринимают настоящее намного более пессимистично, чем граждане других государств – членов ЕС.

Традиционным выражением недоступности или дисфункции социальных лифтов становится миграция. С 2016 г. новой тенденцией в географической мобильности внутри ЕС стал в ней рост доли людей с высоким уровнем образования, что свидетельствует об интеллектуальной миграции, или «утечке мозгов»²³. Одним из важнейших источников

²⁰ Special Eurobarometer 471. Fairness, inequality and intergenerational mobility. December 2017. Report. April 2018. P. T18. DOI: 10.2760/288550; Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Data annex. February 2023. P. 8. (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2652>).

²¹ Special Eurobarometer 471. Fairness, inequality and intergenerational mobility. December 2017. Report. April 2018. T16. DOI: 10.2760/288550; Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Data annex. February 2023. P. 6. (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2652>).

²² Special Eurobarometer 471. Fairness, inequality and intergenerational mobility. December 2017. Report. April 2018. P. T55. DOI: 10.2760/288550; Special Eurobarometer 529. Fairness, inequality, and intergenerational mobility. May – June 2022. Data annex. February 2023. P. 29. (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2652>).

²³ Gigani M. EU seeks to stem brain drain. Euranet Plus News Agency. 12.01.2024. (<https://euranetplus-inside.eu/eu-seeks-to-stem-brain-drain/>).

человеческих ресурсов для стран Западной Европы выступают страны Восточной Европы и Прибалтики. В 2019 г. из стран Восточной Европы и Прибалтики всего эмигрировало 13,7 млн человек. Из них около 70% переместились в страны ЕС с высоким уровнем доходов²⁴. Почти каждый пятый высокообразованный и высококвалифицированный специалист из Румынии, Болгарии и Хорватии покинул страну²⁵. Согласно докладу Европейской комиссии 2024 г., в течение 2017–2022 гг. граждане Румынии (25%), Польши (12%) и Италии (10%) представляли самые большие группы среди перемещающихся внутри ЕС²⁶.

Перемещение человеческих ресурсов подрывает благополучие стран исхода и при этом способствует экономическому росту принимающих стран, что приводит к росту межстранового неравенства. В особенности на состояние аномии и восприятие кризиса в странах Восточной Европы в долгосрочной перспективе повлияет миграция работников в секторе здравоохранения, так как, по мнению европейцев, последнее выступает одним из основных элементов и приоритетов социально-экономического развития²⁷.

Кроме того, в условиях развития дистанционной занятости²⁸ и изменения глобальной конкуренции (усиление технологического потенциала Китая, ослабление конкурентных преимуществ ЕС, быстрый экономический рост стран и регионов Глобального Юга) Евросоюз может также столкнуться с реэмиграцией высококвалифицированных работников из стран Азии и Африки²⁹, эмиграцией IT-специалистов и релокацией производств вместе с рабочей силой³⁰.

Заключение

Социальный кризис, исходя из рассмотренных параметров, по-разному проявляется в государствах-членах ЕС. Заметны сильные различия между Западной и Восточной Европой. В целом, асинхронность как политических, так и социальных процессов и низкие показатели социальной мобильности в новых государствах-членах свидетельствуют о росте социальной напряженности в Евросоюзе.

На основе рассмотренных параметров можно выделить страны, в которых наиболее ярко проявляются признаки аномии – Германия, Венгрия, Кипр, Словения, Нидерланды. В последних произошли самые значительные изменения в восприятии равных возможностей при существенном росте значимости неприобретенных возможностей

²⁴ Миграция и «утечка мозгов». Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии. Международный банк реконструкции и развития, Всемирный банк. 2019. С. 8, 31. DOI: 10.1596/978-1-4648-1506-5

²⁵ Demirgüç-Kunt A., Muller C. Существует ли стратегия защиты от утечки мозгов в Европе? Перспективы Евразии. Блоги Всемирного Банка. 09.10.2019. (clck.ru/3EGVUf).

²⁶ European Commission. Annual Report on Intra-EU Labour Mobility 2023. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2024. 159 p. DOI: 10.2767/59413

²⁷ Special Eurobarometer 546. Social Europe. Feb. – Mar. 2024. Report. April 2024. DOI: 10.2767/922800; Flash Eurobarometer 550. EU challenges and priorities. June – July 2024. Report. 2024. DOI: 10.2775/66736

²⁸ После пандемии COVID-19 доля занятых удаленно снизилась, но она остается выше, чем до пандемии. Согласно Евростату в 2019 г. удаленно трудились 5,4% работников, в 2023 г. – 8,9%. Employed persons working from home as a percentage of the total employment, by sex, age and professional status (%). Eurostat. 13.09.2024. DOI: https://doi.org/10.2908/LFSA_EHOMP

²⁹ Европу ждет обратная «утечка мозгов»: до 3,5 млн высококвалифицированных специалистов могут вернуться на родину. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. 08.07.2021. (<https://www.hse.ru/news/484812275.html>).

³⁰ Robertson J. China's Semiconductor Ambitions Fuel European Brain Drain. Bloomberg. 19.07.2023. (<https://clck.ru/3EGbQQ>); Europe in the Crosshairs. Strider. 19.07.2023. (<https://clck.ru/3EGvRB>).

социальной мобильности (например, происхождения). Во Франции, несмотря на высокую явку, восприятие социальных лифтов и равенства не сильно поменялось: согласно Евробарометру, всего лишь на 5% меньше опрошенных во Франции в 2021 г. согласны или полностью согласны с наличием равных возможностей для достижения успеха по сравнению с 2017 г. Более того, показатели межпоколенческой мобильности практически не изменились по сравнению с другими странами ЕС, что может свидетельствовать о восприятии кризиса, политических и социальных расколов как нормальных, а также объясняться временными отрезками исследований. В Румынии и Польше социальные издержки возможно сглаживаются миграцией активного населения. Это в особенности характерно для первой – единственной страны Евросоюза, общество которой стало считать жизнь более справедливой, несмотря на кризисные явления в стране и низкие показатели социальной мобильности. Для Словении характерен рост явки, высокий уровень социальной мобильности, однако изменение восприятия труда и равенства свидетельствуют о разрыве между объективным положением и субъективным отношением к кризисным явлениям.

Современные методы и подходы к исследованию аномии (например, теория рационального избирателя) мало учитывают кризисные условия; культурные факторы; диспропорции между государствами-членами; положительное влияние процессов, традиционно считавшихся неблагоприятными (например, миграции); специфику современного социально-экономического развития Евросоюза и государств-членов. Актуальным представляется поиск индикаторов, которые могут подходить для всех стран – членов Евросоюза с учетом их социально-экономического развития и культурных особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Амоненко С.А. (2022) Понятие социального кризиса: проблема концептуализации и методы исследования // *Философские исследования*. Вып. 9. С. 100–111.
- Amonenko S.A. (2022) The concept of social crisis: the problem of conceptualization and research methods. *Filosofskie issledovaniya*, iss. 9, pp. 100–111. (In Russ.)
- Бирюков С.В., Кисляков М.М., Щеглова Д.В., Прокопенко С.А. (2018) Электоральный абсентеизм в контексте современных социально-политических трансформаций // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 43. С. 171–180.
- Biryukov S.V., Kislyakov M.M., Shcheglova D.V., Prokopenko S.A. (2018) Electoral Absenteeism in the Context of Modern Socio-political Transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 43, pp. 171–180. (In Russ.)
- Говорова Н.В. (2023) Уровень и качество жизни в ЕС: вызовы «новой» реальности // *Современная Европа*. № 4. С. 146–156. <https://doi.org/10.31857/S0201708323040083>
- Govorova N.V. (2023) Living standards and quality of life in the EU. *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 146–156. <https://doi.org/10.31857/S0201708323040083> (In Russ.)
- Гуселетов Б.П. (2020а) Итоги европейских выборов 2019: новая расстановка сил в Европарламенте и Еврокомиссии, включая гендерный аспект // *История и современное мировоззрение*. Т. 2. № 4. С. 10–16. <https://doi.org/10.33693/2658-4>
- Guseletov B.P. (2020a) Results of the 2019 European elections: New balance of power in the European Parliament and the European Commission, including the gender aspect. *Istorija i sovremennoe mirovozzrenie*, vol. 2, no. 4, pp. 10–16. <https://doi.org/10.33693/2658-4654-2020-2-4-10-16> (In Russ.)
- Гуселетов Б.П. (2020b) Итоги парламентских выборов в Румынии // *Аналитические записки ИЕ РАН*. Выпуск IV. <https://doi.org/10.15211/analytics462020>

Guseletov B.P. (2020b) Results of Parliamentary Elections in Romania. *Analiticheskie zapiski IE RAN*, issue 4. <http://doi.org/10.15211/analytics462020> (In Russ.)

Дериглазова Л.В., Чепчугова А.П., Менх В.В. (2021) Проблема социального отторжения в странах ЕС: определение и методы измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. Т. 14. № 2. С. 201–224. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.205> (In Russ.)

Deriglazova L.V., Chepchugova A.P., Menkh V.V. (2021). The problem of social exclusion in EU countries: Definition and measurement methods. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 14, no. 2, pp. 201–224. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.205> (In Russ.)

Кавешников Н.Ю. (2023) Европейский союз: история, институты, деятельность. М.: Аспект Пресс. 368 с.

Kaveshnikov N.Yu. (2023) *Evropeiskii soyuz: istoriya, instituty, deyatel'nost'* [European Union: History, Institutions, Activities: Textbook]. Moscow: Aspekt Press. 368 p. (In Russ.)

Кара-Мурза С.Г. (2012) Кризисное обществоведение. Часть вторая. Курс лекций. М.: Научный эксперт. 384 с.

Kara-Murza S.G. (2012) *Krizisnoe obshchestvovedenie. Chast' vtoraya. Kurs lekcij* [Crisis Social Science. Part Two. Lecture Course]. Moscow: Nauchny Expert. 384 p. (In Russ.)

Кара-Мурза С.Г. (2013) Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт. 260 с.

Kara-Murza S.G. (2013) *Anomija v Rossii: prichiny i projavlenija* [Anomie in Russia: Causes and Manifestations]. Moscow: Nauchny Expert. 384 p. (In Russ.)

Катерный И.В. (2023) Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность // Социологические исследования. № 10. С. 14–26. <https://doi.org/10.31857/S013216250028301-4>

Katernyi I.V. (2023) Development of Crisis Theory in Sociology: Evolution of Ideas and Modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 14–26. <https://doi.org/10.31857/S013216250028301-4> (In Russ.)

Кравченко С.А. (2014) «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. № 8. С. 3–10.

Kravchenko S.A. (2014) «Normal Anomie»: Outlines of the Concept, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 3–10. (In Russ.)

Колядко И.Н. (2018) Кризис в процессах трансформации социума: социально-философский анализ // Философские исследования. Вып. 5. С. 87–97.

Kolyadko I.N. (2018) Crisis in the processes of transformation of society: socio-philosophical analysis. *Filosofskie issledovaniya*. iss. 5, pp. 87–97. (In Russ.)

Котулевич-Вишиньска К. (2019) Средний класс в современной Польше // Современная Европа. № 7. С. 59–71. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720195971>

Kotulevich-Vishinskaya K. (2019) The Middle Class in Modern Poland. *Sovremennaya Evropa*, no. 7, pp. 59–71. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720195971> (In Russ.)

Кузнецов А.В. (2019) Явка на выборах в Европарламент: изменение отношения к ЕС жителей разных стран-членов // В: Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции. Ред.: Квашнина Ю.Д., Кудрявцева А.К., Плевако Н.С., Швейцера В.Я. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН. С. 18–22.

Kuznetsov A.V. (2019) Voter turnout in the European Parliament elections: Changing attitudes towards the EU among citizens of different member states. In: *Iybory v Evroparlament – 2019: nacional'nye otvety na dilemmy evropejskoj integracii*. Eds.: Kvashnin Yu.D., Kudryavtsev A.K., Plevako N.S., Schweitzer V.Ya. Moscow: IMEMO RAS, IE RAS. Pp. 18–22. (In Russ.)

Лапина Н.Ю. (2023) Социальный протест в глобальном мире // Актуальные проблемы Европы. № 3. С. 7–31. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.01>

Lapina N.Yu. (2023) Social Protest in the Global World. *Actual Problems of Europe*, no. 3, pp. 7–31. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.01> (In Russ.)

- Локосов В.В. (2008) Кризис социальный // В: Социологический словарь. Ред: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. М.: Норма. С. 204.
- Lokosov V.V. (2008) Social Crisis. In: *Sotsiologicheskii slovar'* (Eds.): Osipov G.V., Moskvichev L.N. Moscow: Norma. P. 204. (In Russ.)
- Лункин Р.Н. (2023) Социальное неравенство в современном обществе риска // Современная Европа. № 7. С. 176–191. <https://doi.org/10.31857/S0201708323070148>
- Lunkin R.N. (2023) Social Inequality: The Modern Risk Society. *Sovremennaya Evropa*, no. 7, pp. 176–191. <https://doi.org/10.31857/S0201708323070148> (In Russ.)
- Мартыанов В.С. (2016) Прощай, средний класс // Свободная мысль. № 5. С. 53–70.
- Martyanov V.S. (2016) Farewell, Middle Class. *Svobodnaya mysl'*, no. 5, pp. 53–70. (In Russ.)
- Мещерякова Н.Н. (2014) Теоретико-методологические подходы к изучению социальной аномии в российском обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3 (27). С. 104–113.
- Meshcheryakova N.N. Theoretical and methodological approaches to the study of social anomie in Russian society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, no. 3(27), pp. 104–113.
- Митрополитски С. (2016) Интерпретационный подход к голосованию. Российский опыт // Полис. Политические исследования. № 4. С. 65–80. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.07>
- Mitropolitsky S. (2016) Interpretive Approach to Voting. Russian Experience. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 65–80. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.07> (In Russ.)
- Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. (2024) Поиск новой стратегии франко-германского тандема: период ограниченной дееспособности // Современная Европа. № 5. С. 36–48. <https://doi.org/10.31857/S0201708324050036>
- Rubinskiy Yu.I., Sindeev A.A. (2024) In Search of a New Strategy of the Franco-German Tandem: Period of Limited Capacity. *Sovremennaya Evropa*, no. 5, pp. 36–48.
- Alexander J.C. (2018) The Societalization of Social Problems: Church Pedophilia, Phone Hacking, and the Financial Crisis. *American Sociological Review*. No. 00(0). Pp. 1–30. <https://doi.org/10.1177/0003122418803376>
- Bashir H., Bala R. (2019) Development and Validation of a Scale to Measure Anomie of Students. *Psychol Stud*. Vol. 64. No. 2. Pp. 131–139.
- Bernburg J.G. (2019) Anomie Theory // In: Oxford Research Encyclopedia of Criminology. Ed.: H.N. Pontell. Oxford University Press. (<https://oxfordre.com/criminology/view/10.1093/acrefore/9780190264079.001.0001/acrefore-9780190264079-e-244>).
- Chamlin M., Cochran J. (1995) Assessing Messner and Rosenfeld's Institutional Anomie Theory: A Partial Test. *Criminology*. No. 33. Pp. 411–429.
- Kapsa I. (2020) Political Trust vs. Turnout in Modern Democracies. *Polish Political Science Yearbook*. Vol. 49. No. 3. Pp. 151–160. <https://doi.org/https://doi.org/10.15804/ppsy2020309>
- Walby S. (2022) Crisis and society: developing the theory of crisis in the context of COVID-19. *Global Discourse*. Vol. 12. No. 3–4. Pp. 498–516. <https://doi.org/10.1332/204378921X16348228772103>
- Ferrera M., Kriesi H., Schelkle W. (2024) Maintaining the EU's compound polity during the long crisis decade. *Journal of European Public Policy*. Vol. 31. No. 3. Pp. 706–728. <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2165698>
- Fiorino N., Pontarollo N., Ricciuti R. (2017) Supra National, National and Regional Dimensions of Voter Turnout in European Parliament Elections. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 30 p.
- Rosenfeld R., Messner S.F. (2006) The Origins, Nature, and Prospects of Institutional-Anomie Theory. In: *The Essential Criminology Reader*. Ed.: S. Henry. N.Y.: Routledge. Pp. 164–173.
- Solijonov A. (2016) Voter Turnout Trends around the World. Stockholm: International IDEA. 51 p.

Swader C.S., Kosals L.Y. (2013) Post-socialist anomie through the lens of economic modernization and the formalization of social control. *Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC "Sociology"*. No. 17. Pp. 2–32.

Информация об авторе

Колесов Денис Иванович, младший научный сотрудник Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. E-mail: deniskolesov@gmail.com

About the author

Denis I. Kolesov, Junior Research Fellow, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Address: 125009, Mokhovaya St. 11-3, Moscow, Russia. E-mail: deniskolesov@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 31.10.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 20.11.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 15.12.2024